

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории

**«ЗА ПОЛЬСКИМ ЧАСАМ...»:
ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2015

УДК 94(476)«1921/1939»

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
учреждения образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

зав. кафедрой истории Беларуси, археологии
и специальных исторических дисциплин,
доктор исторических наук С.А. Пивоварчик;
зав. кафедрой социально-политических и исторических наук
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Мошук*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент Е.С. Розенблат (гл. ред.),
кандидат исторических наук, доцент И.Э. Еленская,
кандидат исторических наук, доцент Е.И. Пашкович,
кандидат исторических наук, доцент Т.М. Тохиян,
лаборант кафедры всеобщей истории Н.И. Кравчук

«За польскім часам...»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2015. – 171 с.

Сборник содержит записи воспоминаний устной истории о 20–30-х гг. XX ст. жителей западных областей Беларуси. В сборник включены аналитическая статья; материалы устных воспоминаний, географический указатель, а также методические рекомендации по сбору материалов устной истории и работе с респондентами.

Адресуется научным работникам, ученым, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется актуальными проблемами новейшей истории Беларуси.

Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ Г13-109 «Историческая память о 20–30-х годах XX века в устной истории (на примере западных областей Беларуси)» (№ гос. регистрации 20131474).

СОДЕРЖАНИЕ

Западная Беларусь в 1921–1939 гг.: историческая память о «соседях» в материалах устной истории.....	4
Воспоминания о 1921–1939 гг.	22
Географический указатель	159
Методические рекомендации по сбору материалов устной истории	163

**ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В 1921–1939 гг.:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О «СОСЕДЯХ»
В МАТЕРИАЛАХ УСТНОЙ ИСТОРИИ**

Последние двадцать лет отмечены невиданной активизацией в изучении истории Западной Беларуси межвоенного периода. Открытость архивов, обращение к тематике истории национальных меньшинств, политических партий и организаций, издание многочисленных монографий и защита диссертаций создали предпосылки для нового, более объективного исследования истории Западной Беларуси [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13, 15; 16]. На очереди – фундаментальные исследования межэтнических отношений, ментальности различных этнических групп, ландшафта исторической памяти населения Западной Беларуси. И это очень непростая задача. Очевидно следует согласиться с авторами монографии «Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории», которые отметили, что «...феномен под названием “Западная Беларусь” слишком сложен для его однозначного толкования» [14, с. 93]. Отметим также, что Западная Беларусь представляла собой уникальный полиэтнический регион. Эту территорию можно рассматривать как обширную «контактную зону» межэтнических отношений, понимая под этим ограниченное пространство–место, где существует сложившаяся система межэтнической субординации и происходит активное взаимодействие между представителями различных этнических групп [11]. Принимая во внимание пропорции этнических групп, особенности их геополитической ориентации, образа жизни и традиционных занятий, а также специфику общественно-политической и социально-психологической атмосферы в городской и сельской местностях, следует, давая оценку межэтническим отношениям, различать особенности таких территориальных уровней, как город – местечко – деревня.

Оптимальным при изучении межэтнических отношений является выделение внутри контактной зоны контактных сфер – отдельных областей жизнедеятельности, в которых происходило установление систематических контактов между представителями различных этнических групп. В сферах общественно-политической жизни, жизнеобеспечения, межличностных отношений можно выделить ряд параметров, раскрывающих характер межэтнических связей: интенсивность и специфику взаимодействия этнических групп; мотивы вступления в контакт представителей различных этнических групп; степень регламентации межэтнических отношений институтами власти; степень традиционности или экстраординарности межэтнических отношений;

факторы, влияющие на динамику межэтнических отношений; механизм формирования этностереотипов.

Безусловно, изучение исторической памяти жителей Западной Беларуси будет неполным без привлечения материалов устной истории, которые содержат уникальную как прямую, так и скрытую информацию, только частично представленную в других источниках личного происхождения (мемуарах, дневниках, письмах), которая дает возможность изучать такие явления и процессы как: повседневная жизнь, ментальность белорусов, поляков и евреев, социальные, религиозные и нравственные ориентиры поведения представителей различных этнических групп в определенных социальных условиях, идеологизацию, мифологизацию и фольклоризацию прошлого.

Ландшафт исторической памяти жителей западных областей Беларуси о периоде вхождения этой территории в состав Польши в 1921–1939 гг. вмещает воспоминания о детстве, семье, повседневных заботах, обычаях и традициях. Значительное место в воспоминаниях занимают сведения об этнических группах соседей – евреях и поляках.

Следует учитывать, что воспоминания представителей старшего поколения транслируют не столько объективные представления о евреях, которые в восприятии окружающего населения являлись носителями чужой культуры и религии, сколько субъективные и, безусловно, мифологизированные суждения, основанные на наиболее распространенных этностереотипах. Высказывания респондентов укладываются в широкий диапазон мнений и оценок.

Исторически сложилось так, что социальная структура жителей западных областей Беларуси в значительной степени кореллировалась с этнической структурой населения. Особенностью ситуации здесь в 1920–1930-е годы являлось разделение, специализация рода занятий по национальному признаку. Поляки представляли элиту – интеллигенцию (служащие), белорусы составляли основную часть крестьянства, евреи доминировали в сфере бизнеса и коммерции – производстве и торговле. Существование подобной модели в значительной степени препятствовало смешиванию этнических групп на рабочих местах, ограничивало масштабы межэтнических контактов.

Многие воспоминания жителей западных областей Беларуси связаны с коммерческой деятельностью евреев. Евреи выступали в роли связующего звена между городом и селом, вели торговлю, участвуя в сделках «купли-продажи». Широкое хождение имеют рассказы о еврейской предприимчивости, изворотливости, способностях обманывать и таким образом наживаться за счет христиан. Сам род занятий евреев – их активное участие в торговле – определял со стороны принимающего

общества реакцию настороженности, подозрительности и уверенности в том, что богатство евреев не может являться следствием честного труда. Согласно крестьянской ментальности труд понимается как тяжелая физическая работа, этим отчасти объясняется позиция многих респондентов, которые отказываются считать евреев людьми, честно зарабатывающими на кусок хлеба. Традиционные занятия евреев ремеслом и торговлей трактовались в то время и объясняются до сих пор как средство сознательно избежать участия в единственно праведном способе получения средств к существованию – земледелию.

Одним из наиболее обсуждаемых аспектов, который возникает в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, является вопрос о еврейском благосостоянии. Любопытно отметить, что у белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось прежде всего со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Вследствие этой чисто крестьянской ментальности в качестве примеров богатых людей респонденты называют местных «панов» – владельцев имений, как правило, поляков по национальности. В случае с евреями мерилем богатства в глазах сельских жителей выступала не земля, а бытовое благосостояние, которое ассоциировалось с городским образом жизни. Евреи, проживавшие в деревне и местечке, или появившиеся в силу своих занятий в сельской местности, воспринимались как носители городской культуры. В воспоминаниях определены такие критерии еврейского материального благополучия как дома (квартиры), мебелировка, одежда, повседневная пища, драгоценности, деньги, возможности ездить за границу, заниматься бизнесом и использовать наемный труд. Но значительная часть респондентов отзывается о материальном положении еврейского населения гораздо более сдержанно. Белорусы, повседневно наблюдая жизнь еврейских соседей, замечали разницу в достатке еврейских семей и вспоминают о еврейской бедноте. Значительная часть респондентов отмечает такие качества евреев как трудолюбие, честность и бескорыстие. Нельзя не отметить, что если сообщения о еврейской хитрости носят абстрактный характер, то рассказы о еврейском трудолюбии, умениях выполнять различные работы по хозяйству и желании прийти на помощь соседям, в том числе соседям-христианам, как правило, проиллюстрированы конкретными примерами.

В записанных интервью содержится признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующиеся спросом товары и услуги. Многие респонденты отмечают дешевизну товаров в еврейских магазинах и

лавках, вспоминают различные приемы, которые применяли еврей-торговцы, чтобы привлечь покупателей, возможность обменивать товары на сельскохозяйственные продукты, систему скидок, обходительность торговцев, их желание угодить клиенту. В сельской местности существовало острая проблема нехватки наличных денег. Для белорусского крестьянина возможность занять деньги у знакомого еврея было огромным успехом. На самых приемлемых условиях и без всякого юридического оформления документов евреи одалживали различные суммы денег, отпускали в кредит товары, что существенно облегчало решение повседневных проблем ведения хозяйства белорусскими крестьянами и горожанами.

Особое уважение у респондентов вызывают еврей-ремесленники. Обращение к услугам евреев-кузнецов, сапожников, портных считалось нормой сельской жизни. Многие респонденты подчеркивают профессионализм и высокое качество предлагаемых евреями услуг, а также возможность обучаться у них ремесленной специальности. Ещё одна важная деталь, характеризующая взаимоотношения евреев и соседей, – возможность заработать у евреев, поправить свое материальное положение. В белорусской деревне имел значение буквально каждый заработанный злотый, о чем свидетельствует тот факт, что в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, переживших много денежных реформ и изменений цен на товары, с документальной точностью указывается стоимость различных товаров и регламентация оплаты различных видов работ.

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ еврея в восприятии жителей западных областей Белоруссии накануне второй мировой войны. Этот образ неоднозначен, поскольку и отношение к евреям со стороны принимающего общества было двойственным. Если суммировать все исходные данные, обобщив сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных еврейских портрета:

1. «Плохой» еврей. В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Это хитрый, расчётливый, скрытно действующий человек, манипулирующий другими, менее предприимчивыми, «простыми» людьми. «Плохой» еврей представляет определенную опасность для окружающих: он может обмануть, воспользоваться неграмотностью «простых» людей, использовать их в своих целях. «Плохой» еврей живет по своим законам в чужом мире, познать который невозможно и проникать в который опасно. У «плохих» евреев все не так, как в своем, привычном мире, еврейский мир – это закрытый мир, враждебный белорусу, что чувствуется им на интуитивном уровне (конкретных доказательств вреда,

причиняемого евреями нет, но от этого убежденность в способностях евреев вредить другим людям не становится меньшей).

Позиция «свой – чужой» в отношении еврейского населения в рассказах респондентов обозначена достаточно четко. Понятие «чужой» определялось на основании особенностей внешности, культуры, религии, жизненного уклада.

Дистанция между еврейским и нееврейским населением, особенно в сельской местности, выдерживалась строго и неукоснительно. Браки с евреями были исключением, а ассортимент объяснений причин редких случаев заключения смешанных браков чрезвычайно показателен. С одной стороны, жители западных областей Беларуси склонны считать, что связать свою судьбу с представителем еврейского народа – значит опозорить свою семью, а с другой стороны подчеркивается нежелание евреев идти за заключение браков с белорусами, даже опасность подобных попыток.

Нарративы о евреях содержат отзвуки «кровавых наветов». Конфессиональный антагонизм между христианской и иудейской культурами обуславливал сохранение суеверий, своими корнями уходящих в средневековые традиции, об использовании евреями христианской крови для ритуальных действий.

2. «Хороший» еврей. В этом образе аккумулированы позитивные качества. «Хорошие» евреи отзывчивы, готовы прийти на помощь своим соседям, доброжелательны и открыты. Положительно характеризуя евреев, многие отмечают сплоченность евреев, еврейскую солидарность. Эти черты вызывают уважение и оцениваются как образцовые, достойные того, чтобы перенимать их, учиться взаимовыручке. Респонденты с одобрением отмечают такие качества евреев, как стремление дать детям образование, приверженность трезвому образу жизни.

Жители западных областей Беларуси как на индивидуальном, так и на коллективном уровне участвуют в создании параллельно сосуществующих в исторической памяти негативно и позитивно окрашенных образов еврея. В устных воспоминаниях еврей предстает одновременно в нескольких ипостасях: как «плохой» и «хороший», мошенник и помощник, опасный и безобидный сосед. Пожилые люди, которые сталкивались с евреями эпизодически, более склонны к демонизации евреев, чем люди, прожившие бок о бок с евреями много лет. Жители деревень и местечек, где евреи составляли значительную часть населения и где межэтническое взаимодействие строилось на постоянной основе, в большей степени склонны к созданию идеализированного образа соседа-еврея. Безусловно, на оценку современных респондентов особое влияние оказала судьба еврейского народа в годы Второй мировой войны.

Трагедия Холокоста, не оставившая равнодушными жителей западных областей Беларуси, наложила свой отпечаток на воспоминания людей. Сочувствие к погибшим придает определенный оттенок рассказам о характере довоенных взаимоотношений с евреями, вызывает иногда со стороны респондентов желание уклониться от воспоминаний об отрицательных сторонах межэтнических контактов.

Анализ собранных материалов устной истории позволяет представить определенную систему этнического взаимодействия, сложившегося на территории западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Отношения между евреями и белорусами регулировались на основании своего рода кодекса – неписаных правил, которые формировались на протяжении веков. Этническая солидарность между евреями и белорусами возникала прежде всего в хозяйственной сфере, где эти группы выступали как взаимодополняющие друг друга элементы. Инициативы в установлении рыночных отношений и активизации деловых контактов исходили во многом именно от евреев. Отсюда признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующие спросом товары и услуги. В ряде случаев предприимчивость евреев раздражала и воспринималась как некий «еврейский заговор», договоренность не пускать в наиболее выгодные сферы деятельности белорусов. Неписанные правила невмешательства в сугубо «внутриэтнические» дела иной раз нарушались детьми и подростками, у которых повышенный интерес вызывали особенности чужой культуры.

Воспоминания помогают определить основные принципы, которых придерживалось еврейское население, существуя в иноэтнической среде:

1. Адаптация. Евреи обладали высокой степенью коммуникативности, были ориентированы на то, чтобы подстраиваться под существующие условия и по возможности изменять их для улучшения качества жизни. Евреи были способны мимикрировать в любом окружении. Адаптация облегчалась хорошим знанием местного языка и диалектов, местных традиций и обычаев, психологии окружающих. Евреи достаточно гибко реагировали на изменение политической и рыночной конъюнктуры, приспособлялись к требованиям принимающего общества и немалых успехов достигли в том, чтобы обеспечивать собственные интересы и даже войти в состав экономической элиты.

2. Обеспечение безопасности. Поведение евреев в повседневной жизни было продиктовано необходимостью создания таких внешних связей в принимающем обществе, которые могли служить гарантией безопасности жизни и имущества еврейского меньшинства. Горький опыт пережитых погромов и грабежей способствовал тому, что вырабатывалась

определенная манера общения с представителями других этнических групп. Соображения безопасности, т.е. поддержание нормальных отношений с окружающим населением, были выше материальной выгоды. Споры и дразги, возникающие на бытовом уровне, решались мирным путём, часто без обращения в официальные инстанции. Пожалуй, умение евреев разрешать конфликты без конфликтов, и порождали легенды об их хитрости и уме.

3. Сохранение идентичности. Проницаемость еврейской общины была ограниченной. Контакты с принимающим обществом устанавливались только в определенных сферах взаимодействия и не касались религии, традиций и культуры.

Взаимоотношения евреев и белорусов можно определить как этнический компромисс. Интеграция евреев в принимающем обществе была глубокой только в хозяйственной сфере. Это был не совсем надежный путь укрепления фундамента межэтнических отношений. Да, во многих воспоминаниях жителей западных областей Беларуси содержатся утверждения о полезности евреев, их активном участии в жизни местного сообщества, одобрительные отзывы о деятельности евреев. В условиях господства в белорусской деревне того периода практически натурального хозяйства с помощью евреев можно было решить проблему приобретения промышленных товаров первой необходимости, выручить за реализацию продуктов сельского хозяйства деньги, сэкономить на поездке в город, приобрести товар в кредит или одолжить определенную сумму на самых льготных условиях. Но в некоторых сообщениях респондентов явно чувствуется, что для поддержания хороших отношений с евреями им необходимо было сделать над собой некоторое моральное усилие, т.е. хорошие отношения были связаны с преодолением антипатии (кстати, не исключено, что взаимной). Евреи обладали хорошим экономическим ресурсом и умело распоряжались им, но модель взаимоотношений с другими этническими группами в силу этого имела дефекты, придавала хрупкость всей конструкции. Как только кардинально изменились исторические условия, выяснилось, что ни евреи, ни титульный этнос не были готовы к преобразованиям и быстрой перестройке отношений. В ходе советизации в 1939–1941 гг. западных областей Беларуси выяснилось, что взаимные претензии, которые гасились в предыдущий период, ждут подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу.

Даже спустя десятилетия после исчезновения компактно размещенных еврейских общин память о прошлом и той роли, которую играли в нем евреи, продолжает оказывать влияние на современную жизнь. По меткому замечанию российского этнолога О.В. Беловой: «В опустевшем культурном пространстве возникает «новая мифология» об

ушедшем народе, о тех, кого нет...» [1, с. 12]. Впрочем, по мнению российской исследовательницы О.В. Беловой, на Полесье, где немногочисленные еврейские семьи жили в «окружении полешуков», сложилась иная, чем в местечках (где зачастую преобладало еврейское население) «мифологема еврея», когда в отличие от традиционного антагонизма: «свой – чужие», евреи во многом становятся «своими чужими», интегрированными в традиционный полесский быт. Но и в этом случае этнические «соседи» зачастую строят представления друг о друге не на основе «объективных знаний», но на основе «знаний», обусловленных стереотипами и традициями [2, с. 303–304]. Так, в записанных интервью, связанных с евреями, встречается сюжет о «маце, приготовленной с христианской кровью» и о празднике Кущей (Кучки).

Сохранению межэтнических границ в западных областях Беларуси в 20–30-е годы XX века способствовали патриархальность и традиционализм местного общества, низкий уровень урбанизации и модернизации, особенности менталитета жителей сельской местности. Необходимо учитывать и политику польских властей, способствующую не только сохранению очевидной иерархии этнических групп, но и направленную на увеличение дистанции между «высшей кастой» – поляками – и остальными этническими группами.

Западнобелорусское общество 1920–30-х годов было этнически структурировано, границы между этническими группами были достаточно жёстко закреплены. Часть респондентов, характеризуя евреев, сравнивает их с другой компактной этнической группой, существующей обособленно от белорусов – поляками. В таких случаях проявляются определенные тенденции. Несмотря на казалось бы обусловленную близость между белорусами и поляками (конфессиональную, хотя белорусы – православные, а поляки – католики; культурно-языковую – единое славянское происхождение), различие в социальном статусе поляков и белорусов в польском государстве создавало напряженность в межэтнических отношениях. На фоне поляков, которые в иерархии польского общества занимали самое привилегированное положение, евреи в глазах белорусов были ближе, поскольку были такими же униженными и бесправными. Несмотря на различия – в занятиях, уровне достатка, традиций и культуры – белорусов и евреев роднило то, что они ощущали свою правовую несостоятельность. Поляки были над всеми остальными (обидчики, люди, обладавшие властью и контролирующими функциями), а евреи были рядом, ровней.

Материалы устной истории, запечатлевшие воспоминания жителей западных областей Беларуси о событиях 1920–1930-х годов, содержат оценки и суждения «маленького человека» о польском государстве и

польской власти, позволяют понять всю палитру сложных отношений к соседям-полякам, выявить наиболее распространенные стереотипы о представителях этой этнической группы. Чаще всего, характеризуя поляков, респонденты упоминают об учителях, панах (помещиках), реже – о врачах, ксендзах, офицерах, полицейских и осадниках.

Многие респонденты, вспоминая о своем детстве, говорят о польской четырех- или семилетней школе и гордятся тем, что, проучившись «при поляках» всего два-три года, научились читать и писать по-польски, сохранив эти умения до настоящего времени. Некоторые авторы воспоминаний с сожалением отмечают, что не имели возможности продолжить образование.

Учителя-поляки занимают особое место в материалах устной истории. Детям и подросткам они внушали почтение и страх. Сельская или городская школа была почти таким же сакральным местом как церковь или костел. Авторитет учителя, как правило, признавался и учениками, и их родителями, хотя учителя были разными. Одни выполняли свои обязанности формально, подчеркивали дистанцию между собой и «туземцами», кичились своей образованностью. Другие искренне интересовались детьми, поддерживали способных и талантливых, старались сделать школьную жизнь более яркой. В польской школе царил строгая дисциплина, звучала польская речь, внешний вид учащихся должен был соответствовать определенным правилам, дети обязаны были соблюдать нормы этикета, порядок поддерживался с помощью постоянно практиковавшихся жестких методов наказания.

Практически все респонденты отмечают, что за нарушение дисциплины, невыученный урок, различные провинности учителя больно били линейкой по рукам, это называлось «дать по лапе» (ученик по требованию учителя должен был вытянуть руки вперед, учитель наносил сильный удар). Практиковались такие методы наказания, как оставление ученика в школе без обеда (пока не выучит материал), отсаживание за специальную «штрафную» парту, на которой была обидная надпись (например, «осел»), приказ стать на колени в угол на гречку. За особо тяжкие «преступления» ученик мог быть наказан розгами в кабинете директора.

Учитель ассоциировался с представителем польской власти, воспринимался как ее носитель и проводник политики польского государства. В обывательском смысле учитель-поляк наглядно демонстрировал разницу между высшим и низшим сословиями. Учителя / учительницы модно и дорого одевались, являясь с точки зрения малообразованных жителей-белорусов образцами безупречного вкуса и поведения. По местным меркам зарплаты учителей были весьма высокими

и позволяли им даже в самых глухих деревнях вести практически городской образ жизни (с покупкой дорогих вещей, выписыванием газет и журналов, поездками и развлечениями).

Отдельные примеры показывают, насколько велика была разница между учителем-поляком и местными жителями. Так, в д. Стрии Кобринского р-на Брестской области учителем был поляк из Гданьска пан Зволинский. Когда в 1939 г. его призвали в армию, местные жители узнали, что он оставил на съемной квартире 40 костюмов. В тот период даже белорусские крестьяне, относящие себя к обеспеченным семьям (т.е. имеющие достаточно большое хозяйство с землей, несколькими коровами и лошадьми), носили домотканую одежду. Женский гардероб, как правило, составляли две юбки – праздничная и повседневная, а покупка обуви была целым событием в жизни семьи. Следует отметить, что отсутствие обуви нередко являлось непреодолимым препятствием для посещения детьми школы в зимний период. Многие респонденты говорят о том, что родители-белорусы, в отличие от поляков и евреев, не стремились к тому, чтобы дети получали образование, в большей степени ориентировали детей на помощь в сельскохозяйственных работах, чем на учебу в школе.

Польская школа была тем местом, где происходило тесное взаимодействие между детьми разных национальностей. Большинство респондентов утверждает, что отношения между учащимися не были враждебными, в воспоминаниях встречаются сообщения о друзьях-поляках или евреях. Однако, часть интервью содержат информацию о неизбежных конфликтах между школьниками, имевших иногда национальную окраску. Некоторые респонденты считают, что состоятельные поляки запрещали своим детям играть и дружить с белорусами.

Формирование отношения к представителям иных этнических групп происходило прежде всего в семье. Дети в общении со сверстниками-поляками или евреями воспроизводили модель поведения родителей. Дружба белорусских и польских детей, так же как и вражда, были скорее исключением из правил. Взрослые предпочитали оставаться в своей этнической и социальной среде, так же поступали и дети. Негласные правила прочно удерживали школьников в границах своей этнической группы.

Отношение к полякам-панам – владельцам богатых имений, ведущих аристократический по местным меркам образ жизни, было со стороны белорусов неоднозначным. Ряд респондентов с уважением отзываются о стремлении панов к порядку, об образцовом ведении хозяйства. Многие имения являли собой эталон в организации работ, применении специальной техники, использовании новых культур, разведении лучших

пород скота. Дети и подростки, попадавшие впервые в имение рачительного пана, на всю жизнь запоминали яркие впечатления от вида аллей, высаженных экзотических деревьев, ухоженности сада, красоты оранжерейных цветов, оборудованных уголков отдыха с прудами и беседками.

Важной деталью, характеризующей взаимоотношения белорусов и панов-поляков, являлась возможность заработать в имении. С одной стороны белорусов возмущала несправедливость: контраст между богатством поляков-панов и бедностью крестьян был слишком велик, но с другой стороны в устных воспоминаниях звучат слова благодарности в адрес панов, которые предлагали оплачиваемую сезонную работу, оказывали помощь малообеспеченным соседям и могли поддержать в трудной ситуации (дровами, строительными материалами, деньгами, тяглой силой, семенами, советом).

Вместе с тем многие респонденты рассказывают о том, с каким нетерпением они ждали прихода Красной армии в 1939 г., как торжественно встречали советских солдат и командиров, радовались краху польской власти. Память людей сохранила воспоминания о том, как местные жители принимали участие в грабежах панских имений и даже убийствах поляков. Накопившаяся напряженность, обусловленная социальными и межэтническими претензиями, выплеснулась в действия, носившие криминальный характер. Некоторые респонденты оправдывают насилие по отношению к полякам тем, что польские паны отличались жестокостью, притесняли и эксплуатировали крестьян. В таком контексте грабежи польских имений выглядят как возмездие – акт социальной и человеческой справедливости.

Власть в городе, местечке и деревне олицетворяли представители польской администрации и полицейские. Жители западных областей Беларуси старались не нарушать требований соблюдения детально регламентированного порядка. Респонденты воспроизводят подробности, свидетельствующие о внимании представителей властей ко многим мелочам: дымоходы должны были быть побелены, в каждом доме должен был находиться «босак» (инструмент, применяемый для тушения пожара). По очереди в деревне несли «варту» – ночное дежурство, следили за порядком. Штраф (2 злотых) грозил за то, что собака была отвязана раньше 10 часов вечера. Особенно бдительно полицейские следили за политическими настроениями и жестко пресекали попытки принимать участие в любых акциях, свидетельствующих о просоветской позиции. Сельскую молодежь, которая собиралась петь советские песни, полицейские разгоняли дубинками. Дома людей, чей родственник переходил границу и оказывался в СССР, «обрывали» (сдирали с крыши солому), а их семьи

брались под особый контроль. Затрагивая в воспоминаниях подобные сюжеты, респонденты транслируют осознание факта, что белорусы жили не в своем государстве, вынуждены были подчиняться порядкам, установленным поляками. Многие жители западных областей Беларуси относились к любому поляку как к человеку, чье правовое положение, возможности и жизненные перспективы были заведомо лучше, чем у белорусов.

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ поляка в восприятии жителей западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Отношение к полякам со стороны белорусов было различным, диапазон мнений и оценок достаточно широк. Если суммировать все исходные данные, профильтровав сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных полярно противоположных портрета поляка:

1. «Плохой» поляк. В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Поляки – богаче, они лучше одеты и лучше питаются, считают себя умнее других, у них власть, престижная работа, за ними стоит государство, обеспечивая им защиту и привилегии. В случаях конфликтов с белорусами поляку априори было гарантировано доказательство его правоты, это соображение заставляло местных жителей относиться к полякам с опаской. Соседи-поляки – это фактор дополнительной тревоги, раздражения, страха, злости. Многие жители Западной Беларуси характеризует поляков как заносчивых, высокомерных, настроенных по отношению к другим этническим группам враждебно. Подобное дистанцирование поляков от других этнических групп вызывало ответную реакцию. Улавливая по отношению к себе замаскированное, а иногда и нескрываемое презрение, белорусы в качестве своеобразной «моральной компенсации» относились к полякам снисходительно-насмешливо, с юмором воспринимали их «национальную озабоченность» и гипертрофированное чувство осознания благородства собственного происхождения.

2. «Хороший» поляк. В этом образе сконцентрированы позитивные качества. Поляк – такой же, как и белорус: трудолюбивый, относящийся к другим с уважением. Среди положительных характеристик отмечаются чувство собственного достоинства, образованность, культурность (вежливость обращения с представителями более низких по социальному статусу групп, знаменитое галантное отношение к женщинам). «Хорошие» поляки отзывчивы и готовы прийти на помощь своим соседям.

Стереотипные оценки – упрощенные отзывы о соседях исключительно как о «плохих» или только как о «хороших» поляках – в материалах устной истории встречаются не очень часто. Гораздо более

типичной является ситуация, когда респондент вспоминает о разных поляках, отмечая, что среди них были «плохие» и «хорошие». Стереотипизации образа поляка, как в сторону идеализации, так и в сторону демонизации, способствуют различные факторы.

Значительную роль в оценках и суждениях, которые звучат в воспоминаниях респондентов в отношении польской власти и поляков, играет то, насколько благополучной в материальном отношении была семья респондента в период 1920 – 1930-х годов, были ли особые счеты семьи респондента с польской, а затем с советской властью. Если близкие родственники респондента преследовались польскими властями, а положение семьи улучшилось в период советизации, субъективизм в отношении поляков возрастает, и портрет поляков-соседей рисуется черными красками. Соответственно, если «при Советах» семья утратила имущество, болезненно переживала отказ от частной собственности и коллективизацию, а среди родственников были репрессированные, мнение, что «при поляках было лучше» проецировалось на образ поляков-соседей. Безусловно, следует учитывать частоту межэтнических контактов, в которых принимали участие респонденты, их личный опыт общения с представителями польской группы, степень зависимости респондента от взглядов «большинства», т.е. отождествление собственного мнения респондента с коллективным мнением своей этнической группы.

Характерным для некоторой части респондентов является ностальгирование о жизни «за польским часом». Последующие исторические события, которые вспоминаются респондентами как тяжелые, трудные, связанные с личными утратами, окрашивают воспоминания детства и отрочества, пришедшегося на польский период, в светлые тона. Как показывает изучение материалов устной истории, наибольшее недовольство жителей западнобелорусских территорий в 1939–1941 гг. вызывала начатая политика коллективизация и раскулачивания, негативные процессы в сфере торговли (дефицит товаров, очереди, закрытие частных магазинов и пр.), развёрнутая антирелигиозная пропаганда, репрессии, т.е. те социокультурные изменения, которые олицетворяли ломку устоявшегося быта. Соответственно период 1920–1930-х гг. часто вспоминается в основном как время покоя, стабильности и порядка – тех показателей достаточно благополучной жизни, которые практически исчезли в 1940–1950-е годы. Однако, практически все респонденты транслируют осознание факта, что «при Польше» белорусы жили не в своем государстве, вынуждены были подчиняться порядкам, установленным поляками. Многие жители западных областей Беларуси относились к любому поляку как к человеку, чье правовое положение, возможности и жизненные перспективы были заведомо лучше, чем у белорусов.

В целом изучение материалов устной истории позволяет сделать вывод о высокой степени этнотолерантности в западнобелорусском обществе 1920–30-х годов. Белорусы достаточно адекватно воспринимали еврейских и польских соседей, хотя психокультурная этническая дистанция не только оставалась, но и на протяжении 1920–30-х годов практически не сокращалась. Проблематику межэтнических взаимоотношений в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. следует деидеологизировать, а ответы на вопросы о причинах и характере изменений польско-еврейских и польско-белорусских отношений в последующие периоды нужно искать, используя междисциплинарный подход, методы социологии, психологии, истории, демографии.

Выводы

- Собранные материалы показывают практическое отсутствие контактной сферы, связанной с государственной и общественно-политической деятельностью (прежде всего в силу возраста и особенностей воспоминаний респондентов).
- Собранные воспоминания представляют в целом ситуацию этнической толерантности (прежде всего это касается сельского населения). Отмеченные в воспоминаниях конфликты и некоторое отторжение от «чужих» объясняется прежде всего этноконфессиональными стереотипами и вековой традицией. Некоторое исключение делается для маргинальной этнической группы (цыгане).
- Безусловной особенностью воспоминаний следует считать наиболее яркое воспроизведение деталей повседневного быта (опять же в силу возраста и яркости «воспоминаний детства»).
- Процесс полонизации в воспоминаниях представлен практически только школьным образованием, что конечно объясняется возрастом опрашиваемых (практически все респонденты получили начальное образование в польских школах). Тема осадничества и противостояния польской власти представлены либо слабо, либо не представлена вообще.
- Отображение в воспоминаниях темы СССР и советской жизни колеблется от «сказочных» («сказочная страна», где все живут хорошо) до сугубо прагматических (представлен материал о репрессиях – в основном это материал полесского пограничья, т.е. представления той части населения, которое имело больше информации и контактов с сопредельной стороной).
- Один из самых главных элементов исторической памяти, представленный в воспоминаниях – это тема выживания. Характерно, что практически все респонденты помнят и называют количество земли, скота, которое было в хозяйстве их семьи. Сюжет выживания характеризует их

отношения к внешним контактам. Этих отношения практически не было. Все время занимал крестьянский труд. Респонденты описывают сельскую культуру и общество как достаточно замкнутые, традиционные; прослеживается обособление повседневной культуры, деревни – местечка – города.

- Имеющиеся воспоминания об эмиграции соседей, родственников в Америку, выезды в местечко, город отличаются яркостью (запоминаемостью) и представляют собой одни из наиболее ярких воспоминаний детства (так же, как приобретение новой одежды, обуви и пр.).

- В воспоминаниях, касающихся повседневности, традиционной культуры, видна ее самодостаточность и неизменность на протяжении всего периода. Нет оснований говорить о каких-то значительных социокультурных изменениях (за исключением «школьной», языковой колонизации), которые начинаются только с 1939 г. и далее.

- Представленные воспоминания в абсолютном большинстве касаются белорусской деревни, что позволяет сделать срез жизни белорусского крестьянства в изучаемый период. Из контактных сфер межэтнических отношений в силу особенностей возраста респондентов и места проживания (деревня) наибольшее значение приобретает торговля и культурные контакты (прежде всего – школа, посещение храмов, праздники)

- Оценивая неизбежные мифологемы и стереотипы заметим, что в воспоминаниях присутствуют «стандартные» сюжеты: для евреев – маца с кровью, традиционные названия еврейских праздников (Кучки), некоторые элементы неприятия евреев (запах, одежда и т.д.), негативное восприятие цыган (прежде всего из-за образа жизни, возможного, но часто не подтверждаемого воровства, конокрадства и т.д.)

- Особый интерес представляет попытка обобщения «образа» поляков, белорусов и евреев. В целом отметим, что все эти «образы» более менее объективны и отвечают наиболее распространенным представлениям и стереотипам (поляк – «ганаровы», белорус – трудолюбивый, еврей – хитрый).

- В абсолютном большинстве случаев межнациональные отношения рассматриваются более толерантно теми респондентами, которые были детьми в описываемый период, а, следовательно, имели еще одну сферу межличностных отношений – детскую.

- Абсолютное большинство респондентов – сельские жители – рассматривают этнических соседей (поляков, евреев, украинцев) как «своих». В данном ракурсе концепт «свои – чужие» может касаться только цыган. «Своими» считаются все проживающие в одной деревне. К «чужим» в ряде случаев могут относиться хуторяне (поляки – осадники),

помещики (паны), а также жители местечек и городов (т.е. чужие по географическому признаку). При этом восприятие «чужих» очень часто происходит по внешнему виду (одежда), занимаемой должности (учитель, полицейский, судья) и только во вторую очередь «чужой» – может определяться по конфессиональному признаку.

- Полученные материалы позволяют говорить о значительной информационной изолированности сельских жителей (отсутствие прессы, практически отсутствие радио), а также отсутствии интереса к внешней информации и наоборот распространённости «сарафанного радио», формировании информационного пространства исключительно слуховой средой, которая в свою очередь и порождает мифологемы, традиционно воспроизводит стереотипы. Образ жизни (правильнее сказать – борьба за выживание) указывают на определенную степень аполитичности и общественного нигилизма.

1 Белова, О.В. «Еврейский миф» в славянской культуре / О.В. Белова, В.Я. Петрухин. – М., 2008. – 569 с.

2 Белова, О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О.В. Белова. – М.: Индрик, 2005. – 288 с.

3 Борисенок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю.А. Борисенок. – М., 2013.

4 Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае развіццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2008. – 319 с.

5 Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае развіццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Вабішчэвіч.

6 Вайцешчык, Г.С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г.С. Вайцешчык.

7 Грэсь, С.М. Аграрныя пераўстварэнні ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.М. Грэсь.

8 Даркович, А.Л. Городское самоуправление в Западной Беларуси. 1936–1939 гг. / А.Л. Даркович // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 74–90.

9 Даркович, А.Л. Западнобелорусские земли в политике Польского государства в 1919–1926 гг. / А.Л. Даркович // Славяноведение. – 2010. – № 4. – С. 54–65.

10 Зялінскі, П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / П.І. Зялінскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР:

Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 крас.1999 г., Мінск. – С. 24–30.

11 Коўкель, І.І. Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) / І.І. Коўкель // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 крас.1999 г., Мінск. – С. 16–24.

12 Лаўрэнка, Л.В. Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гг. / Л.В. Лаўрэнка // Вестн. Полоцкаго гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 77–82.

13 Розенблат, Е.С. Контактные зоны межэтнических отношений в 1939–1941 гг. Пример Западной Беларуси / Е.С. Розенблат // Аспекты еврейского образования и общественной жизни в Прибалтике до Второй мировой войны: тезисы докладов и лекций // Центр памяти и изучения истории Холокоста при Музее Рижского гетто и Холокоста в Латвии, Еврейское общество «Шамир», Ин-т философии и социологи Латвийского ун-та, март 2011 г. – Рига, 2011. – С. 25–27.

14 Сидорцов, В.Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории : монография / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко ; под ред. В.Н. Сидорцова. – М. : МАКС Пресс, 2010.– 272 с.

15 Токць, С.М. Беларуская вёска на мяжы эпох: Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст.) / С.М. Токць. – Гродна, 2003.

16 Токць, С.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / С.М. Токць. – Брэст, 2008.

***

Подготовка сборника воспоминаний жителей западных областей Беларуси, записанных в рамках данного научного проекта, – это попытка с одной стороны отразить типичность рассказов о жизни «при Польше», а с другой стороны – сохранить индивидуальность каждого повествования.

Подлинным документом устной истории является аудио и видеозапись, однако историки почти всегда вынуждены работать с транскрипциями. Сборник материалов устной истории дает возможность историкам и людям, интересующимся историей, оперативно ознакомиться со значительной по объему информацией, получить первоначальные представления о содержании и особенностях этого источника. Воспоминания отражают особенность культурно-языковой ситуации западнобелорусского региона – большинство рассказов опубликованы в оригинальном виде – на русском и белорусском языках, но в ходе

транскрибирования решалась также проблема адаптированной передачи диалектных особенностей речи респондентов.

Итогом проделанной работы стал отбор для публикации 59 интервью, представленных в извлечениях (опущены сведения, не имеющие отношения к тематике сборника и хронологически выходящие за рамки исследуемого периода, а также вопросы, обращенные к респондентам). В квадратных скобках представлены краткие смысловые связки, предложенные составителями для лучшего восприятия текстов. Воспоминания располагаются в алфавитном порядке по фамилиям респондентов и сопровождаются необходимыми комментариями. В приложении к сборнику представлены географический указатель, методические рекомендации по сбору материалов устной истории и работе с респондентами, вопросник-путеводитель по периоду 1921–1939 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ О 1921–1939 гг.

Бадей Анастасия Викентьевна, 1930 г. р., д. Акачи Слонимского района Гродненской области

Я жила в деревне Акачи, кругом лес, дворов 30 было в нашей деревне. Всего километр до другой деревни, Пузавичи, теперь Павлово называется. Работою занимались, с утра до вечера трудились на земле и по хозяйству. Не работали только в воскресенье и в праздники. Дружили с соседями и с родственниками. Состоятельными считались те, у кого было много земли, зерна, 2–3 лошади, 3–5 коров. Такими были семьи Уродимских, Петлицких. У всех были чемоданы (сундуки), а у богатейших – шкаф, все ели ложками деревянными, а у них были даже вилки. Помню, ездили в деревню Малдавичи к тетке, у них ели вилками с деревянными ручками коричневого цвета.

Бедные те, у кого земли мало да много детей малых, скота мало (1 конь, 1 корова). Уважали людей состоятельных, солтуса уважали. Очень богатых людей в деревне не было, и прислугу никто не держал.

Семья наша была большая, 11 детей было, пятеро из них умерли в младенческом и детском возрасте. Все работали, дети вместе со взрослыми. Землю обрабатывали (жито сеяли, картошку руками сажали). Лен выращивали, теребили, сушили, терли его на тернице, получали волокно, пряли куделю, ткали полотно, отбеливали его. Из него шили себе одежду. Все, что необходимо было для семьи, делали сами. У нас в семье девчат больше было, у каждой своя работа была, что лучше получалось, к чему душа лежала, то и делали. Мне нравилось с папой работать, он меня и косить научил, и за плуг в 12 лет поставил.

Товары покупали редко, крупных покупок не делали. Покупали соль, спички, иногда ткань, чтобы одежду сшить. Покупали в Пузавичах, там была лавка. Шерсть (ткань) была хорошая. Но все было очень дорогое. За границу уезжали надолго, на заработки, все ехали в Америку. Брат матери, Иван Пархута, ездил в Америку. Он не хотел на земле работать, учиться хотел, а ему родители не давали. Он книжки в лесу прятал, потому что если отец увидит, что он читает, то заберет ее. А он вырос и в Америку уехал. Не знаю, сколько он там был, но когда вернулся, то в Слониме купил мельницу и построил дом. Но прожил недолго, молодым умер, чуть больше 40 лет было.

Я никуда не ездила, только к родственникам в гости. Никаких газет мы не читали и не выписывали, только и знали, что работать надо.

В нашей деревне магазинов не было. А в других местах были. В Пузавичах лавку держал какой-то Тимофейчик. Магазины, парикмахерские, фотографы были в Козловщине, в Слониме.

В случае болезни обращались в Козловщину, к врачу Бинделю. Он был еврей, принимал у себя дома больных. Помню его как очень хорошего, внимательного человека. Расплачивались чаще всего продуктами питания (сало, яйца, мясо, молоко), но иногда платили. Помню, 2 злотых. Это было дорого, столько стоил пуд муки, а литр водки-4 злотых. Это были большие деньги, лечиться было дорого.

Школы у нас не было, была в Пузавичах. Обучение велось на польском языке, я там закончила два класса, после прихода советской власти стали учить на русском. Польский язык я помню, немного могу говорить и даже читать. Но очень многое забылось. С одноклассниками говорили на белорусском. Со мной в классе учились и поляки. Друг к другу относились хорошо, конфликтов не помню. Писать по-польски научилась в 7 лет.

В деревнях школы были по домам: в Новоселках, в Приречье, в Шундах. В Козловщине были высшие классы. В 1940 году в Пузавичах построили новую двухэтажную школу в Новоселках, а в 1941 году ее сожгли немцы. Все очень жалели школу, плакали.

Поляков в нашей деревне не было, но слышала, что говорят, будто живут они лучше нас. Евреи не жили в нашей деревне. Их было много в Козловщине, в Слониме. Они держали лавки, магазины, кафе, парикмахерские, фотомастерские. К людям относились очень хорошо, и все их за это ценили и уважали. Евреи давали товар в долг («на повер»), и все старались отдать долг вовремя. Они очень хорошо знали людей, знали, какие люди живут в каждой деревне. Почему-то очень не любили людей из деревни Нагуевка, говорили: «Нагуевка-злодейка, вон из крамы!».

Цыгане только проезжали через нашу деревню. Помню, у них было много детей. Ехали в кибитках все очень шумные и грязные.

Я не припомню межнациональных браков, но, думаю, что это вполне могло бы быть.

Не было у нас конфликтов на национальной почве. Национальность значения не имела.

Ничего не знала о репрессиях, коллективизации. О своих планах родители нам не говорили, а я была еще слишком мала.

Бобрук Николай Сергеевич, 1923 г. р., д. Шубичи Пружанского района

Зовут меня Бобрук Николай Сергеевич. Родился я в 1923 году в деревне Шубичи Пружанского района Брестской области.

Проживал я с семьей в небольшой деревеньке Шубичи в 2 км от г. Пружаны. Семья наша была не очень большая: мой брат и сестра, ну и родители. Семья была довольно зажиточная: было много земли и даже лес.

Но и в основном односельчане жили не очень бедно. Жили мы по-простому в небольшой хатке. Мебель и утварь в основном была сделана мною и моим отцом. В хозяйстве был конь и 2 коровы. В деревне были и такие жители, у которых даже и коровы то не было. Зарабатывали они на жизнь тем, что нанимались на работу у односельчан.

В город за покупками мы выбирались в то время редко, так как все стоило денег немалых. Товары первой необходимости (соль, керосин) покупали в лавке у местного еврея (в деревне он с семьей был один). Из одежды в городе практически ничего не покупали, ну если только ткань, и то очень редко. В основном шили для себя сами, а дети донашивали одежду за своими братьями и сестрами.

Питались мы по-простому: картошка, хлеб да молоко. И только по большим праздникам можно было позволить себе приготовить что-нибудь мясное, либо купить детям сладкое.

Когда болели, лечились в основном сами, либо ходили к «бабкам», так как больница в Пружанах была платной. Да и болеть тогда особо не болели, здоровей были, чем сейчас.

Школа была в соседней деревне, обучение велось на польском языке. Поляки поощряли умных детей, одного особо одаренного даже отправили учиться за их счет в Варшаву. Он, говорят, потом стал врачом. Но, несмотря на это, в школе была жесткая дисциплина, за непослушание или за неаккуратность били линейкой по рукам.

Поляки в нашей местности разные были, были и дружелюбно настроенные, но были и такие, которые даже после Великой Отечественной войны даже за стол с белорусами не садились.

Как уже я говорил, у нас была семья евреев. Занимались они торговлей. Зайти к нему в лавку и уйти с пустыми руками было просто невозможно. Если тебе нравился велосипед, но не нравился на нем руль или седло, оно тут же менялось на новое.

С большим недоверием относились в деревне к цыганам. Все боялись за лошадей (все-таки главный помощник в хозяйстве) и за мелкую живность (кур, гусей). Были случаи воровства цыганами.

Очень боялись здесь на западе восточных областей. Доходили слухи и о колхозах. Вот их больше всего и боялись. Некоторые сельчане пытались покинуть Западную Беларусь и не возвращались. И потому в народе ходил страх, все думали, что их там даже убили. Боялся народ, очень боялся, никому не хотелось расставаться со своим добром.

Ну, как можно было отнестись к нападению Германии? Мы уже слышали, что война может быть, и поэтому боялись. Война есть война.

Советские войска мы встретили радостно, хотя и с небольшой опаской (все знали о коллективизации). Но все-таки это были наши

соотечественники. Одеты они были слабовато. Но страх наш и опасения усилилось после того, как некоторые солдаты рассказали о том, что после них сюда придут другие отряды и начнут отбирать землю и сгонять всех в колхозы. Они советовали распродавать землю. Вот тогда мой сосед и испугался: ведь земли у нас по тем меркам было немало. Постепенно мы начали распродаваться.

Но, несмотря на это в народе царило воодушевление – мы снова стали одной страной. Однако некоторые с большим недоверием отнеслись к новой власти. Двое наших соседей распродали свое имущество и поехали в Польшу. Они надеялись, что, несмотря на немецкую оккупацию, там будет жить лучше. За деньги свои боялись (в деревне ходили слухи, что золота у них было много).

Болейко Георгий Владимирович, 1921 г. р., г. Волковыск Гродненской области

Среди людей любой национальности есть разные и богатые, и бедные, добрые и злые. А поляки были такие же люди, как и белорусы, так и евреи.

Высокомерного отношения [со стороны поляков] не было. Все относились друг к другу на равных. В школах велось обучение на польском языке. А в быту говорили на еврейском, белорусском, польском. Мы очень хорошо знали еврейский язык, так как здесь было очень много евреев. Католики и православные ходили в гости на праздники, устраивали танцы. И наоборот – православные к католикам. В православные праздники православные не выходили на работу, а в католические католики не работали. Причем католики и православные очень хорошо знали все религиозные праздники другой веры и уважали их. Такое же отношение было и к евреям.

Украинцев здесь не было. Жили тут татары, была целая улица Татарская. На моей памяти [межнациональных трений] не было.

На польском языке разговаривали в школе, в учреждениях, везде. В Волковыске разговаривали на польском и еврейском языках, так как половину населения города были евреи.

Проводилась политика комосации¹. Сущность ее в том, что крупные хозяйства, которые исправно платили налоги, могли присоединить к себе мелкие, которые не смогли уплатить налоги. А еще проводили парцелляцию²: хозяйство, которое задолжало государству, делилось на участки, которые продавались только полякам по низким ценам и при этом

¹ Комосация – выселение крестьян на хутор и сведение мелких крестьянских полосок в один участок.

² Парцелляция – продажа банками государственных и помещичьих земель.

в рассрочку на 15 лет. Этих поляков называли осадниками, а в народе мазурами.

[Информацию] о репрессиях, коллективизации, голоде в СССР мы узнавали из газет и по слухам. Но в это с трудом верилось, да и вообще мы не могли понять, как такое может быть.

И православные, и католики, и евреи имели право на образование, на работу, на свободу вероисповедания. А то, что говорили на польском языке во всех учреждениях – это понятно, мы же жили в Польше. Но никто не запрещал в быту разговаривать на своем языке.

Знакомых евреев было очень много. По соседству с нами жили евреи, была еврейская пекарня. Мы у евреев часто покупали хлеб, булки, шили одежду, лечились в еврейской больнице. Драк, погромов, ссор не было. Были и богатые, и бедные евреи. Кто хорошо работал, тот и имел деньги. А кто был лентяем, тот и сидел без гроша.

Между нами отличия были только в вере, но это не мешало хорошим отношениям. Евреи прекрасно обслуживали клиентов и все, кто имел деньги, шли к ним с удовольствием.

Евреи занимались [торговлей и ремеслом] лучше, чем кто-либо. Качественная продукция, прекрасное обслуживание. Товары отпускались в кредит на вексель¹, как только деньги у должника появились, происходил расчет, не было такого, чтобы кто-то обманул.

К евреям шли учиться портными, кожевниками, сапожниками, пекарями в частном порядке. Обучались у еврея 1 год, за обучение платили, но не знаю сколько. Не знаю и на счет питания: то ли евреи кормили, то ли ученик возил свое.

Была еще еврейская школа «гандлёва»², в которой учились не только евреи, но и поляки, и белорусы, и русские. Эта школа числилась на госправах³.

Евреи – это люди, которые очень хорошо занимались торговлей, ремеслом. Доброжелательные и очень спокойные.

Белорусы и русские ничем не отличались от поляков, так же жили, работали, учились, так же и праздники отмечали, создавали семьи. Много браков было между поляками, белорусами, русскими и евреями. Только всегда жена принимала веру мужа.

Жили на хуторах [немцы-колонисты], как ехать из Волковыска на Мосты, не доезжая, нужно было повернуть влево. Немцы такие же люди, как и мы. Занимались немцы только сельским хозяйством. Мы к ним

---

¹ Имеется в виду в долг.

² Пол. – «торговая».

³ Вероятно, имеется в виду, что торговая школа выдавала аттестат государственного образца.

ездили на танцы, а они к нам. Но браков с немцами поляки, белорусы и евреи не заключали.

В Волковыске проживали и татары – очень гостеприимные и доброжелательные люди. Они тоже занимались только сельским хозяйством.

[Цыгане] в наши края приезжали, но здесь постоянно не проживали. Остановивались здесь на неделю. Цыган все опасались, на то время, как они здесь были, люди усиленно следили за своим хозяйством и даже скотину из хлевов не выгоняли, так как цыгане воровали все, что можно. Люди с ними старались не общаться.

Знаю, что была коммунистическая организация, но о деятельности ее я ничего не знаю. Известно только то, что она была нелегальной и малочисленной. В праздники члены этой организации вывешивали красный флаг, полиция следила за этим и наказывала¹ чумой. Еще знаю о том, что когда пришли Советы, членов этой организации расстреляли².

У нас в школе была харцерская дружина имени Завиша Чарного, славного польского рыцаря времен Ягайло. Члены дружины носили мундиры.

Бондарь Анна Зиновьевна, 1922 г. р., д. Тышковичи Ивановского района

Я (Бондар Ганна Зіноўеўна) нарадзілася ў вёсцы Тышкавічы Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці. У нашай мясцовасці было многа рускіх, палякаў і некалькі яўрэйскіх сем'яў. Сям'я наша налічвала 7 чалавек. Бацька – Маліч Зіновій, маці – Маліч Кацярына і мы: старэйшы брат Лівон, сястра Марыя, брат Андрэй са сваёй жонкай Галяй ды і я. Мае бацькі працавалі на зямлі, якой у нас было многа. Мы лічыліся сярэднякамі. Наша гаспадарка налічвала 3 каровы, 3 цяляці, 2 кані, 8 авечак і дамашняя птушка: куры, гусі і качкі. У каго было вельмі шмат зямлі, той лічыўся багатым. Былі і беднякі, якія мелі мала зямлі, а то і зусім не мелі. Яны і наймаліся на работу да паноў, якіх усе мы і баяліся.

Суседзі нашы таксама працавалі на зямлі. А жылі мы ўсе ў такім раёне вёскі, які называўся “Казэлыц”.

Жыць было цяжка, так як трэба было шмат працаваць на зямлі і плаціць падаткі панам. Паказчыкам дастатка лічылася зямля і жыёва. Мэблі амаль ніякай не было: лаўкі на якіх і спалі, стол ды табурэт. Матрасы набівалі з саломы. Пасярод хаты стаяла печ, у якой гатавалі ўсю страву. Усёй посуд быў з дрэва. Рабілі ўсё самі, нікога не наймалі, бо наша сям'я не магла сабе гэтага пазволіць. У нас не было такой магчымасці.

¹ Скорее всего «называла чумой»

² Скорее всего имеются в виду репрессии против членов КПЗБ в 1939–1941 гг.

Куплялі адзенне ў яўрэяў (“чырвоныя чобаты”). Самі выраблялі з ільну рубашкі, плялі лапці з лазы. Groшы атрымоўвалі з таго, што прадавалі гаспадарку (свіней, кароў), а мужчыны зараблялі тым, што вазілі лес, ці працавалі ў пана. Цэны ў той час былі вельмі вялікія: 1 кг солі каштаваў 5 грошай, а пуд жыта 2 злотых. А на 2 злотых чалавек павінен працаваць цэлы дзень.

Нашы родныя ездзілі за мяжу (мой дзядзька Вася), каб зарабіць грошай. Далей за Моталь мы нікуды не выязджалі. Звычайна мы ездзілі ў Моталь на кані, але прыходзілася і пешай. Дарогі былі дрэннымі.

Адзенне наша было простае: сарочкі са льну, кашулі ды чобаты. Шылі ўсе самі, а чаго нашы рукі не маглі вырабіць, то куплялі ў яўрэяў. Абутка ў нас хапала, і лапцёй і чобатаў.

Аснову нашага харчавання складала агародніна: капуста, бульба, бурак. Алею рабілі з льна да канаплі. Тры разы елі на дзень. Стол наш аднаобразны – гэта бульба вароная, каша з малаком ды квашаная капуста з гуркамі. А летам яшчэ грыбы ды ягады. Самае смачнае для нас было хлеб ды сала. У гасцях у палякаў не давлялося пабываць Ніякіх гулянак, акрамя вяселля, не адзначалі. Гарэлку бралі ў доўг у жыдоў (яўрэяў).

Газеты тады былі, але назвы іх я не помню. А мы пісалі на “барыстыні”¹.

Былі ў нашай вёсцы магазіны, пякарні, якія належылі жыдам. Яшчэ была адна кузня. Ніякіх сфер абслугоўвання ў тыя часы не было.

Калі мы хварэлі, то ездзілі да дактара ў Моталь на прыём. Таму што ў нас бальніц не было. Бальніцы былі ў горадзе Іванава і Пінску. Тут адзін прыём стоіў 2 злотых. А каб зрабіць чалавеку аперацыю, патрэбна было прадаць карову. Вось так было ўсё дорага. Таму найчасцей мы звярталіся да мясцовых жыхароў. А прывівак нам ніякіх не рабілі. Хаця і хварэлі мы заразнымі хваробамі: “віспай”² і тыфам. Хто як мог, так і лячыўся.

Была ў нас школа, у якой вучыліся 7 класаў. Настаўнікі абыходзіліся з намі жорстка. Былі нас вуказкай па руках, калі мы не хацелі вучыцца. Навучанне вялося на польскай мове. І мы павінны былі размаўляць па-польску. Да гэтых пор я памятаю гэтую мову, хаця я закончыла толькі 4 класа. Дамашнія клопаты не далі закончыць 7 класаў. Паміж сабой мы размаўлялі па-тышкавіцкаму³. Але пры настаўніках гэта забаранялася. Па-беларуску вучыліся пісаць дома, самі. Гэтую мову мы пераймалі ў старэйшых.

¹ Так в тексте.

² Оспой.

³ Т.е. на своем диалекте (или по деревенски).

Іншы раз мая сям'я і суседзі звярталіся ў міліцыю¹, калі хто ўкраў ці “папорціў” маёмасць. Радзей за ўсё, калі хто кого пабіў. Але гэтыя звяртанні рэальных вынікаў не прыносілі. Часцей за ўсё, усё абыходзілася бркам², без ніякіх змен.

Нідзе мы не былі. Магчымасці дабіцца поспеху ў рабоце былі, таму што беларускія людзі былі рабочыя, да кожнай справы годныя. Але з другога боку паглядзець, залежнасць ад паноў не давала нам такой магчымасці. Уся ўлада была ў паноў.

Знаёмых сярод палякаў у нас не было. У асноўным гэта былі паны і паненкі, якія працавалі настаўнікамі ў школе. І апрапаналіся яны па-іншаму: адзенне было іх сіняе, круглыя казыркі. Але былі выпадкі, калі палякі добра адносіліся да мясцовых жыхароў, нават дапамагалі ім (давалі лес, дровы). З яўрэямі жылі яны мірна.

У нас былі знаёмыя сярод яўрэяў. Жылі мы з імі мірна, дружылі. Дапамагалі ім капаць бульбу, хадзілі да іх шыць адзенне, таму што ў іх былі швейныя машыны. Апрапаналіся яны багата. У іх былі і пальто, і шубы.

[Межнациональных] шлюбаў у нашай вёсцы не было. Ды і гэта забаранялася, тым больш, што лічылася непрыстойным выходзіць замуж за жыда. Немцы не жылі ў нашай мясцовасці. І цыганы ў нас не пражывалі.

Ніякіх палітычных партый і маладзёжных аб'яднанняў я не ведаю. Мая сям'я ніколі нават не марыла куды-небудзь выязджаць. Пра СССР амаль нічога не ведалі і не чулі. А калі і чула, дык мяне гэта не цікавіла.

Борисюк Екатерина Дмитриевна, 1930 г. р., д. Орехово Малоритского района

Деревня Орехово (25 км от Малориты) находилась в зависимости от двух польских панов и была достаточно большой (школа-изба, ветряная мельница и церковь св. Параскевы Пятницы).

Семья вынуждена была наниматься на батрачную или арендную работу у пана. Почти все доходы получали с земли. Беднейшим приходилось делать долги (зерно, продукты). Зажиточные крестьяне не испытывали такой нужды и сами могли нанимать батраков-поденщиков (только расчетливый труд делал крестьян зажиточными).

Кроме панских маёнтков³ (большой сад, речка) и зажиточных крестьян состоятельными считались евреи ([было] несколько еврейских домов в деревне). Признаком достатка кроме хорошей земли в первую

¹ Полицию.

² Так в тексте.

³ Маентак – усадыба

очередь считалось наличие лошадей (конечно же, со всей амуницией), далее шли овцы, свиньи (на свободном выпасе), коровы и птица.

Люди, у которых не было даже одной лошади, жили в маленькой хатке с земляным полом и камышевой крышей или вообще в землянке. Постоянно голодали и вынуждены были наниматься в любую работу.

Наибольшим авторитетом пользовался батюшка (религиозное воспитание) и учитель-поляк – также с религиозной окраской.

Боялись полиции (нежелание связываться), сторонились цыган (воры и попрошайки), властей (призыв в армию на 25 лет, и этого не хотели), бандитов, доносчиков.

Вся семья работала у пана. Единственными торговцами были евреи. Лавка была в Орехове, в доме еврея. Они брали щетину, конский волос, привозили керосин, сахар, пряники, красные и черные нитки для вышивки. Шел лишь обмен. Денег почти не было, а если и были, то с ними нужно было ехать в Малориту или Брест для покупки.

Несколько жителей ездили на заработки в Америку (отсюда и кличка – Америка).

Газеты, журналы никто не выписывал. А те, что были, только на польском языке, можно было купить в приезжих лавках.

[В деревне были] еврейская лавка; ветряная мельница.

[Лечиться ходили] к местным бабкам, знахарям, костоправам. Если болезнь очень серьезная – в польскую больницу в Малорите.

В деревне была школа-изба (поляк учитель), 4 класса. Церковь тоже учила (приходская школа).

Дисциплина была жесткая, учителя били розгами, религиозное воспитание. Обучение велось на польском [языке]. Сейчас хорошо помню польский.

Между собой разговаривали на украинско-польском диалекте (белорусского не знали). Нормальные отношения [были] между поляками, евреями, украинцами (разве что дети богатых родителей всегда были в преимуществе).

[Поляки] прежде всего отличались в религии (католики); отмечали свои праздники; у них была своя постоянная одежда европейского покроя (лучше). Отношение к другим терпимое.

[Евреи в деревне] жили. Умная и работающая нация. Отличались от всех по одежде на еврейский манер: чистые (всегда!), опрятные. Евреи одинаково снисходительно равнодушно относились ко всем (у кого есть деньги, тот и желаемый клиент). Евреи стали ввозить новшества: косилки, швейные машины, железные колеса, ремни передачи (на мельницу), шили обувь, одежду.

Цыгане жили кочевой жизнью. И лишь на зимовку останавливались возле какой-нибудь деревни. Сразу все старались закрывать все сараи, скирды, прятать то, что лежало на виду. Цыган не любили – они занимались воровством и попрошайничеством, не хотели работать; грязные, немытые. От них всегда хотели быстрее отделаться и выпроводить из дому.

Богатые и бедные не могли жениться. Родители решали все за детей. Вторых браков не было (при вдовстве). Белорусы спивались (от бедноты) и считались плохими женихами. Более удачным считался брак с поляком (работящие).

Были конфликты среди молодежи (молодежные группировки по национальности). Каждое воскресенье после церкви кулачные бои (даже оглоблями). Травили из зависти еврейскую живность, сады, жгли их дома, сараи. У поляков крали яблоки в садах.

Евреям жилось лучше: у них были деньги, они могли давать взятки властям в случае чего. Хуже жилось бедным, а не национальной группе.

Рядовые крестьяне жили своими проблемами и ничего не знали. Информация из-за границы с СССР не доходила.

Грамотность дала толчок на отток молодежи в город. Многие хотели выбраться в город или получить свой земельный хороший надел.

Вероха Иван Иванович¹, 1933 г. р., д. Глинка Столинского района

Мойго бацька звалі Вяроха Іван Міхайлавіч. Вун 1894 года рождэння. Учайствуваў у Первой міравой вайні. У адному з баёў ему аўстрыец прастрэліў дві ногі. Пуля, што попала ў правую ногу, раздробіла косць. Рускія ў таму бою адступілі і оставілі мойго бацька. Тры дня без вады і еды вун поўз па дарозі, покуда ны дашоў да рускіх войск. Его направилі лячыцца ў Харкоў, потым у Тамбоў. По догавору з Росією Польша должна була платыты мойму бацьку. Для таго, шоб ему выплачвалі пенсію, вун буў должен падтвердыты, шо ўчаствоваў у вайні. Полякі послалі запрос у Москву, чы служыў у іх такі салдат по фаміліі Верох. Москва ім отпісала, шо ў іх Верох ны служыў, а служыў Вяроха, які считаецца без весці прапаўшым. Тоды бацька рэшыў дабіцца справядлівасці чэрэз суд. Вун прывеў у суд двух свідзецелей з Радчыцка: Абрамчука і Ковальскога. І Польша була вынуждзена була выплачваты грошы. Вун палучаў пенсію у 52 злотых. За гэтыя грошы можна было купіты 25 пудоў жыта.

Бацько жэніўса ў 1917 году на Вяроха Тацьяне Еўціхіеўне. У мэнэ было 2 брата і адна сестра. Братоў звалі Одам і Якоў, а сестру – Ганна.

Наша сем'я займалася сельскім хазяйствам. А так карову дэржалі, два коні, свінні, курэй, овечак. Крохі зэмлі сваеі было да хліб вырашчывалі.

[Поляки], як і мы, [жили] сельскім хазяйствам.

¹ Интервью записано на диалекте.

[Богатый] еслі ты богато зэмлі маеш, коней, коровэй, сенокоса. А хто маў мало зэмлі, то буў нішчым.

Нішчымі булы Ворох Дмiтрый Лукашовiч, Буднiк Кузьма, а на яго казалi “Конер”, бо коней пас. Вуны ў старцы ходылі па хатах.

Хто багаты, меў аўторыцет. Ёго звалi “Суцык”.

Хто краў, того ны ўважалi. Буў у нас злодэй. На ёго казалi Мэтэр. Вун як ны ўкрадэ ўночы, то вовiк ны заснэ. У войну ёго нiмцы застрэлялі, бо краў.

Часам хлеба ны хватало до нового ўрожаю. От ны то, шо зарэ. Зашоў у магазiн да купіў за грошы хлiб. А тодзi, е свае жыто, то напечэш хлiб. А як няма, то купляй, а за што купiш. Тоды грошэй ны зароблялі. Як хочэш грошэй, то продай сваю корову чы коня да i будуць грошы. В асноўном корову на хлiб мянялі. А я то ны ўспомнiў, шо ў нас багатым счытаўса Оленько (зэмлі багато маў).

Наша сэм’я купляла керосiн, соль, спiчкі. Все куплялося ў еўрэёў.

Выезжало крохi людэй за гранiцу ў Амерыку. Продавалi зэмлю да ўезжалi. Моя сестра Ганна ў Амерыку выехала. Вона ж замуж вышла ў Городную. Муж трохi багаты буў. Вун грашэй назбiраў да i паехаў з жонкаю ў Амерыку. Сестра пры Хрушчову два разы сюда прыезжала погасэваты. Як саветы прышлi, то воны ўжэ за гранiцу ны пускалі.

[Газет и журналов] ны було, бо ныхто ны выпiсваў. Я ж кажу, на хлiб часам ны хватало.

Доктороў у нашой дзерэўнi ны було. Ходылі ў Тэрэбужоў, там зубы рвалi. Муй бацька iдэ наноч у Тэрэбужоў, там вырве зуба i назад дохаты. А так у Століне нiякіе ж урачы булі. Колi хто-ныбудзь сер’ёзно заболiў, то везлі ўжэ ў Столін. А ўрачы дорогiе булі. Ны хватало грошэй, то люды так умiралi.

Я пры паляках у школу ны ходыў. Але знаю, шо там вучылы на польскому языку.

У самой дзерэўнi палякаў ны було. Вуны жылі по хуторах. На хутары ў лесi жылі Гроцкiя, Шчавiнскiя. Еслі б Савецкi Союз ны напаў на Польшу, то Глiнка распаласа б на хутора. Як прышлы саветы, то воны пораскiдалi хутора.

[Евреи у нас] жылі. У Городнуй багато було, а ў нас ны вельмi богато було. Хочаш, я тубi можу сказаты кулькi еўрэёў, кулькi хат було: Моня – первы, потом Шолiн, Колда, няка слепенька бабка, Грызун, Iцко, Карасiк, Пiлец, Элля – вун кузнецом буў. Так это ўжэ дэвяць хат. А шчэ Моўшчык – дзесяць. Дурбач – на ёго Осоль казалi, вун маў олейнiцу, алеi чавiў. Ютка була. А з Коткаю Бiнзыён жыў.

От Эля кузнiцу дэржаў. Дурбач алейнiцу маў. А так еўрэi рэмёсламi, торгоўлею занiмалiса. Малi машынкi швейныя, матэрыю да шылі багато, а потом прадавалi. А одзiн, Шолiн, вун столярку робiў, вокна, дверы. А от у

Моні богато землі было. У ёго жонка была, Шоркою зваласа. Еслі трэба было шо купіты, то мы до еўрэеў ходылі. Вуны ў Высоцк (Украіна) ездзілі, там товар получалі, а тут ужэ перэпродавалі.

[Цыгане былі]. Тут іх табор за табором ехаў коньмі. У нашым концы жылі. То цэлую зіму булі тут. Одзін цыган дажэ кузнецом буў, коваў усе. А там цыгане на одному місцы ны жылі, воны кочовалі. Про іх добрэе ныма шо сказаты. А так цыгане кралі, гадалі, грошы выманьвалі.

[Межнациональных свадеб] ны было. А хоця була одна свадзьба. От Лемешэўскі жэніўса на полячцы. А так женіліса католікі з каталічкамі, а праваслаўныє з праваслаўнымі.

Усім одзінаково жылося. Але хто маў багато зэмлі, той жыў лучшэ.

Не, нычого про СССР ны чуў. Але ж булі чуткі, шо ў Росіі добрэ жыты. Он дэ ж граніца була радам з Давыд-Городком. Казалі, шо там проходыць калектывізацыя, да казалі, шо ўсіх у колхоз забіраюць.

Ворон Степанида Ивановна, 1925 г. р., д. Заречка Дрогичинского района

Поляки мало чем отличались от нас самих. Поэтому сказать о предвзятом отношении к нам я не могу. Но и среди поляков были разные люди. Так, более обеспеченные поляки не разрешали своим детям играть с нами. Можно отметить также то, что без разрешения польской администрации наши родители не могли ходить в д. Черемуха (недалеко от г. Дрогичина), где находились имения наиболее зажиточных поляков.

В деревне поляки открыли школу. Директором школы (у нас его называли «кировник»¹) был поляк Вишневский. Учили в основном на польском языке. Обучение было обязательным. Те родители, которые не пустили своего ребенка в школу, должны были платить штраф. Иногда (если не было денег) дело доходило до суда.

Что касается религии, то здесь наши права не ущемлялись. Да, в школе мы молились на польском языке, но преподавать Закон Божий приходил православный священник, а перед большими религиозными праздниками учителя, которые по вероисповеданию были католиками, вели нас в православную церковь.

Мое отношение к Советскому Союзу в то время еще не сформировалось, так как я была еще ребенком. Единственное, что я помню, это что родители очень хотели жить в Советской Белоруссии. Их привлекло то, что там за землю не надо было платить налог. О репрессиях, коллективизации, голоде 30-х гг. никто ничего не знал. Да если бы и знали, то не поверили бы в это.

¹ Кировник (полонизм) – руководитель, директор.

Нам было все равно, кто какой национальности. Лишь бы он был хорошим человеком. Да, у нас, в детской среде, были в ходу такие стишки-дразнилки. Евреев дразнили:

*Kto ty jesteś
żyd parchaty
jaki znak twój
nos górbaty
Dzie ty mieszkasz,
w Polestynie
co ty jesz
zdochlej swini.*

А поляков:

*Kto ty jesteś
polak maly
jaki znak twój
wyglod bialy.*

Но серьезных конфликтов на национальной почве не было.

В нашей деревне проживало несколько еврейских семей. Конечно, они по сравнению с другими были более богатыми. Занимались они торговлей. Никаких отрицательных эмоций этот факт у нас не вызывал. Наши родители считали, что каждый должен заниматься своим делом.

Проживали в нашей местности и цыгане. В основном они приходили к нам зимой. Они просились к кому-нибудь домой и жили до весны. С одной стороны нам это было выгодно, так как не всегда хватало хлеба, чтобы перезимовать, а у цыган еда была почти всегда.

Гансецкая Вацлава Константиновна¹, 1927 г. р., д. Гута Барановичского района

Тут я и родилась, тут и живу – деревня Гута. [Семья моя занималась] хозяйством. До колхоза было хозяйство. Работали в хозяйстве. Были коровы, кони, козы. После войны не было ничего. А после войны сделали колхоз. До войны работали по дому, по хозяйству.

Ну и соседи поле обрабатывали, жали, жали женщины, а мужчины косили. Свое имели хозяйство, имели болото, имели поле. Все на своем участке работали.

Родни у нас много было, с родней и общались. Папа тут родился, паповы чатыры брата, сестра, двоюродные. Дядя Яська. И мамыны. Было чатыры сестры, два брата. И все тут в Гуте жили, с родней и общались.

¹ Интервью записано на смеси русского с диалектом.

Богатым [в деревне] были мой дядька, мой дед. Павловский Николай, а по батьку я не знаю. А дядя, Павловский Николай Николаевич, был богатейшим в деревне. Еще были Капушинские. А так средние все.

[У богатого] было много земли, богатый – болота много. Вот он и был богатый. У него много было зерна, картошки. Он людей нанимал. Люди работали. Вот из хозяйства коров много было. Коров продавали и масло продавали. Молока-то никто не покупал. Из хозяйства надо было и сахару купить, и керосин купить – не было же. Лампы и соль. Все с хозяйства это было. И себе одеться. Ну, а так не одевались, как теперь одеваются.

Как бедняк, [то] не очень-то уважали. Все, уже он вроде как бедный, то вроде он уже как ненормальный. А если богатый, может, он хуже его, но он богатый. А если бедный, мало кто его уважал, бедного. Они не имели земли. Не имели ничего. И они работали у этих, которые имеют землю. И все они у них работали. Они им платили.

[Наибольшим авторитетом и уважением] пользовался богатый. Если богатый, то и умный. И все.

Жила семья мая средне. Поле было. Болото боровляли. Было три коровы, конь, конем папа работал. Ну и мы работали. И имели это хозяйство – нужно все было купить тоже, бо на работу никто не ходил. Все дома были у нас. В хозяйстве тут и работали.

[За товаром] в Барановичи ездили, в магазины. И тут у нас была. Вот где школа, была гэта... – еврейка. То она продукты тут уже продавала, там муку, сахар. Мука была у всех своя. Мололи. Мельница была. Возили на мельницу, мололи. Хлеб сами пекли. Это теперь купляют. Свой пекли. А товары в Барановичи ездили купляць. В Лесной тоже теперь. Але в Лесном не было гэтаких магазинаў. У город ездили, коня запряжемо и едем. Там обувь купляли. Ну, якое палито уже. Родители купляли, одевали. Такое, что необходимо.

А продукты свои были. Продуктов никто не покупал. Была мука своя, грэчка. 3 грэчки крупы делали – все было свое хозяйство. И своим питались. Хлеб пекли. Все было свое. Надо было – соль покупали. [Приправ] не было. Никто их и не куплял. Их, мусиць, и не было. Не было тых прыправаў, вот.

Сахар купляли и то все малочно, мало, потому что не было за что гэтак вельми купить. Да. Гэта ж все хозяйство: что продаси, то и купишь. А трэба было и на ноги что купиць, и адзецца. Не вельми разгонишься. Ну, якога кабанчыка падгадуеш – прадаси, чтоб уже такое купиць и все. А гэтак не было. У хатах были стол, лаўка гэтака и койки стояли. Больш у хатах ничога не было.

Мы купили хату уже не нову. Половину деду другому здавали. А где вот тут у нас кухня, тут были сени и камора. Зрабили кухню. А там ужо зрабили поўнасьцю хату, там была куханька адгароджана, спальнка, тады и на всю. И вокна новыя дали, и патаўкі новыя. Усе подавали новае, и мы сюды перайшли.

[Из крупных покупок что я помню?]. Ну, якую крупную? Адзецца сабе. На адзенне, бо тады не было, не купляли. Не было и за што купляць. Адзецца сабе. Як что и багаты, то и адзенецца лепей. А як уже такая срэдня – ну так уже каб было якое палито, якия такая чаравички, да. У весну якия сандалии купяць или туфельки, адежи. А так крупну, что мы купляли? Ну, бывала... Як вот у нас быў конь и прапаў, здох. То тады мы продали уже парсюка, были там трохи грошы и купляли каня. Усе, бо нада, бо зямля, нада абрабатваць канем. Вот такая крупная. Тут и багатыя ничога и не купляли такога крупнага. Вот. Так проста у хаце, и канапа¹ здзелана, як у нас... И гэтак и жыли усе. Гэта было и у багатых, и у бедных. Не было, як цяперакай, усякия мэбли.

[За границу] никто не ездзіў. Усе у дома были. А тады нихто не уязжал. Усе у дома. Нихто ... у ниякия зарабатки эти.

[Из деревни не выезжали]. Никуды не ездзила. Тутака усе. Ну, у Баранавичы паедзеш. А тутака уся радня. И тутака усе время. А в Барановичи мы ездилі за покупками. Вот трэба якое палито ци што. Ужо брали памераць.

У нас гэта жыдоўка, яўрэйка, была. И магазин яна дзяржала прадукты. Канфеты, там пячэнни дзяржала. Самавар яна дзяржала. Булки пякла. Там, за Барановичами, там у их нету балота. Яны прыязжались сюда у село, у гэтыя дзярэўни и пакупали сено. Яны ужо стог купяць ды уже разломаць. Да яўрэйки гэтай заязджали. Ужо чай пьюць. И гэтыя... булки яна ужо..., заплацяць, а водки нихто не пій. Я не знаю, ци была тая водка там. Не было моды.

Ремесленных мастерских и парикмахерской в деревне не было. Никаких. Тут на вакзале стрыг хто.

[На случай болезни]. Тут у нас у Лясной быў врач. И да яго абрашчаліся. Яго прывозили. Ен лячыў. Дома жыў, але быў врачом. Новик яго фамилия. И як захворэе – вазили. Тут яшчэ быў (забыла фамилию...) тоже адзин врач. Вот Бог даў и было тады 2 врача. Ен сказаў: «Ничым не плациць, але мёдам». Гэта было ужэ вайной. Гэта было 42–43 годы. Сказаў: «Мне мёд и пшаничнае муки, усе». У Жабинке пакупали мёд. А тут жа папа ўродзе славіўся, и яны тады прывязли муки адтуль. И плацили мукою и гэтым ён лячыў Богдана. Яму было дванаццаць год. Вот якия у нас врачи. Тут местныя, ляснянския.

¹ Канапа (пол.) – диван.

[Лечение обходилось] дорага. Не вельми и абрашчались. У Баранавичах то были и зубы лячыли. И рвали, но ніхто не ездзіў. Вот зубы пака сядзяць, то сядзяць. Сваімі лекамі лячылі.

У дзэрэўне школа была на 4 класы. После чатырох ездзілі у Новую Мышь. Да то у нас яна тут жыла эта... Валя была. Гэта Валя то сем класаў кончыла. И Езя наша ... Васева сестра, то яна уже мусиць на першым, ци на другим курсе [класе?] была, ... а тут вайна. И усё, яе закрылі. А больш ніхто и не вучыўся, не было цяперашних срдстваў. Трэба наняць кварциру. Трэба усё. Ніхто не вучыўся, так, чатыры класа кончаць и усе.

Абрашчались [с учениками] хораша, тут была у нас гэта, як яна... Шучоска. Вучала дзеци. То да вайны. Но всякия были. То возьме неяки дубец длинны и уже к той, что там шумиць, яна гэтым дубцом дастае – и по плячы. Но там моцна не била, але так, злягка. Учыли на польском. Гэта да вайны. [Я и теперь] писать магу. Чытать. Ну, гаварыць так быстро не магу – путаюся. Як вот цяпер па гэтаму. Ужэ ж вот як у Бярозаўцы – там усе яны гаварыли па-польску. Усе. А у нас на гэтаким языку. Ну у школе па-польску. Там уже з учыцельницаю. А так на гэтым языку так во быстро гаварыць и я не магу. А так чытаць и писаць магу.

[Между учениками] не было разницы. Вот дзяўчата, хлопцы разам у школу хадзіли. Не было вот таких: ци ён гэты католик, ци ён праваслаўны. Усе разам дружыли, усе разам у школу хадзіли. Усе. Не было таких.

[Писать и читать по-русски научилась], як уже у гэтыя два класы посла вайны пашла. То уже магу прочытаць. А больш не пайшла. «Не пайду и усе» кажу.

У нас уся дзярэўня была, усе были паляки. Усе были католики. Гэтакия самыя людзи [как и белорусы]. И беларусы гэтакия, и эти. Бывае нехарошыя: и паляк бывае, и беларус нехарошы. Но, а так дружыли, ничога. Никаких не было тут, что ен беларус, а гэтыя... Усе разам дружыли. И никаких не было у их там. То ты гэтаки, ти гэтаки. Не, харашо дружыли. [Разницы не было].

[К другим национальностям ничего плохого не имели]. Ничога. Да яўрэяў – гэта яўрэйка. Жыла, усе и добра. Тут две сямьи, два браты были жанатыя и харашо, они ніхто ничога, не. Харашо абрашчались друг з другам, харашо.

[Православные] работали на нашыя праздники. Усе. А мы на их тожа работали. Что тут гаварыць.

[Евреи немного отличались]. Ну, ани ужо не гэтак гаварыли. Чуць па-гэтак – яўрэйску. Ну, такая чорныя были. Яны такая, уже пазнаеш, что гэта яўрэйки. Ну, а так, як гэта, прывыкли, то нам людзи, як людзи. Якия харошыя были яўрэи. И тут уже их шкадавали. Нашыя бацькі даже плакали па им. Уже шкадавали, знали, что уже их на смерць вядуць. Жыли там и

там, и я жыла, и там усе па суседству з ими добра жыли. Яны яшчэ у поле умели, у поле рабили. Нашыя бацьки што трэба памагчы, то и памагаць хадзили.. им там. Жыли дружно.

У их была зусим другая вера. Яны малилися. Яны гэтак малилися: у их если суббота – яны свечки не запаливали, каб хто-та им запалиў свечки, а як уже у нас гэта Ражство¹, то яны гэтаку кучку рабили. Гэтак процив окна зробиць, такая ну як шопа, такая... Цераз акно насили яду. Что яны там ели... Гэтым яны пякли... маца была такая. Мы ели тую мацу. Казали гэта... ну, то не праўда. То уже байки, што кроў людская у той мацы. Але яна тоненька-тоненька, тая маца. Яны ту мацу ели на той празник. А яны гэтак малилися, гэтак яны малилися, и там на рабоци... и такія прыбита у их было. Ну, нешта такое, нешта святое. Яны да гэтаго... яны малилися-малилися. Яны были набожныя, ну па-сваему малилися.

После вайны, то яўрэи хадзили за русских замуж, выходзили. И им сало не можна есци. А после вайны яурэи сала ели. Ели.

[Праздники их]. Ну гэты во. Ну кучку² гэту. Бо тут гэтак яны зрбяць чэраз акно, гэтак у их быў празник. Ну, яны не тады, як Раждзяство. Неяк у глыбокую восень. Так во у их гэтыя были празники их.

[И они тогда делали кучку около окна]. Ну, зрбяць, як там, стол паставяць усе. Абаб'юць гэтым... накрыюць, и чэраз акно яны вылазили и цераз акно... яны яду там падавали. А што яны там ели? Нихто там не хадзиў, не знаю. Яны на тую во хадзили, малилися, так чераз акно³. А так у дверы хадзили.

[О маце]. Мацка, да. Маца, маца называлася у их. [Ее делали из] муки. И пекли тоненька-тоненька такая. Нават хрумска. Мы ели яе. Яны нас угашчали.

У их жа ж было тожа... две дачки – Шэндала и Хавецка. То мы дружыли у дзецтве. Як я была малая, яны трошку старэйшы.

Не знаю [почему евреи не едят свинину]. Яны и сало не ели.

[Межнациональные браки были]. Выходзили-выходзили! И жанилися. Ну што, як палюбяцца. Што? Усе ишли. У нас кольки. Маци была палячка. Яна тут ля хаты жыла. Бацька был нехта беларус. Ну, яны и ен перайшоў на яе веру. И празники празнаваў усе нашыя, уже каталичэския. Веры все. А як? А каторыя возьме нашу девушку.

¹ Т.е. Рождество.

² Кучки – имеется в виду еврейский праздник Кущей (Суккот), который славянское население называло «Кучки». Кучками часто называли и все еврейские осенние праздники. Поскольку проводились совместные моления и обряды, славянское население считало, что молящиеся собирались вместе в «кучу» («кучку»).

³ Имеются в виду беседки-кущи, которые евреи строили к празднику суккот.

Пераваспитае яе на беларускую, і яна падчыняецца мужыку – ходзіць у цэркаў і усе. Жаніліся!

[В гостях] у беларусаў была, ну, а у яўрэеў то не.

[Отдельных улиц или кварталов у евреев не было]. Па адной вуліцы хадзілі, па адной усе.

[Чем отличались евреи?] Ну, якія былі яны – чорныя. Як цыганы. Да. Вот такая чернамазыя бальшынство. Ужо пазнавалі, што яўрэйка. Яны ўжо гэтак па-яўрэйска гаварылі. А так жылі і тут былі два браты у Баранавічах, тут да Гуты прыяжджалі яны, то тут яны што купяць, ці што... то атнасіліся так, як да людзей. Усе харашо дружылі, яны зналі людзей. Не было такога, што вот ён – яўрэй... Усе у нас былі людзі адзінакавыя.

[В деревне] церкви 2 былі. В Баранавічах. Ну, нічога, у іх-то празднік... Нічога не мелі до гэтаго ніякого. Ну, яны свое празнавалі, а мы свое празнуем.

Дракі? Так якія дракі: і полякам можа дастацца... і тут у нас не было дракаў. Гэтакіх, каб ўжо з яўрэямі, ці з беларусамі... А хлопцы, як на танцах, то і сваіх б'юць. А ім якая разніца, як вып'юць ... А так, што ты такі, а я такі – не, такога у нас не было. У нас усе адзінакавы. Мало што ты католик, а я – праваслаўны. Але разам дружылі. Разам хадзілі. Усе. І в школе разам. Вот і школа тут – родина: усе прыходзяць разам у школу. Разам хадзілі. І Суценьева тая Янка. Не было гэтак, што такая вы ўжо, а мы такая. А адзінакавыя былі.

Ну, як было? Было больш палякаў. А беларусы што? Не можна было у васкрасенне рабіць. Запрашчалася. І паліцыя ходзіць па дзярэўне. Если ты работаеш, значыць, табе штраф. Выхадны – нядзеля, святая нядзеля – работаць нельзя. А у Навасадах – там рабілі. В воскресенье. І паліцыя там штраф ім наложвала. Так яны потым сталі хавацца. Закрываць сарай (гумно называецца), і там рабілі. Гэта было до вайны. А яны і там іх находзілі і давалі штрафы. Гэта польска милица хадзіла і іх наказвала. У нас ні рабілі тут нікагда.

[Жили все] вродэ адзінакава. Як ён чалавек, то і всех ён уважае. Усе жылі. Усе работалі. Ніхто нікому не запрашчал. Ні таргаваць, нічога. Як ён чалавек. А як які жулік – ці гэты католик, ці праваслаўны і яўрэй – то наказвалі. Тоже. І тюрмы былі, і в тюрмы забіралі.

[Богатые жили хорошо]. Ну, вот родня. Дзядзе, дед мой, мамин папа. Яны жылі добра, бо яны былі багаты. Усе, а ўжо мы сераднякі былі усе.

Ён [Сталін] многа уничтожыў людзей. Яны тут былі – польскія афіцэры. Ён за Мінскам недзе ўсех растраліў. Гэтых польскіх афіцэраў, начальнікаў. І этаго. Ён абрашчался плоха, бо эта ж... у тюрмы садзіў усех, з людзьмі не счытаўся.

[Колхозы]. Ну, усе проциў былі. Усе плакалі, не хацелі. Усе ж забіралі ад нас. Усе. Папа запраг каня... і плуг, усе палажыў і завез... у калхоз і усе здаў. Прышоў з пугаю. Потым што, разбіралі нашыя гумно. Строілі гэтыя во амбары усе. Усе недавольныя былі. Плакалі. Як жыць? А гэта увосень усе пасеялі зярно, ужо лета прыйшло – нада жаць. Сказалі нам усем, каб жалі усе, бо забярэ калхоз. І жалі, падъехалі коньмі і усё загрузілі у гэты у калхоз. Усё павязлі. А людзі асталіся ні з чым. Нічога не аставілі. Ні хлапка. Жыві як хочаш. І год рабіў папо. Тры рубля прывез за год. І на плячах зерна. На плячах... ну колькі там... можа, было тры вядра. Як жылі? Жылі плоха. Гналі самагонку, праўда. І у Лясную вазілі, там пакупацелі забіралі, яны там продалі. Бо не за што было жыць. Картофля была – картофлю пасадзілі. Картофлю не забіралі ужо. А зярно усе забралі. Усе. Усе апусцілі рукі. А цяпер, бачаш, усе забралі і нашага нічога нема. А гэта ж людзі строілі гэты калхоз рабілі... усе.

[О голоде]. Ну, голод – гэтак было. Канешне, было... Не вельмі тут усе прадасі. Тут у Лясной, дзе яка пекарня. Тут пойдзеш, пастаіш – булку хлеба возьмеш. Но карова была, малако было. І ужо гэтым малаком каровы, дзе у кого яшчэ мукі – і гэтак жылі.

[Дефицит был]. В очэрэдь ставалі. Тут во, в Данкі, гэта Валя – яна таргавала, і прывозілі ей тавары. Вот сонца зойдзець, і ужо ставалі в очэрэдь. І да пака яна не адкрые. Цэлу ноч. Сядзелі на дварэ, ну ужо мяняліся і чакалі, што адкрые. В очэрэдь уставалі, як хочаш што узяць. Ну, многа не куплялі. Мы ўсе так і жылі. В 30-е і 40-м годзе. Так і жылі. Як хто ужо дабіваліся, так і жыў. Что заколеш – прадасі – сабе ужо, не заколеш – не прадасі. Бо трэба грошы. Трэба і абуцца, і адзецца, і самім бацькам. І гэтак адзяваліся. Жыць была не хароша, але ўсе перажылі.

Гапонюк Павел Ефимович, 1919 г. р., д. Страдичи Брестского района

[Деревня наша] большая. До войны было 320 дворов, домов.

[Занимались] только сельским хозяйством. До войны нечем было заниматься, нигде никакой работы не было, кроме железной дороги. Только на железной дороге несколько человек работало и в сельском хозяйстве. Я, например, с 8 лет пас коров. Пас свою корову и соседскую. За коровы платили, я первый год, когда пас 9 коров, за лето заработал 450 кг жита. А потом и по 20 коров пас, одну тонну жита заработал, это было хорошо. А люди жили по-разному, например, у кого земля неплохая была и семья рабочая, хорошо жили. А мы жили бедно, отец мой умер. Я забыл сказать, нашу деревню и деревни от Буга, в Первую мировую войну всех выгоняли в Россию, тут никого не было, только кое-где жили евреи и

немцы трохи. А в 18 году, после революции, люди стали возвращаться обратно¹. Люди возвращались обратно, а поля были не засеяны, земля не обработана, есть нечего было, и получился голод, и получился тиф. Вот тогда мой отец и заболел тифом и умер.

[У нас было] 3 гектара земли, сенокос и поле, но работать некому было, мать одна была, и мы были маленькие. А люди, у кого земля была лучше, рабочая сила была – хорошо жили. А в сторону Кобрин, те поселения, то люди жили очень бедно, не все, некоторые. Там болота были, осушки никакой не было. Так они приходили в Брест и брали у евреев с бочек юшку с огурцов и ели ее с картошкой. Но мы, слава Богу, обходились так. Корова была, свиней держали. Куры были, за куры разговору нет. В каждой хате должны быть куры и корова, почти у всех была корова. Кто богаче – по 3–4 коровы было и лошадь. У нас лошади не было, только в 1935 году купили лошадь. Я в 15 лет стал хозяином.

У кого семья была хорошая, рабочая, земли было побольше, свиней было побольше, было чем кормить кабанчика: то и себе забьет, и продаст еще на базаре. А у нас на продажу не было, мы каждый год вырастим кабанчика на 150 кг и забьем. Раньше мельницы не было, крупу перловку в ступе толкли и пшено, а жито в жерновах на муку мололи.

[Одежда] вся была самодельная: и нижнее белье, и верхняя одежда. Сеяли коноплю и лен. Как посеют, собрать надо, помыть, посушить, сами пряли и ткали. Купчими были только рубашки, костюм и пальто. Даже делали свои костюмы из шерстяных ниток. Каждая хозяйка делала все сама, это была женская работа. Всё делали женщины вручную. Шить, то не все шили. Сами шили только нижнее бельё, а все верхнее бельё шил портной. К нему все ходили шить одежду.

В Брест ездили. За Бугом есть деревня – там было больше евреев, в их руках был весь торг. Поляки, русские мало торговали. У евреев заказывали и одежду, и обувь. У них крепче было, лучше. Если просто продать – то делали абы как, только б продать, а если на заказ, то лучше делали. К 1939 году появилось больше моторных мельниц, хлеб уже мололи в мельницах. Было улучшение для людей. Появились молотилки, техника. Про трактора тогда и понятия не было.

[За границу] мы не ездили, родственники только в Америку выехали, переселились жить. На заработки за границу никто не ездил. Кто уезжал, продавал тут землю, чтобы были деньги на дорогу, и уезжали. Это было с 1925 г. по 1935 год. После 1935 года уже никто не ездил. Уезжали больше в Аргентину. И тетка моя туда уехала, но при Советской власти вернулась.

Врача не было. В 1928 году я пошел в первый класс, простудился, и у меня заболели глаза. Я до сих пор плохо вижу. Кто серьезно болел и

¹ Речь идет о выселении гражданского населения из прифронтовой зоны.

деньги были, ездил в Брест, но таких мало было. В основном люди, кто заболел, умирали. За все нужно было платить. Моя мать тоже заболела и умерла. Врачи были русские и поляки.

В деревне лавка была, и еврейка держала свой магазин. Продавала соль, керосин, спички – это было основное. Водку продавали, селедку, перец. До 1939 г. самогонку никто не гнал. На водку и табак был акциз.

В деревне была 6-классная школа, некоторые в Кодне учились в седьмом классе, но таких было только несколько хлопцев. В Бресте никто не учился. Учились на польском, а между собой разговаривали на родном языке. Это не запрещалось. Один раз в неделю приходил батюшка и вел урок на русском. По национальности учеников не выделяли. Только если урок не выучил, то били палкой по руке, а не то на колени могли поставить, после уроков оставляли.

В деревне поляки не жили. Только учителя были поляки. Поляки были выше нас, если какая свара, то обзывали нас быдлом, свиньями. На работу в первую очередь брали поляков, только если поляков не было, брали наших, а оплата одинаковая была.

Сельчане ходили в самотканой одежде, лаптях. У поляков была фабричная одежда. Лапти плели сами. Я пас коров и плел лапти. Было такое, что за день 3 пары лаптей сплел.

Костела в деревне не было. Только православная церковь. Ближайший костел был за Бугом, 4 километра отсюда. А в других деревнях были и католики, и православные.

В деревне Загорово была православная церковь, то поляки в 1938 году, полиция, ночью разобрали церковь, увезли и территорию вспахали, чтобы уничтожить православие.

Евреев в деревне было 2 семьи. Относились к ним хорошо. В других деревнях было много. Один держал мельницу, другой магазин. Были они с бородами, черная одежда и шляпа черная. Евреи отличались запахом.

В 1935 году в Бресте был случай, что евреи убили одного студента¹, и тогда пошел большой погром на евреев. Били евреев, магазины громили. Больше ничего такого не было.

Я не знаю, как праздновали свои праздники. Был у них один праздник: то ли перед Пасхой или после. Они готовили на него одно блюдо, называлась маца². Давали и нам пробовать. Ходили слухи, что евреи добавляли в мацу христианскую кровь. Евреи свиней не ели и рыбу-вьюнов не ели.

¹ Имеется в виду еврейский погром в Бресте 13–14 мая 1937 г. Погром был спровоцирован убийством полицейского еврейским торговцем. За участие в антиеврейских выступлениях было задержано 128 человек.

² Праздник Песах.

Цыгане в деревне были, но только которые приезжали на время. Приедут, побудут неделю и уезжают, приезжают новые. Разобьют свои палатки в поле и ходят по деревне: курей крали у людей, гадали и людей обманывали. Если ничего не крали, то к ним нормально относились, а было, что и ругались.

Про Восточную Белоруссию разное. Некоторые говорили, что там хорошо. Услышать что-то тогда было трудно, были только польские газеты.

Жить было очень трудно. Только после войны Советская власть дала людям работу, и стало лучше. Я лошадей возил цемент, песок на станцию. Но работы было мало. Если болели, тот занимались самолечением. Было такое, только в основном бабы. Были книги, по которым читали, что надо пить, какие травы. Таких в деревне было немного, на деревню, может, три. За Бугом был знахарь, деревенский врач, к нему из Варшавы приезжали люди.

При Польше я еще был молодым, на охоту, рыбалку не ходил, некогда было. Например, жито серпами жали, надо было пахать, цепом помолотить, и мне этим некогда было заниматься. В деревне, кто занимался этим, их называли бездельниками. А после войны я был хорошим охотником, что в лесу было, то мое. В 1947 году был голод, я купил себе ружье, а жил я тогда в Ровенской области, там лес князя Радзивилла, там я охотился на зайцев, кабанов. Шкурки сдавали, сначала лесопоставка была – налог, вот и сдавали, а потом браконьерничали.

Когда я был еще в школе, где-то в 1935 г., купил один хозяин радио. Я его не слышал. Я только слышал, как директор школы объявил, что немцы заняли Чехословакию, по радио передали. Мы были тогда нейтральны, были под Польшей, были неграмотными, нас обзывали быдлом, говорили, что мы разговариваем, как кони. Радости не было, война есть война. С нашей деревни на польской войне пропал один человек.

Красную Армию встречали с радостью, это же наш народ. Армия, против польской, была плохая, как пришли, так мы удивились. У поляков лошади были сытые, чистые, а тут одна нищета. Лошадей водили на веревках, не так, как у нас. У нас все было кожаное. Польская армия была в основном конная, была и артиллерия. С 1935 года были танки. Власти никакой не было, было бесправие.

Солдаты Красной Армии были бедными, бедно одетыми, лошади старые, но вели себя нормально, и люди к ним нормально. Я помню, как пели песни, и я пел «Катюшу» (смеется). Грабежей, убийств поляков и евреев русскими солдатами не было.

Головницкий Леонид Дмитриевич, 1926 г. р., д. Одрижин Ивановского района

Родился я и жил в деревне Одрижин. Родители не местные. Отец еще до революции переехал сюда с города Витебска. В деревне дома стояли близко, так как дети, сыновья никуда не выезжали, а строили свои дома рядом с родительским. Все занимались сельским хозяйством: и мы, и соседи, и знакомые. У некоторых жителей не было земли, скота, короче, бедняки, то они нанимались на работу к пану. Пан Прозо. Говорили, что при царе он был учителем. Силой никого не заставляли работать. За работу платили деньги, сразу, вечером. Однажды пришел эконоом к моему отцу и попросил прийти на работу; пан что-то строил. Отец потребовал за работу 15 злотых, а корова хорошая стоила больше 110 злотых, но эконоом не согласился и пошел к пану. А тот согласился.

Конечно, насильно никто не работал. При Польше хорошо жилось. Я считаю, была свобода. Никого не боялись. У нас был полицейский участок – 10 полицаев. Если что, сразу в «турму», на 10–15 суток. «Турма» была тут же. Однажды и моего отца посадили. А уважали богатого и умного. Ну, а в общем, панов, священника. Пана Прозо, его сестру, князя Щербатова. Был еще бедный пан, пан Свенты, поляк. Отца моего уважали. Он умный был. Если надо было, писал людям заявления и на польском, и на русском.

Хорошо жили. Держали две коровы, конь был, десяток овец. Было три гектара земли. А куда ездили? Никуда. Никто никуда не ездил. Все можно было приобрести тут. В центре деревни два раза в месяц – первого и пятнадцатого – проходила ярмарка. На нее съезжались со всей округи. А так покупали у евреев. Их жило много, где-то пятнадцать семей. У них почти у каждого был магазин, а у одного была мельница. Одна у пана, но та часто ломалась. Все было. Деревня была центром польской гмины.

Да никаких деревень не было, разве что за десять километров Мохро да на Украине Горки. А так одни хутора. Там жили чуть-чуть беднее. А так жилось хорошо. Соблюдай законы и живи. Хочешь – маёнток покупай. Все разрешено.

И газеты, и журналы были. Отец грамотный был, читал. Но сами не выписывали, паны – да.

У нас школа была, семь классов. Гимназия. Сюда и с Украины ходили – с Горок, Дольска. Там начальные школы были. Учились на польском, конечно. В школе все на польском говорили: и учителя, и ученики. А на переменах между собой на своем местном. А в школе нельзя, учителя били. Три учителя было, потом еще два пришло. Язык еще помню. Писать уже не могу, а понимаю, даже чуть-чуть еще говорить могу. У нас еще в день два урока проводил батюшка, для православных.

Тогда евреев выгоняли из класса, поляки могли присутствовать. Но никто не обижался, между собой все дружили.

Поляки ничем не отличались, только одеждой. У поляков более новая, красивая. У евреев тоже своя одежда. А так ничем. Вот только евреи никогда не убивали сами животных¹. Они просили христиан и за это платили.

Цыгане у нас не жили. Иногда летом целым табором приезжали, но становились далеко от деревни.

Болели, конечно. Но у нас был фельдшер, аптека была. В Дрогичине, мы к нему относились тогда, а не к Иваново, была платная больница, но далеко, а в общем дороговато.

Все жили одинаково. Кто работал, тот и зарабатывал. Кто как мог, за тебя никто не будет работать.

Драк не было. Иногда ссорились из-за межи в поле или что коров на чужую пашню загнал. Драки, может, на танцах были между молодежью. А так нет, посадить на сутки могли.

О жизни в СССР поляки в газетах писали, что там плохо живут, бедно, у нас лучше.

Учиться? Нам это не надо было. Мы были прикреплены к земле. Дети богатых поляков учились.

Горкавчук Иван Викторович, 1929 г. р., д. Дубично Малоритского района

Я со своей семьей жил на хуторе. Мы его называли Заможье. Я не знаю, почему именно такое название этой местности. Хутор был окружен со всех сторон лесом, и там было около 18 домов и располагались они по кругу. Это очень красивое место, перед нашим домом отец посадил сад и весной перед окнами всегда цвели груши и яблоньки. Сейчас это место принадлежит колхозу, но лет 5–6 назад я ездил туда и увидел, что одна грушка все-таки осталась, я сорвал одну грушку и попробовал я вспомнил свое детство.

Отец с матерью занимались хозяйством. Когда начиналась жатва то мать ходила на жатву, а отец занимался в поле. У нас было много земли: 5 га шло под пашню, 2 га шло под пастбища. Так же было три коровы и один конь. Мой старший брат помогал ему. А я иногда присматривал за младшими, иногда пас гусей в поле. У каждого во дворе было несколько коров, так мы по очереди их пасли, в основном мать посылала меня с собакой. Один раз, когда я пас из лесу вышел волк, я никогда его не видел

¹ Здесь явная ошибка. Ритуальный убой скота производился только специально обученным евреем-резником (шойхетом). А вот платить за мелкие услуги местным жителям евреи могли по субботам (шабат), когда работать запрещалось.

и закричал, хорошо, что по близости был сосед, и он напустил на волка собаку, он тогда то ли на охоту шел, то ли по грибы я уже не помню. И мать меня уже самого не посылала. Нас детей в семье было восьмеро, сейчас нас осталось пятеро.

Наша семья считалась, как говорится средне обеспеченной и это притом что нас в семье было одиннадцать человек. Но были и те, у кого было мало земли, но они как-то могли выкручиваться из положения, то они дружили с поляками, то где-то у кого что-нибудь украдут.

Именно для меня признаком [достатка] была одежда из магазина, фабричная обувь. Так как летом я бегал босиком, а на зиму на нас восьмерых была только одна пара валенок. Только у Коли были более новые ботинки, в которых он ходил в школу.

Поблизости с нашим хутором магазинов не было. А нам он попросту и не нужен был. Одежду мать шила нам сама: как сорочки, так и верхнюю одежду, телогрейки разные. А вот с обувью у нас была проблема: ведь семья большая была, поэтому мы раз в год ездили в ближайшую деревню, где был магазин и покупали Коле обувь, а ту, которая ему была мала, носил я, а за мной донашивали младшие. Труднее всего было самому младшему: ему доставалась самая поношенная и рваная пара. Но мы как-то выходили из положения: летом, например, бегали босиком, зимой без нужды на улицу не выходили.

Продукты мы также не покупали в магазине, а ели все свое, как говорится, домашнее: хлеб пекли свой, так же мука у нас была своя.

Пару раз я ездил с родителями на базар в Брест, тогда это был совершенно другой город. Так вот по дороге мы один раз заехали в придорожную корчму, там мне моя мать купила большой леденец на палочке, а они тогда были очень дорогими. И в Бресте, помню, родители купили жеребенка, для нас это было дорого, а старого мы продали соседу, когда жеребенок подрос. Мы ничего [лишнего] не покупали.

Я в первый раз увидел газету, когда мне было лет 7–8, но так как я не умел читать, и она была без картинок, то она мне показалась неинтересной. Но только я не помню, где и у кого я ее видел... Был еще такой случай...(смеется)..., когда Коля приходил со школы, то я иногда брал какую-нибудь его тетрадь, брал уголек и рисовал, но ведь тогда я не понимал, что для нас бумага была дорогой. А когда мать накричит на меня, то я брал все тот же уголек и рисовал на печи ...(смеется)... Та придет, увидит и еще больше раскричится или возьмет тонкий прутик березы и бегаёт за мной, а я от нее.

Врачей у нас не было, а если кто и болел, то лечили его по старинке, по народной медицине. Но болели мы нередко. Когда мы болели, мать делала так: она топила печь и наверху раскладывала зерна пшеницы. Когда

зерна нагревались, она посылала нас туда, и мы спали на нем всю ночь. Или давала мне настой, из каких-то трав.

Школа была лишь в десяти километрах от нашего хутора. Из нашего хутора в нее ходили только двое: это были дети тех, кто водил дружбу с поляками. А из нашей семьи никто не ходил, было много работы по хозяйству.

Поляки запрещали слушать по приемнику русское радио. Если узнают что кто-то слушал, то приходилось платить штраф или могли вообще забрать. Мне еще отец рассказывал, что в соседней деревне, где было поместье какого-то пана (на этом месте сейчас построили церковь, а его сад сейчас церковный сад), он заставлял местных жителей строить дорогу из бульжников, то есть мощеную улицу. Ее кусок до сих пор остался около церкви.

У нас жило два еврея. Они занимались ремеслом, а также торговлей. Моя мать у них покупала чай под Рождество, а что оставалось, то припрятывала до Пасхи.

Цыган не было. Но пару раз они заезжали в нашу деревню торговали чем-то. А я их всегда боялся, и когда я плохо себя вел, то мать всегда пугала меня тем, что если я плохо буду себя вести, то приедут цыгане и увезут меня с собой.

Мне тогда было все равно, так как я мало что понимал. Я сдружился с мальчишкой из семьи так называемых «друзей поляков». Но мои родители были против. А я, не понимая, почему они так поступают, обижался на них.

Горохова Валентина Александровна, 1928 г. р., д. Пугачево Брестского района

Я родилась в 1928 году в д. Пугачево. Это была Польша. В 1935 г. в первый класс пошла. В семье было я и брат, мать и отец. Занятие было одно – земледелие.

Помогали родителям с маленького возраста. Время было такое, что держали корову и поле было. За животными ухаживали.

Деревня была большая, она и сейчас есть. Поляков было мало. Русских не было. Евреи в городе жили, в Бресте. Они в основном занимались ремеслом.

Жить было тяжело, потому что у каждого было свое хозяйство, корова, свиньи. Чтобы деньги иметь, надо было вырастить и продать, а продать было очень сложно, трудно, потому что было у каждого свое. В деревне было 500 коров. Продать было очень сложно, так как каждый хотел продать свою продукцию. Ну, промышленности, как таковой, не было. 3 км до Бреста пешком ходили.

Питались только своим. Никто не покупал ничего. Все свое. За исключением сахара, спичек, соли. А все остальное свое. С ранней весны до поздней осени все надо было работать.

В деревне были лавки, а магазины в Бресте были. Такие лавочки были, где продавали керосин. [В них работали] свои. В своем доме даже. Маленькие такие были.

В лавках часто на черную книжку записывали, в долг. А потом отдавали. Потому что покупатели были свои и свои продавцы. По сути дела, грамотных не было тогда. Ну вот, я училась в польской школе, окончила 4 класса, до 1939 года, и все, а дальше поступить, ну я не знаю. Тогда жили хорошо служащие, железнодорожники.

Говорили мы на своем языке, местном наречии. Но с поляками говорили по-польски. Школа польская, на польском языке. Ну, как вам сказать, в школе дисциплина была строгая. Учитель мог дать по рукам линейкой. И еще священник приходил, потому что был Закон Божий в школе. На русском языке говорили в церкви. Русский язык как таковой мы не знали. Ну, потому что мы польский учили. А вот родители мои – мать моя, она еще при царе жила. Потом началась Первая мировая война. Мама моя окончила два класса русской школы, она немножко умела разговаривать. Мы на своем языке разговаривали. Может, в городе и на русском разговаривали. А мы на своем местном диалекте. Но в школе с учителем на польском. Классы большие были. Ну, и я закончила 4 класса польской школы до 1939 г., то есть до войны польско-немецкой.

Самотканым было в основном только нижнее белье – со своего льна. А на остальное зарабатывали – носили молоко с деревни в бидонах. У каждого были заказы в Бресте, у интеллигенции. И покупали себе одежду.

Никаких журналов в деревне не было. Читали только польские книжки, учебники. Я помню только то, что отец мой выписывал календарь на русском языке. В праздники, когда мы учились, нас отпускали, и мы свое праздновали – православное и не учились. Мы польские не праздновали, мы праздновали только свои праздники.

Если болели, врачи, конечно, в городе были. Но было очень дорого. Я помню, нашему одному родственнику сделали операцию на аппендицит. Это была сенсация на всю деревню. А когда рожали, бабки принимали.

Если зубы болели, рвали, что-то там делали, прикладывали и вылетали. Я помню, наш отец работал. Он в городе делал валенки, еще помню на Советской, туда дальше, на Ленина. Вы представляете, это был такой труд. У него была страховка – книжечка, что он мог обращаться к врачам. Но я не знаю, платили им или это было бесплатно.

Мама занималась домашним хозяйством. Отец наш был, ну, как сказать, его часто забирали в армию. Тогда армия была польская

отборная¹. А отец мой был строевик, он кавалеристом был. Служил в польской кавалерии. Матери часто приходилось оставаться одной. И земля у нас была разбросана, но в круговую, как в хуторах, а земля у нас была, где Красный двор. И надо было пешком ходить, поэтому надо было кого-то просить. Ну, а просто так никто не поможет. Надо было отрабатывать и помогать им в работе.

Староста был свой. Солтыс назывался. Ну, а выше (как сельсовет) была гмина.

В город не ездили. В город пешком ходили. Мост был, Суворовский назывался. Там еще памятник стоял.

У нас в Пугачеве учились двое в гимназии. Но они не смогли получить образование, потому что надо было платить. Было очень дорого. А остальные, что в городе, я не знаю. В русскую гимназию поступить было, наверное, проще.

Поляки у нас в деревне жили, несколько семей. Они так же как и мы жили. Только называли их «пани» или «пан». Даже моя тетка вышла замуж за поляка, военного. Подофицер назывался.

[О цыганах]. Цыган в деревне не было. У нас, вот я вам так скажу, вот в поле, на целый день уходили, а хату не закрывали. Спокойно было. Был, правда, один вор. И все его знали. Но он старался на базаре.

Православными нас называли, а они католики.

Гриневиц Варвара Павловна, 1926 г. р., д. Цна Лунинецкого района

Деревня Цна на то время была небольшой. Хат так в 80–100, не больше. Река (тоже Цна) была тогда более широкой и глубокой. Это сейчас она почти высохла. [Население было смешанным]. Евреев на то время в нашей деревне жило немного: 4 хаты. Две семьи занимались торговлей (у них было два магазина), а другие две – кузнецы. Но вот в соседней деревне Кожан-Городке евреев было очень много. Поляки жили в основном в городе, а у нас жил только учитель-поляк и все. Семья у нас тогда была небольшая: дед, батька, мать, 3 брата и я, самая младшая. Работали в основном на своей земле – 4 гектара земли и 6 гектаров покоса. Садили, сеяли, собирали урожай – главная работа, земля нас кормила. Садили мы пшеницу, лен, просо, овес, серадэмо² (корм для скота), так как было у нас 2 коня, 3 коровы и 2 свиньи. Старший брат, Алёша, правда, работал в Микашевичах (30 км от деревни). Домой приходил один раз в две недели, пешком. Что он там делал, не знаю, но помню, что платили ему 30 злотых (1,5 злотых – пуд жита). Но все же основой каждой семьи была земля, все в основном на ней работали. Все в деревне общались друг с другом, знали,

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

кто как живет, у кого какие проблемы. Но больше все-таки общались с соседями (Ветровые, Ильичовые) и с родственниками (семьей сестры моего батьки и с братом моей мамы). Помогали друг другу, чем могли, всем делились.

Богатыми считались те, у кого было больше хорошей земли и больше скота (4 коня, 5 коров), и еще была своя молотарня¹ (к ним некоторые возили молотить зерно, но это было очень редко. В основном молотили сами, цепью). Их было немного. Если посчитать, то семей 8–10. А вот бедных было побольше. У них и земля была, но не успевали работать на ней, так как семьи у них были небольшие. А податки² платить нужно было. Если не было денег, то их искали, забирали коров, коней, ломали мебель, кухор (сундук с вещами).

Уважали богатых все, завидовали, но не желали ничего плохого. Еще в почете были родители. Все заработанные деньги отдавались им. Так было принято, и никто на это не серчал. Отца даже боялись. Я никогда не слышала от него лакового слова, даже тогда, когда была поменьше. Слово отца – это закон. Все что он говорил, считалось правильным.

Никто в деревне ни от кого не сторонился и не презирал. Боялись мы только воров, которые приходили из других деревень и крали возы, скот, зерно, бульбу. Их искали очень редко, разве что по просьбе богатых. И находили тоже редко. В городе был посторонок (милицейский участок), их туда возили.

Улицы тогда не имели названий. Мы знали только одно, что живем в деревне Цна и называли себя цнянами.

Дом, по сравнению с теми, которые строят сейчас, был маленьким (но тогда он считался вполне большим). Две комнаты. Одна 8 на 6 метров, вторая летняя, 3 на 6 метров. Из мебели: стол, лавы (от селовой³ и дворовой⁴ стены) и 2 стола. Ток (пол) был глиняным, у богатых – деревянный. Постелью служила солома, накрытая простыней. В некоторых домах была деревянная кровать (но у тех, кто был более богат, или у кого было немного детей). Была печь (на ней спал дед), груба⁵. Окна были маленькие, и поэтому в доме было не очень светло. Еще был светильник. Зажигали светильник по вечерам зимним, когда ткали полотна, вышивали. Богатые славились землей первой категории (самая плодородная) скотом и возможностью брать наемных работников (плата – деньги или зерно. Это

¹ Молотарня (местн.) – молотилка

² Податки – налоги.

³ Стена со стороны улицы, деревни.

⁴ Стена со стороны двора.

⁵ Груба (грубка) – печка.

были в основном бедные). Техники в то время еще не было у нас. Все делали вручную.

На ярмарках, которые создавались два раза в год по большим праздникам (хорошо помню, что ярмарка была всегда на свято Микола¹, 19 декабря), мы покупали возы, коней, хомуты, то есть все, что не могли сделать сами. В магазинах покупали сахар, очень редко – селедку. Богатые в магазинах покупали одежду. Постоянно ничего не покупали, денег не было: все землю старались купить. Или еще страховку надо было платить, а остальное все делали сами: молоко, сыр, масло и так далее.

Дядя мой поехал в Америку, когда ему было приблизительно тридцать лет, вместе с женой. Они не возвратились, поэтому чем они там занимались, я не знаю. Всего из деревни в Америку уехало 6 семей. Они верили, что там жизнь лучше. Ездили мужчины на заработки, но никто не возвращался. Ходили и мы в соседнюю деревню в заработки к пану на один день. Ходила в город Лунинец, да и то 1–2 раза. Не было причин женщинам туда ходить.

Одежда была такой: портяная² сорочка, подпоясанная поясом, постолы (лапти из лозы), каптаны³ (из овечьей шерсти). В основном одежду шили сами, если были деньги, то покупали: шимелевые хустки⁴, муфту – пиджак с воротником, теплый (из ваты), хромовые сапоги – на праздник. Также на зиму покупали себе кожаные сапоги до колена, чтобы ходить было можно на речку стирать. Одежды не хватало.

За стол садились три раза в день, всей семьей: утро – пироги, сало жаренное, обед – капуста, кулеш, каша (гречка, пшено, ячные крупы – все было свое) и компот с дичек (маленькие груши). Ужин – бульба с молоком и салом. Вкусным считался белый хлеб из пшеницы, сахар (кубик делился на 4 части). Купленная булочка – это было что-то!!! По праздникам еда, в основном, не менялась: варили мясо (резали овец, свиней), сыр, творог, рыба. Было и такое, что на большой праздник резали маленького поросенка и целиком клали на стол. Все питались в основном одинаково. Свинины евреи ели очень мало, в основном из мяса ели курицу. Пекли они по субботам мацу – тоненький блинчик с дырочками. Нас тоже угощали. По субботам евреи ничего не делали – были очень набожные. В эти дни им ходили доить коров, топить печь за деньги. Магазины у евреев были прямо в доме, или делали специальную приробку⁵. Она соединялась одними дверями с домом. Вторые двери выходили на улицу и были предназначены

¹ День Св. Николая Чудотворца.

² Портяная сорочка – вероятно льняная сорочка.

³ Каптан – имеется в виду разновидность верхней одежды.

⁴ Шимелевые хустки – возможно, большие платки с бахромой.

⁵ Приробка – пристройка.

специально для покупателей. В магазине вдоль трех стен стояли полки, на которых лежали самые необходимые товары продовольствия, ткани

Евреи дружелюбно относились к нам. Дружили с ними особенно дети. Я не знаю, чем евреи не понравились немцам. Да, они обманывали, но это у них такой характер. Ничего не подделаешь. Они одевались, как и мы. Только пошустрее нас они были. Ничего у них не пропадало, знали куда, когда, что и как сбыть. Ссоры между евреями и нами не было. Они нанимали людей съездить в город за товаром, платили за это деньги.

Никто в деревне в то время не отмечал ни крестин, ни юбилеев, ни дней рождения. Праздновалась только свадьба. Покупали 1 бутылку водки и пили ее маленькими чарочками. Пекли ладки¹, блины, каши, супы варили. На свадьбу приходила родня, соседи. Кто был побогаче, тот больше людей приглашал. Во время свадьбы играли на скрипках, гармошках, танцевали, сами пели.

Газеты были, но их не выписывали. Если кто купит в городе газету, то читали ее всей деревней от начала до конца (в основном читали мужчины). Что в них писали, я не знаю. Самой читать не доводилось.

В соседней деревне, Лахве (6 км), был врач, Степанович. Также там была и больница ([за пребывание] платили деньги – 1 злотый за сутки). Но все же старались обходиться без больницы. Степанович – вот к кому мы ходили за советом. Он всегда говорил, как и что делать, и это помогало. Врачи были хорошие. Помню, что делали только одну прививку, от оспы.

В деревне была школа. Учитель – поляк. 4 класса. Учились с утра до вечера. Все преподавалось на польском языке. Сейчас я польский язык не помню. Разве что отдельные слова. Может, если кто-то будет говорить по-польски, то пойму, о чем идет речь, а сама ничего не скажу. Между собой, когда рядом не было учителя, говорили на своем языке. Было в школе и наказание: били по рукам, особенно по ладоням, палками. Поляк был один – учитель. Его критиковали, смеялись между собой над ним. Но большого внимания к нему не было. Судить по одному человеку о поляках трудно. Знаю одно, они были очень высокого мнения о себе.

Кино нам не показывали, клуба не было. Летом устраивали танцы на улице, зимой – у кого-нибудь дома. Телефоном тогда пользоваться мне не приходилось.

В деревне все старались сидеть на насиженных местах. Никто не стремился к каким-то успехам. В деревне главное – земля. Была ли возможность добиться успехов в работе [в городе] или нет, я не знаю.

Немцев-колонистов у нас не было.

[Межнациональные браки]. Я помню два таких случая в деревне. Девушка вышла замуж за поляка и уехала с ним в Польшу. Также и

¹ Ладки – оладьи.

мужчина взял в жены полячку. К ней относились хорошо. Так как и ко всем. Часто не понимали, о чем она кричит на мужа.

Цыгане ночевали у нас всю зиму, а летом жили в лесах. Кочевали. Относились к ним неплохо, давали приют. Тогда цыгане были неплохими людьми и нам помогали, если что.

Мы привыкли жить так, как жили, ничего менять не хотели. Было что есть, было во что одеться и больше ничего нам не нужно было. Два человека из нашей деревни перешли в Россию, но вернулись, там им не понравилось. Граница была рядом, в Микашевичах (60 км от нас). Но никто не ходил к русским, а если ходили, то очень редко.

Зарецкая Анна Алексеевна, 1931 г. р., д. Яковичи Пружанского района

Я жила в д. Яковичи Пружанского района (тогда повета). У нас больше проживало белорусов, поляков не так много. В Пружанах было очень много евреев, они имели свои лавки.

Народ жил на своём хозяйстве. Были и богатые и очень бедные. Богатые нанимали бедных. Работали не всегда за деньги. Рассчитывались продуктами (рожью и т.д.).

Дедушек и бабушек своих не помню. Жила с отцом и мамой. Была младшая сестра Лена (1935 г. р.), брат Володя (1938 г. р.). Мама Мария была хорошей портнихой и ткачихой. Много помогала людям. Отец работал в цегельне (на кирпичном заводе). Родители общались со всеми в деревне. Было очень много родственников и ближних и дальних.

Зажиточных людей в деревне было мало. Зажиточным был отец моего будущего мужа (Бушук). У них работали многие бедные. Они имели коров, быка. У них был жеребец. Люди водили своих коров и лошадей, чтоб размножить, за это отработывали на земле. Бедные люди всегда ходили в заробки, но мать моя не ходила. Она шила и себе, и другим.

Люди в основном все, и бедные, но корову держали.

Авторитетом пользовался, кто богатый. Постоянно шла война за землю. Была одна семья, где брат брата убил, когда нужно было делить наследство.

В нашей деревне улиц не было. Мы жили на хуторе. Рядом с нами было еще 3 хаты. Две семьи были побогаче, а мы и ещё одни – победнее. Отношения с соседями были нормальные.

У нас в хате не было кухни. Была 1 комната, 4 окна. Была печь, а у некоторых не было даже деревянных полов, только вытоптанная глина. Спали мы на печке, на запечку. Были у нас лавки деревянные и 1 кровать. На кровати спали самые старшие. В комнате стоял стол, табуретки (стульев ни у кого не было), около стен стояли длинные скамейки.

Так особой мебели не было у соседей. Но у них было 2 комнаты и 2 кровати, и была отдельная кухня. Шкафов ни у кого не было.

Признаком достатка являлась земля. Раз земли много – скота много. Овец, коров разводили курей – продавали. Бедные разводили курей – продавали. А евреи покупали курей и вывозили в Пружаны.

Мы покупали в Пружанах товары несъедобные, а одежду, у тех же евреев. Они продавали одежду, съестные лакомства, селёдку. Но мы в основном шили сами. У евреев покупали материалы.

Сами растили кабана и распределяли мясо, чтобы хватало до следующего.

Крупных покупок не делали. Некоторые шили кожухи. Кожух иметь – считалось очень неплохо: те, кто богаче держали овец и из кожи шили. Нижняя одежда была самотканая. Шили всё: пиджаки, штаны. Сеяли лён – пряли – ткали.

Цен уже не помню. Сама ещё ничего не покупала.

Наш доход был от хозяйства, да и отец зарабатывал деньги на цегельне, мама иногда шила за деньги. Услугами банка мы не пользовались. Да, и какой там банк!

За границей редко кто был. Но у отца – Алексея – был отец в Америке на заработках. Год работал, затем вернулся, чтоб забрать семью. Сел у сарая и умер. Отец рассказывал, что задумался, как трудно жить, да и сердце прихватило.

Тогда очень умирали люди. Простывали. Лечить было некому. Было и дорого. Моя бабушка умерла от простуды.

Мы от деревни до деревни и в город не ездили, ходили пешком. И 12 вёрст – это было по силу. В Пружаны ходила с мамой за покупками. В церковь ходили в Пружаны, в деревне не было церкви.

У бедного человека всегда был недостаток в одежде. Летом и до заморозков ходили босиком. Чтоб зимой ходить покупали валенки. Если в церковь шли, то шли босиком, в церковь – одевали, затем снова снимали. Так долго носилась обувь.

Но мама моя была модницей! У неё были туфли на каблуках, гофрированные юбки. Мы носили андараки – это юбки с шерстяной ткани, самотканые. Ткани полосками разноцветными. У мамы было много андарак.

Ели в основном картошку, капусту – что садили. Хлеб пекли сами. К праздникам выпекали пироги (к Пасхе, Рождеству). Мама носила от евреев булочки. Она евреям шила.

Садись за стол утром. В обед – нет. Что-то просто перекусывали, т.к. не было отца, был на работе. А ему с собой давали кусок хлеба и сала. Вечером мы вместе ужинали. Капусту и огурцы солили в бочках. Если было

молоко – это было прекрасно. Иногда ели пустой хлеб. Его выпекали на 2–3 недели. Был чёрствый. Варили затирку из тёмной муки. Яйцо съесть уже считалось лакомством, колбаску съесть пальцем пханую – тоже, даже молоко.

Питание у поляков, русских, белорусов, евреев отличалось. У евреев было всё в достатке, и питались они хорошо. Большим лакомством для детей был леденец.

Люди ходила к евреям с баночками, а те поливали туда бесплатно ляк – рассол из-под селёдки. Дома разводили водой и с хлебом ели.

Отмечали мы Рождество и Пасху, а семейные праздники – нет. Только если свадьбы.

Журналы и газеты мы не выписывали. Об этом даже разговор не был. Люди в основном безграмотные были. Отец ни одного класса не закончил.

Какими были магазины, не помню. Да я и не ходила. Везде ходила мама. Я была старшая и смотрела младших.

К врачам редко обращались люди (только богатые). А бедные не обращались. Поэтому люди умирали. А дети часто умирали. А из прививок помню только 1 – от оспы.

В нашей деревне не было даже школы. Я не ходила в школу при Польше. Школа была в другой деревне. Обучение велось в основном на польском, но и на белорусском языке тоже. В театре и в кино в нашей деревне никто не был. А в учёбе и на работе многие добиться успеха только богатые.

Мы отличались от поляков. Поляки были более интеллигентные. А наши люди деревенские были простые, забытые – люди с грязными руками и ногами.

В нашей деревне поляков почти не было. А вообще, белорусы для поляков были как рабы. И евреев поляки не любили. Евреи относились к полякам отрицательно, а к белорусам положительно.

Моей мамы двоюродный брат входил в организацию против поляков. Проводились собрания, раздавали листовки. А брата за это поляки как-то избивали.

К СССР мы относились положительно. Ждали, что придёт Россия, и мы будем свободными людьми.

Зданевич Анатолий Данилович, 1929 г. р., д. Аркадия Брестского района

Родился я 3 марта 1929 г. в деревне Аркадия, это был тогда Брестский повет. В семье были: я, брат, старшая сестра, еще два брата старше меня (но они заболели и умерли), отец и мать. Жили вместе с

родителями отца в деревянном доме с соломенной крышей, постройки где-то 1914 года. В доме было 2 комнаты и кухня. К дому были пристроены конюшня и сарай для свиней, коров, кур. Во дворе был погреб из блоков, обсыпанный землей, для хранения молока, картошки и др. Во дворе был колодец. Недалеко от дома, метров 30–40, была клуня¹. Был сад небольшой, росли яблони, груши.

Все занимались обработкой земли, в сельском хозяйстве. У отца было 5 десятин² земли, на которой выращивали для собственного потребления рожь, овёс, ячмень, картошку, лён, коноплю, немного пшеницы. Половина земли была пахотная, половина [под] сенокос. У нас было 3 коровы, рабочая лошадь, свиньи, куры. Натуральное хозяйство. Трудились все. В 9–10 лет я уже пахал. Когда была косовица, отец с дедом косили, а мы, дети, сушили сено, гребли его, потом привозили на усадьбу, складывали в клуню.

Самым состоятельным человеком в деревне был мой дядя Василий, у которого было 10 десятин земли. Он мог излишки зерна и др. продукции продавать на рынке. Мой отец также выращивал свиней и какую-то часть вывозил на рынок живым весом. Рынок был недалеко от нашей деревни, в г. Бресте, где сейчас конечная остановка автобуса № 1 за ЦУМом. Там продавали все: свиней, лошадей, коров, гусей, кур и т.д. Деньги необходимы были для уплаты налогов, ну и для приобретения обуви, одежды, кухонного инвентаря; о мебели речи не было.

Еды хватало в достатке. Пища была здоровая: обычно картошка, засмаженная салом; капусты было вдоволь, поэтому с картошкой всегда на столе была капуста. Свиней мы держали столько, чтобы было что продать и на еду себе. После убоя свиньи мясо солили в бочке и выносили в холодное место, в погреб или камору – что у кого было. Молочная продукция была также в достаточном количестве, потому что 3 коровы давали порядка 30 л каждые сутки. Из них в баночках 7–10 л мать носила в г. Брест на продажу интеллигенции г. Бреста. У нее были свои клиенты. Деньги за молоко обычно выплачивали 1 и 15 числа. И получалось, что молоко носили как бы в кредит. Молоко продавалось для пополнения [домашнего] бюджета. На обратном пути мать иногда нам покупала булочки, потому что черный хлеб был в достатке. О конфетах и других сладостях речи не шло, их могли позволить только в большие праздники – Рождество, Пасху. Основная еда – картошка, молоко, кислое молоко, иногда клинковые сыры³, масло сливочное. Очень часто варили суп, борщ, каши. Хлеб пекли сами, для этого были специальные печи, где каждую

¹ Клуныя – отдельно стоящая хозяйственная постройка для хранения сена, соломы и т.д.

² Десятина – мера площади, равная 1,0925 гектара.

³ Клинковый сыр – национальный белорусский продукт – творожный сыр.

неделю мать выпекала 7–10 буханок хлеба, вкус которых запомнился до сегодняшнего дня. Кушали 3 раза в день, обязательно всей семьей.

В деревне дом обычно не закрывали или закрывали примитивным способом – засовками¹. Красть было что, но воришек почти не было. В каждой деревне был сторож, который по ночам обходил деревню с собакой. Сторож нанимался населением ему, платили что-то. В Аркадии был сторож Николай Зданевич. Однажды летом была гроза, лил дождь, и утром прошел слух, что у одного хозяина, Зданевича Ильи, вор, один или двое, в эту грозовую ночь сорвал соломенную крышу и проник в камору², в которой обычно в сундуке хранилась праздничная одежда, какие-то ценности, если были. Камора была так устроена, что войти можно было только с сеней. Воры проникли, забрали из одежды кожушок, платки, покрывало. След вел в сторону Волынки³. Но был большой дождь, следы размыты, и собака следа не взяла. Это был единственный случай на моей памяти.

Сарай не закрывали, даже велосипед оставляли на улице, и никто не смел взять.

Покупали обычно [что-то из] одежды, так как ходили в школу: пальто, сапоги, ботинки, какой-то костюм. В школу – тетради, книги, ранцы и рисунки.

В случае болезни на Волынке была амбулатория, в которой работали фельдшер, врач и, по-моему, медсестра. Они оказывали скорую помощь, лечили. Если сложные операции – возили в Брест. В Бресте больница была, которая сейчас, по-моему, на ул. Ленина. Вот отца оперировали на грыжу в Бресте. Сколько платили, не знаю, но [все] было платное. Медицинская помощь в то время была довольно-таки неплохая. Но люди умирали, как и сейчас умирают.

Была в нашей гмине школа в деревне Гершоны. Школа была деревянная, двухэтажная. В ней учились дети из соседних деревень. На втором этаже жил директор школы Котарба с семьей, [он] был очень строг, но справедлив, по-моему мнению. Также жила учительница Анеля. Преподавание велось на польском языке. Я окончил 3 класса польской школы. За этот период меня научили хорошо писать по-польски, читать, и я даже участвовал в самодеятельности. В школе было, по-моему, 3 помещения, 2 из которых были перегорожены стенкой, которая разбиралась в случае проведения каких-либо мероприятий. В школе было устроено так, что можно было устанавливать сцену и проводить мероприятия типа концертов. Во 2-м классе я был участником концерта,

¹ Засовка – задвижка.

² Камора – кладовка.

³ Волынка – предместье г. Бреста.

рассказывал стихи и пел песенки. Одежду для этого мероприятия я одолжил у своего друга Троцюка Николая Спиридоновича, у которого в то время была сшита новая гимнастерка и брюки. Я очень волновался, но, по рассказам, выступил хорошо.

В моей жизни в школе были случаи, когда за непослушание применялось физическое воздействие. Выражалось оно так: «Давай лапу!» (лапа – рука, нужно было вытянуть руку ладонью вверх), и Котарба или учитель по руке линейкой били. Так как школа была небольшая, то [на] занятия ходили в две смены. О строгости в школе считаю, что директором Катарбой делалось все, чтобы шалости учеников были в пределах нормы. Был такой случай, когда мы на перемене выскочили с территории школы посмотреть «тарактунку» (трехколесный мотоцикл), на котором ехал пан или сын пана. Это было небезопасно, и директор Котарба снял ремень и всех, кто выбежал за ограду школы, стеганул ремнем. После чего мы бежали домой и в школе не появлялись. Когда сумку с книгами принес домой соседский друг, то я от родителей получил ремнем вдобавок, так как ничего им не сказал.

Одним из наказаний в школе был вызов в канцелярию и во время перемены должны были стоять в канцелярии, а не гулять на улице.

Отопление было печное, но в школе было тепло.

Школа просуществовала до 1941 г., примерно в 1941–42 гг. партизаны ее сожгли. На этом месте в д. Гершоны сейчас построен магазин.

Были в школе одаренные ученики, их отбирали и направляли после 7-го класса в Брест в гимназию. Из д. Аркадия в гимназию была направлена Зданевич Мария, которая и в советское время учила учеников в школе в д. Митьки. В нашем районе, на Волынке, была построена в 1935 г. школа, которая на тот момент была на высоком уровне. В ней в послевоенное время учился я, мои дети и мои внуки. И по сей день эта школа функционирует.

Общение между учениками было на родном языке – похожий на украинский местный диалект. А на уроках говорили по-польски.

Польский язык помню до сих пор, свободно могу читать, писать, а разговариваю уже плохо.

Один раз [нас] водили в костел (который находится на ул. Ленина), и мы удивились, что в костеле можно было сидеть и сидя молиться.

У нас были знакомые поляки. Моя тетя вышла замуж за поляка. Он был офицером польской армии, и они очень богато жили. Служил он в разных районах: в Пинске, потом в Бресте, Варшаве, и она ездила с ним.

Я знаю, что был период, когда присылали поляков-колонистов, было ополячивание местного населения. Как пример, на Волынке было построено 3 барака, в которых поселились колонисты-поляки.

Существенного влияния они не оказали, потому что православная вера была непреклонна. В церковь ходили все, и в воскресный день практически никто не работал, за исключением ухода за домашними животными, а полевые и другие работы не проводились. Церковь была в районе Гершон, она до настоящего времени действует.

Наездом бывали цыгане, приезжали табором. Мы их опасались, так как они могли, что плохо лежит, «конфисковать». Мы очень оберегали лошадей, и все же у моего отца увели лошадь. Но спустя 3 года дед опознал свою лошадь на рынке в Бресте и заявил в полицейский участок о факте кражи лошади. Но хозяин этой лошади был не цыган, а человек, купивший ее. На каждую лошадь составлялся паспорт, в который заносились ее возраст, масть, состояние зубов, различные приметы. По этим признакам дед и опознал свою лошадь, но у этого хозяина был уже сделан новый паспорт с теми же признаками. И когда было дознание, лошадь запрягли в телегу и пустили по ул. Московской (соврем.) в сторону крепости. Лошадь привела к дому отца, но не остановилась во дворе, а пошла на луг, где ее часто пасли. Этот факт власти посчитали недостаточным и лошадь нам не вернули. Но у отца уже была другая лошадь. Лошадь стоила очень дорого, примерно от 150 до 200 злотых. Это была огромная сумма денег. Корова стоила где-то 100 злотых. У отца был велосипед, он стоил около 100 злотых.

Было много знакомых [евреев], особенно у деда. Это были Янкель, который жил на Волынке, Мойша, Лепко, с которым дед и отец очень хорошо жили, но которые каждую минуту старались на копейку, на грош, на два обсчитать, если у них что-то покупаешь. Они держали магазин и продавали все: и селедку, и керосин, и пряники, и другие промышленные и продовольственные товары в одном месте. Дед очень часто покупал у них табак. Обычно, так как денег было мало, половину пачки, которая разрезалась и продавалась. Могли даже продать четверть пачки. Изредка дед покупал у них селедку. Помню случай, когда дед купил селедку подпорченную, но очень вкусную. Называлась она шмальцувка¹. К картошке дед очень часто приносил фляки² и рассол от селедки из бочки, который был очень вкусный и пах селедкой. Его давали деду бесплатно.

Продажа была организована так, что бочка с селедкой стояла недалеко от бочки с керосином, и хозяин этой лавки черпал керосин, а следом, вытерев руки о фартук, доставал селедку. Но никто не отравился от этого.

Это все было на Волынке. Если ехать из города с правой стороны от водоема возле котельной, и до порохового склада все было застроено

¹ Шмальцувка – возможно, от слова «шмальц» – жирная (в данном случае – селедка.)

² Фляки – блюдо из говяжьего рубца с овощами.

еврейским поселением. Здесь было очень много лавок, были швеи, сапожники, кузнецы, мастерские по ремонту велосипедов, млын (мельница), пекарня, синагога и корчма.

В 1939 г. на Волынке, уже в русской школе, учились евреи. Особенно помню дочку Менделя. Мы сидели рядом. Она хорошо училась. Как-то пригласила она меня к себе домой. По сравнению с настоящим временем [все] жили бедно, в том числе и евреи. Но отложилось в памяти, что у них была спальня, 2 комнаты, где они жили. Была кровать, шириной метра 4, полная перин, все кувырком; непонятно, какой запах (они очень любили чеснок). Но это были хорошие люди.

Кальковский Леонид Алексеевич, 1925 г. р., д. Утес Барановичского района

Родился я в деревне Утес, там прошло и детство, и юность, хотя о своем детстве я помню мало. В город переехали (в Барановичи) уже позже. Деревня Утес была небольшой, дворов 16–17. Жили дружно, небогато, но и не бедно.

Отец мой был хорошим плотником, умел и дом поставить, и воз смастерить. Всей деревне он делал. От своего отца, моего деда, научился класть печи из «кафли» (своеобразные глиняные кирпичи). Теперь такие уже не строят, а в деревне они еще остались.

Мать моя, Барбара Никитична, занималась домашним хозяйством. Прибиралась, готовила, скотину глядела. Дед хозяйственный был и мастеровитый, но его я не видел, он с гражданской войны не вернулся, как и мой отец со Второй мировой. О материных родственниках не помню ничего. Но знал ее сестру, мою тетку. Она с нами в деревне жила, а в войну ее скорее всего расстреляли.

Деревня была у нас небольшая, все друг друга знали и дружили. Соседи мои, как и все в деревне были простыми крестьянами. Занимались кто чем, сейчас я уже не вспомню. Вот помню с детства, соседка моя «цетка» Яна булки вкусные пекла.

Ну, а знакомые у меня какие тогда были: три моих старших брата, да такие как я сам.

Дружили мы семьями, ну редко кто бывал далеко за деревней, а так у кого родные в соседней деревне, то, конечно, общались, да и до города было недалеко, а теперь так вообще не далее как через пару огородов.

Земли у всех в деревне было поровну, и трудились на ней все. Никто у нас так не выделялся, и дети у всех босиком бегали. Не сказал бы, что и бедно жили. Хватало.

«Мерседесов» у нас не было. Даже не знаю. [Ценностью была] скотина, хотя и тут особо никто не выделялся.

Тогда и галота [была]. Ходили по деревням, где что сделают, да их накормят. А так, тот, кто не хотел работать, тот и бродил. Кто работал, не ленился, того уважали.

За что уважали, я уже говорил. Боялись... Я даже не знаю, войны боялись, она пришла. Дармоедов не любили. Какой-то страх у родителей и к полиции был.

[Покупок делали мало]. То, что надо, делали сами. Может, кто в город ездил и там что и покупал. Но я вот что-то ничего сейчас и не припомню. А из крупных покупок – ну разве что телушку да быка, ну и все, да и то не каждый год.

[За границу на заработки никто не ездил] Насколько я помню. Одна семья, когда я малый был еще, уехала в Тулу или куда-то туда.

Читали мало. Перед воссоединением в СССР была какая-то там газета, то ли листовка подпольная большевистская. У учителя нашего было много всяких толстых книг на польском, и газеты были, может он и выписывал их, а больше никто. Я не знаю.

[Нас мало что интересовало] Да ничего! Что мы много газет читали?!

[Магазинов, лавок] у нас в деревне их точно не было. В городе были, сам знаю. Был я с теткой как-то в городе. В пекарне у нее там кто-то знакомый был. Были и парикмахерские, но мы туда не ходили. Да и хлеб все пекли сами, слава Богу.

[Болели]. Если [болезнь] ерундовая, то на ногах переносили и все... А так к кому? К матери, тетке. К кому-то со взрослых. В город мы не ходили лечиться, баба Нюра лечила и всех ставила на ноги ежели что серьезное.

В нашей деревне школ не было, в соседней деревне Узначи была польская школа. Правда, учитель жил не в ней, а как бы особняком, рядом. Почему, не знаю.

[К ученикам относился] хорошо. Строгий был, но бил по делу. Если отец узнавал, что он ругал, то перепадало больше.

Нас вряд ли можно было научить польскому, но учитель то и дело учил нас польским словам. Так что учились на местечковом, как теперь говорят «трасянка».

[Польский помню] плохо! Но окрестить словцом каким смогу. [Читаю] кое-как, а кое-что и написать смогу. Но по телевидению почти все понимаю. [В школе] должны были говорить на польском. Но строго не ругали. По-украински я не умел и не умею говорить. А по-белорусски и русски само как-то пришло.

Жили [у нас и поляки]. Я и сам наполовину поляк. Мама моя полька. Отец вроде местный, но фамилия... Да и у нас в деревне, и в соседних были. Хотя кто его знает кто поляк, а кто нет.

[Они] слабо отличались [от нас]. Некоторые, правда, говорили по-польски. Мама знала польский, но не говорила. А так такие же, как все. [К другим национальностям они относились] нормально, ну так иногда с «фанабэрливасцю».

Ссоры были, сами грызлись, так чтобы уже серьезно не было. Так, по дури. Ничего серьезного. Ругались не потому что поляки или белорусы, а так как все люди. [Но при Польше] лучше было полякам! А кому хуже, тут так и не скажешь.

[Об СССР] знали немного, но того, что знали, хватало, чтобы отпугнуть от объединения. Боялись мы чего-то, да и не зря. Родители побаивались, да и все у нас также.

[Планов особенных в 1930-е гг. не было]. Сейчас об этом тяжело говорить, да и не помнится многое. Вроде никаких. Была лишь какая-то тревога. Тревога на счет перемен, что ли.

*Качан (Хмара) Ольга Григорьевна¹, 1923 г. р., д. Большая Горошковка
Каменецкого района*

У нас была [большая] семья: одна сестра и два брата, четверо. [Родители] як сказаты, на зэмлі робылы, хозяйство було и робылы на зэмлі. Ну, орали, садили, пахали, збирали, ну так хозяйство було. Была лошадь, было 2 коровы, свини, овечки, було, как у каждого хозяина. Всё сажали: гречку, пшено, картошку, овёс, ячмень, жито, горох. Сами всё обрабатывали, сами всё делали, всё сами, так як и все люди. И лён сажали, и конопля были.

[В селе нашем], наверно, домов 20 [было], в Большой Горошковке. В каждом доме много семей было. И по четверо детей, и по пятеро, и по двое, и по сэмеро у воднэй семьи, чи в двух. Сэло небольшое, а детей у нас мниго.

Был [в селе] сапожник, ремеслом займався, еврей був, семья еврея была, Лейзар и Малка, у их было пятеро чи шестеро детей. Фамилии не знаю. А детей у их пятеро було: Ханка, Зэльман, Шэйна, Кисыль, о такие все имена были. Мы разам игралися. Такая они были, як мы вси.

Староста был солтус, як бы хозяин всий деревни.

[Аптек, магазинов] не было.

Всё свое было. Ездили такие, як казали шэ колись: онучник² идэ. Собирали такія лахи³. Он куплял. То всё от жидов зависило, от евреев потому что вони привезут там: то мыло было такое хозяйственное, шо покупали, то курочку купит, то яичко у нас забирали у хозяйки. Было у

¹ Интервью записано на диалекте.

² Онучник – оборванец .

³ Лахи – тряпье.

каждого хозяйство и у каждого всёго хватало. Хлеб сами делали, крупа вся, мука вся была своя, ткали сами, и жорна были свои, делали муку, крупу робыли, всё сами робыли.

Церкви у нас не было. Церковь была на Белой, и посторунок (полицейский) на Билой был. А больше ничего не было: ни школ, ни магазинов, только приезжали онучники что-то забирали, что-то перекупали.

[Деревня наша старая была]. Давно, давно, давнийшэ моя бабушка покойна, всё в тую войну (Первую мировую) жила, то мне рассказывали, тогда вже моя мама была бульшая, и было у бабушки сэмэро детей или восэмэро, и стала тая война и в тую войну, я не знаю хто, я не помню як, шо их вывозили с Горошковки чи то у Слоним, чи в Картуз-Берёзу завезли.

[Деревня] осталась и пережила войну. И туда их завезли всех, мне так рассказывали, и там все разместилися, много, много вэльми людэй стало, туда постягали, бо хто-то наступал. А хто наступал, то я не знаю. И там як то каже, мне говорили до их прыихалы начальство до их, паны вэлькие, там якось кинули бомбу, троху людэй побили. И рассказали шо молодёжь, можете йихаты у Россию дальше, а остальные як хочатэ. Возвращайтэсь, но над вами будэ вэльми насмешка, рассказывали. И девушкам будут грудь одниматы и тое-сёе. Ну, то моя мама, сестра мамина, котора вжо була взрослаи, шэ там двоюродны брат, Дмэтёр звався, и воны уехали в Россию. А бабуля со своими малыми детьми вернулася домой в деревню и там осталася. И уже тая деревня Горошковка и Горошковка.

[В школу куда ходили] на Белую, мне вже було... Сестра в Белую пошла в школу, за ею я должна ийти в школу. Обуви не было, одежки хорошеи не было, а ходыты трэба було далэко. То мни трэба було ийти в школу, алэ мэнэ не пустылы в школу, хоть я и втикла була, алэ мэнэ нагнали, звязали, и до дому привэзли. До столба привязали пока тыя одышли диты, и мама мэнэ привела да дому, и я цилы дэнь сыдыла на печи. Я пока в школу ийти, то я первы класс усё изучыла, я прышла в первы класс, мне не было чаго робыты. И тоды вжэ на други год, вжэ як там прыбрали, и я вжэ пошла на Билу в школу. Я первы класс ходыла на Белу в школу пешком, с сестрой Верою, компания была большая. Все ходылы в начальну школу. На Горошковцы Серёжа Петрушин, то шэ ж воны и ходылы, килько мы тут сосну и гэтые липы садыли, это свенто лясо было. И было в школе гэтые 4 классы. А потом вжэ нас одняли и начали строиты гэтую вэльку школу. [Там] где подмурок. Там где сейчас конюшня. Да, тож там подмурок, тож там школа була двухэтажная.

[Начальная школа на Белой была]. [Там], дэ Галэнька жыве, тэи хаты. Где сейчас пански маэнтак. А учитель был Марчук Иван Иосипавич, все науки нас учил. На польском.

[Я] там убэрала, то Галенька убэрала, бо она на кухне жили и комнатка там була. Одцюль булы двэры, одцюля мы входылы в школу, а воны там жили. И тоды вже и я год походыла на Билу, а уже на Горошковке той малой открыли школу. Там якись дом був, хозяйка тая куда-то выбралась и тот дом отдала пад школу. И туда мы вси ходылы учиться: одно Горошковка, вторая Горошковка и (Мисёнки).

В войну немцы школу спалыли, цэркву спалыли. Я закончила 4 класса. Мне надо было закончиты 4 класса, а там можаш або далэй поступаты або можаш буты дома.

Я нэ знаю, чи можэ сюди на Билу [поступать в школу] чи можа дэ шэ. Юзя колысь рассказывал, покойны, то он учывся в Билой Вижы и Панько Володя. То воны вучылыся в Билой Вижы, там гдэ тэпэрэчко Польша. Тагда у нас була гмина Била Вежа, повяд Бельск-Подляшски, воеводство Белостоцке. Мы до Каменця не касалысь. И туды в Билу Вижу вси почтальоны ходылы, йиздылы за почтаю як шо, бо тутэка ныц нэ було, до Каменца ништо дела нэ мив, там одные булы евреи. Я там ны була, алэ казалы, шо там такія магазины булы еврейские. А уже в Абрамове я трошки помню, там хат больш было и там була такая машина, шо чэсала воунуей, шэрсть чэсали.

[Она была] у какого-то там еврея. И там была того чухарня¹, и туда ездили, брали свое семена льняныя и ездили, там у яго була такая спецыяльна машина и аджимали масло. Нас мама брала в Абрамово, бо ту воуну трэбо було рваты, то нас мама и брала. Тоды поили, почэсали, и тоды вжэ: «Ну што, селёдку можа будэтэ кушать?». У их була такая селёдка, мы вжэ там поили. [Платили хозяину]. Я не знаю, я не помню, можэ продуктами, можэ деньгами. Злотые булы.

[К евреям в деревне относились] нормально, хорошо.

[Если болели, то шли к знахарям]. Тогда много таких було. Ворожбеи. Алэ на Горошковке их нэ було. Алэ по улицы ходыли то нарывы булы всякия на ступнях, ну, то мы ходылы да Липчиной бабули, вона вэльми була такая, нарыв иголкой проткнула, выдушила, выдушила, рукою помазала, потрэ, брала белую сажу (известь) и мазала. Глинька² була. Жиды, евреи прывозили, мы купляли.

Какое тогда было леченне! У Каменюках был фельдшер. Алэ ништо не ездил, далэко, машин нэ було. Только своя лошадь була, своя повозка и всё. Лечились сами.

Бабы-повитухи булы. Бабушки были спецыяльны, ну вжэ принимали роды. Говорили, что приведите там бабулю. Но тогда можна так по правде сказаты, мниго людэй тогда умирало от родов.

¹ Чухарня – шерстечесальня.

² Глинька – возможно, имеются в виду глиняные горшки, посуда.

[Приходили в деревню цыгане]. Приходить то приходили, а жить не жили. Ну якое йидуть повозкою, буда такая зроблена. Были они ну як и сейчас чёрныя, одеты так само в длинных широких таких юбках, много детей было.

[Относились к ним] не особо, бо казали, цыгани то крадут всё, прыехали и поихали далей. Продукты просыли.

[Браков межнациональных] не было. Свои брали своих.

Лучше всего было жить, конечно, полякам, потому что була польска. Як то вони спывали: «Кому не есть, а всех полякам Боге рай».

В церковь ходили, очень ходили, молодёжь вся, там знакомились, под цэркваю.

[Некоторые ездили за границу на заработки]. Я нэ знаю, як вам обьясныты. У мойго таты була сестра на Горошковке, моя родна тётка, звали Наталка. Они жили зажиточно, потому что у их было много земли и у их было семеро детей. У тётки тэи, семь сынов. Они брали да себя рабочих. Их самы старшы звався Костя поехал у Бразилию. А якое то время було? Марчуковы поихалы у Бразилию, Паньки поихали в Бразилию. Мои братья булы шэ малыя, а родителям не хватало сылы, капиталу каб поихать гуда. Они все тут были. Папа мой з Мщанок, а мама з Горошковки. Папа прыйшов до мамы, и там того была земля папина, четвертуха, и оны тутка побралися, и папа построил всё сам, своими руками и никуды ни йихалы.

Я вам скажу, в нашей деревне обули гэты евреи, кузнец той, то вони с нами, мы з ими, вони з нами, то як одна. Крепко дружили. Мы были одна компания. Даже тая сама старша Ханка звалася, то она и на музыки ходыла з дивчатами танцовали, она такая красива була, даже не похожа на еврейку. В хати собыралыся, на гармони Генчин папка играл. В воскресенье, музыки делали, на танцы ходили и не различались.

[В гостях у них] бывали. Они до нас ходили, мы да их приходили. Ну, трошку отличалось ихни. [Дома] у их большого порядку не было такого, потому что сэмья вэлыка.

Була [у них] корова такая, як и у всех, а свиней не держали, потому шо свиней они не кушают. Куры были. Они так во с краю жили. Они не любили большое хозяйство. Ремеслом займалыся. Ён был кузнец, уёго булы большие доходы. А она детей гадала.

[Сейчас на Горшковке осталось] очень мало, мало людей, а евреев никого, никого, потому что одного сына, Ёсей звався, тогда немцы забрали, завэли за Мщанки и забыли. А остальные я не знаю, куда вони дэлися. Оны их уничтожили.

Кетько (Березовская) Нина Яковлевна, 1933 г. р., г. Давид-Городок Столинского района

Я родилась в Давид-Городке. В нашем местечке было 5 православных церквей, 6 синагог и один католический костел. Был также большой мост через реку, кожевенный завод (мяли кожу), магистрат, бойня, много было скота. На окраине располагалась больница. Пан Масловский имел много земли, где сажали много помидоров. Их отправляли в Пинск, затем в Варшаву. Торговали. В речке было много рыбы. Вода очень чистая, прозрачная. Рыбу ловили очень многие. Река Горынь впадала в Припять. Была судоверфь, где делали баржи, суда. Судоверфью заведовал еврей Моха. Платил за это деньги. Баржи отправляли в Киев. У него было еще три мельницы. В местечке проживало около 10 тыс. евреев¹, которые составляли большинство населения. Жили также «русские», под которыми понимали белорусов, русских, украинцев. Проживало немного цыган, которые жили в палатках. Но они надолго не задерживались. В нашей семье было трое детей (сестер). Отца звали Яков. Мать – Наталья. Старшую сестру звали Анна. Другую мою сестру звали Надя. Я была младшей. Отец делал возы. Брал колесо, которое было из дуба или граба, обивал его железом (шина), а затем вставлял в него спицы из граба. Мать занималась хозяйством. Была электровня², которая вырабатывала ток. Работала на воде. Была интеллигенция. Так как рядом находилась граница, то в нашем местечке были польские войска. Они жили в казармах (кашары по польски). Район, где находились казармы, назывался Мельники. Там был духовой военный оркестр. Польские офицеры забирали в Польшу красивых девушек, на которых женились. Сестра Надя закончила семь начальных классов на золотую медаль. Ей предлагали учиться в Польше за государственный счет. Но отец не разрешил, так как нужно было помогать матери по хозяйству. В основном люди занимались сельским хозяйством. Средний двор имел четыре коровы, два коня, десяток кур, двое свиней и так далее. Помимо двора у каждой семьи имелись свои пастбища. Жили богато. Наиболее уважаемый и зажиточный человек назывался «хозяин». Он имел свой магазин, много скота. Бил скот и продавал мясо. Недалеко от нас жила семья Летунов и Бондарев. Они скупали кабанчиков, выращивали их и продавали. Они держали наемных рабочих. Жены зажиточных людей были высокомерные. Они говорили, что нужно сделать две дороги: для бедных и для богатых. Головач – семья «хозяина» – жили очень богато. В их доме затем сделали банк. Но если кто-нибудь оказывался в затруднительном положении, то

¹ Все население Давид-Городка насчитывало около 10 000 человек (по данным на 1921 г.) Из них евреев – около 3 тыс. чел. (28,7%)

² Электровня (польск.) – электростанция.

ему помогали. Улица, где мы проживали называлась Набережная, а при Польше – Иоанна III. Дом находился возле речки. Поляки не разрешали возле речки стирать, так как в ней чистая вода. Берега речки укрепляли. Плели «хворосты», которыми обкладывали берега. Бедными никого не считали, потому что все работали. Люди друг другу помогали, никогда не завидовали. Богатый помогал тем, кто имел проблемы, давал деньги. Все люди жили очень дружно. Среди знакомых нашей семьи был фотограф Зубей. Он был мастером фотографии. У него была своя фирма. Люди на фотографиях получались как живые. Бумага была плотная, хорошего качества.

Наш дом был большой. Было 4 комнаты. У отца была мастерская. Часто отец работал по ночам дома. Из мебели в доме были стол, табуреты, кушетки (деревянные), комоды (туда складывалась одежда). Некоторые соседи жили лучше потому, что имели больше земли. В нашей местности признаком богатства считалась земля, домашний скот, одежда, возможность нанимать прислугу. Другие жили лучше потому, что могли продавать молодняк, яйца. У них было больше хозяйство. Богатые имели лучшую одежду. Также имели не простые возы, а красивые брички. Кони украшались цветами. Богатые носили кожаные сюртуки, валенки обитые кожей. Имели трости, шапки из привозных северных мехов. Они были дорогие, привозились зимой. Шапки были из соболя. Кто победнее - носил свитер, лапти из лозы, а также кожухи. У богатых была прислуга. Хорошо одевались. Им много платили. Служанка почти не отличалась в одежде от хозяйки.

Наша семья жила достаточно хорошо. Покупали все в магазинах. Приходили двухэтажные пароходы и привозили товары. Балаголы¹ – евреи, которые доставляли товары в магазины. Были шелка, различные материалы, натуральная кожа. Привозили много обуви. Мы покупали по традиции новую одежду подороже. Хутерка – куртка. Богатые же ходили в пальто. Доход семьи составлял заработок отца и ведение хозяйства. Жили за счет хозяйства, а деньги собирали на приданое. При женитьбе давали три коровы, три загона² земли (первый – для посева проса и т.д.). Отец копил деньги для того, чтобы купить землю. Злотые были из чистого серебра. Цены были низкие. Покупали лишь керосин, спички. Корова стоила примерно 150–200 злотых, конь – до 300 злотых, сапоги – 8–10 злотых.

Многие люди уезжали в Аргентину, Канаду на заработки. Уезжали в основном на два, три года. Некоторые там оставались. Никогда в другие городки не выезжали потому, что все необходимое было здесь.

---

¹ Балагол – грузчик.

² Загон – участок земли.

Питались три раза в день, иногда четыре раза в день. Полунование – когда кушали между обедом и вечером. Кушали соленые огурцы, капусту квашенную из деревянных бочек. Бондари – ремесленники, которые делали бочки. Было много ремесленников. Колосовский Антон – мастер, учил отца. Пленный еще с Первой мировой войны. Строил здесь казармы. По национальности австриец. Здесь женился и остался жить. Повседневно кушали картошку, бураки, тыкву. Лакомством считались пироги. Евреи жили богато. В субботу у них праздник. В этот день они ничего не делали. Просили меня и других детей, чтобы мы зажигали и гасили свечи в их доме. По праздникам евреи пекли булку – халу¹. Также пекли блины с маслом. Кушали пшеничную кашу, колбасы. Это же кушали и мы. В гости мы практически не ходили. Праздники отмечали только церковные, иногда дни рождения, практически всегда в кругу семьи.

Была больница. Врач один – Марейко (фамилия). Лечил все болезни. Но если нужна была операция, то везли в Пинск. Зубной врач был еврей Эдаль. Лечение было платное. Детям обязательно давали прививку от оспы, когда им исполнялся один год.

Было две польские школы. Обучение велось на польском языке. Если ученик провинился, то по руке били линейкой. Были также школы для евреев. Но для девушек отдельные школы. Школище – район, где жили в основном евреи. Он называется так потому, что там находились еврейские школы. Так как я была еще маленькой, то польский язык не запомнила. Ученики в школе, как мне рассказывала сестра, общались по-польски в присутствии учителя, а между собой по-русски. Отношения между учениками разных национальностей были хорошими, потому что не разграничивали, не делили их по этому признаку.

Существовала польская полиция. Были случаи, когда устраивались драки. Полиция следила за порядком. Наша семья с полицией не имела дела и не обращалась в нее.

В нашем городке был цирк и кино. В также школы для евреев. Но для девушек отдельные школы. Школище – район, где жили в основном евреи. Была в цирке. Кубусь – клоун по-польски. Мне очень понравилось в цирке.

У белорусов были возможности добиться успехов в работе, учебе. Моя сестра закончила школу с золотой медалью. Ей предлагали учиться в Варшаве за государственный счет. Образование в польских школах было хорошим. В школах учили этикету.

Поляки в основном в нашем местечке были военными. Жены их не работали (кабеты). Поляки были вежливые, честные, всегда за все платили. Сначала поляки жили на квартирах у местных жителей. Платили много

¹ Хала – сдобная булка, выпекавшаяся на еврейские праздники.

денег. Хозяева квартир через некоторое время могли купить за эти деньги еще одну квартиру. Поляки были очень «гонимые».

Врагов среди евреев у нас не было. К «русским» они относились хорошо. Барух – еврей, был другом семьи, квартальным – разносил квитанции, собирал налоги. Одежда была одинаковой. У них были черные глаза, черные крученые волосы, нос с горбинкой и белый цвет лица. Были хитрые. Евреи старались работать в магазинах или какими-нибудь начальниками. На простой работе их не было. Между собой они были дружные. С «русскими» также дружили. Всегда избегали драк. Они устраивали своих родственников на хорошую работу, помогали им.

Было много случаев межнациональных браков. Моя двоюродная семья вышла замуж за еврея. Были также браки между «русскими» и поляками. К таким бракам относились нормально.

Различие между Польшей и «кресами восточными» заключалось в том, что вера здесь православная в большинстве и подчинялась московскому патриарху. Также здесь были униаты.

Население плохо относилось к Советскому Союзу. Людей из Советского Союза считали голодранцами. Многие из Советского Союза переплывали Припять, особенно когда шел дождь. В этот момент из-за шума не было слышно, как они плыли. Эти люди рассказывали о том, как живут в СССР. Здесь эти люди нанимались работать.

Кивачук Вера Ивановна, 1928 г.р., д. Хотислав Малоритский района

Я помню польское время. Мне было 10–11 лет. Я жила в деревне Хотислав. Так как мать умерла, меня забрала к себе крестная, а родилась я в д. Отчино Малоритского района и жила там до 6 лет.

У кого была земля, те жили неплохо, а кто ее не имел – жили бедно, голодали. У нас был небольшой участок земли, мы работали на нем.

У нас были и бедные, и богатые соседи. К примеру, Ключики жили неплохо, в достатке, у них было много земли, 10 коров.

Мы жили средне. Земли было не много, держали 3 коровы.

Мы общались с Ключиками, они были хорошими людьми.

Еще по соседству жил бедный дядька Даниил. У него было много детей. Общались все на равных.

Жили неплохо, одежда была самодельная, сами шили, покупали мало. Хлеб был свой, в основном работали постоянно на поле.

На базаре покупали коров, коней. У нас был свой ячмень, сало, просо, молоко, кутья, так что из еды почти ничего не покупали.

До войны купили корову, коня, воз. Когда приходилось покупать одежду, то мы ее приобретали в г. Малорите в лавках евреев. За границу никто не ездил. Ездили только когда надо было в Малориту и в г. Шацк.

В других деревнях жили похоже, например в д. Олуш. В основном кто имел землю, тот жил в достатке. Сажали лен, из него делали потом рубашки, сорочки.

У нас в селе находилась лавка поляка, евреи продавали хлеб.

В случаях болезни к докторам обращались в Малориту, но только те, у кого были деньги, так как лечение стоило дорого. Многие лечили себя сами (водными процедурами, зельями).

Я не помню никаких газет, так как я их вообще не видела. Те, кто ходил в польскую школу, те выписывали и читали. Меня не пустили в школу, и я была неграмотная, как и большинство жителей деревни.

У нас в деревне была одна деревянная школа. Обучение велось в основном на польском языке. Учителя относились к ученикам неплохо, но кто их не слушал, ставили в угол на колени на гречку.

Я в школу не ходила, польский язык знаю слабо, но, как я слышала, в школе была дисциплина, и все старались учиться. Ученики общались между собой дружно, но если случались драки, их быстро разнимали и успокаивали. Польские дети учились в Малорите. У нас в школе было 2 мальчика еврея, дети не враждовали с ними, вместе играли и учились. Меня в школу не пустили, говорили, что школа не кормит. Я слабо умею писать и читать. Пишу только на русском.

В те годы занималась в основном ткачеством. Поляки, которые проживали в деревне, одевались хорошо, покупали себе костюмы, платья, в отличие от белорусов, которые носили в основном самодельную одежду. Общались со всеми на равных. Поляки жили около своей лавки (торговали селедкой, сахаром и другими продуктами).

Евреев проживала только одна семья. Занимались земледелием. Брали землю у священника, обрабатывали ее, сеяли, затем урожай делили пополам.

Одевались тоже аккуратнее, чем белорусы, но хуже чем поляки. Держали свою лавку (товары для нее приобретали в Варшаве). Жили дружно.

Женились только на жителях своей национальности. Межнациональных браков не было. В гостях у поляков и евреев мне быть не приходилось.

Русские появились только во время войны, до войны их не было.

Ссоры в основном происходили по вине белорусов, потому что они могли что-нибудь своровать у поляков, евреев, но в основном жили мирно.

Поляки любили торговать (на земле не работали). Евреи тоже не любили работать. Белорусы обрабатывали землю.

Мечты, как таковой у нас не было, переезжать не собирались, учиться не пускали, работали все.

Кирилюк (Тур) Ольга Николаевна, 1925 г.р., д. Войская Каменецкого района

Наша деревня находится недалеко от города Каменца. С давних времен она называется Войская. В польский период в этой деревне жили и белорусы, и поляки. Но местное население деревни большей частью было белорусским. В основном все поляки жили в соседней деревне, в деревне Перковичи. Это была привилегированная часть поляков. Они были наделены плодородными землями. Они высокомерно относились к местному населению. Никакого высокомерного отношения к местному населению в нашей деревне не было. Мы жили и трудились все вместе. Не было и никаких и межнациональных столкновений. Вместе с нами жила и одна еврейская семья. Глава семьи работал в деревне кузнецом.

В деревне было две школы. В них дети получали шесть классов образования, хотя и учились семь лет. Обучение велось на польском языке. Учились все, кто имел желание. Белорусы и поляки учились вместе. Учителями были поляки. Обучение было бесплатное. Школы посещал священник. В каждом классе один раз в неделю преподавался «Закон Божий». Каждый урок начинался с молитвы, и учебный день заканчивался молитвой. Учителя водили всех школьников к исповеди. Белорусских детей водили в нашу церковь, а польских детей возили в костел города Каменец. Для учащихся была единая форма одежды.

Что существует такое государство, как Советский Союз, мы знали. Откуда пришла эта информация, я не знаю. Что в Советской Беларуси проводится коллективизация, мы тоже знали. Информацию о Советском Союзе и о Советской Беларуси мы получали от пропагандистов. Ими были дочери еврея-кузнеца. Дождались советской власти только Пакнер Бэйла и Пакнер Иосиф. Других информаторов у нас не было. У нас в деревне даже радио было.

Поляки, белорусы, евреи в нашей деревне жили дружно. Каждый работал на своем хозяйстве. Некоторые ходили в заработки к панам Бельчинскому и Богусловскому. От этих панов мы учились жить и работать.

Из г. Высокое и г. Каменец к нам в деревню приезжали торговцы. Они приезжали на повозках. Торговали и одеждой, и продуктами. Торговцы в основном были евреи. Приезжали также ремесленники. Они брали от населения заказы на изготовление сбруи, телег. Эти ремесленные навыки евреев перенимались местным населением.

Политических партий и молодежных организаций в нашей местности не было. Но наши родители рассказывали, что подпольные коммунистические организации были в городе Каменец. Участники этой организации проводили агитацию среди населения за воссоединение с

Советской Беларусью. Они рассказывали о том, как живут простые люди в Советской Беларуси, призывали не платить налоги польским властям, подниматься на борьбу с оккупантами.

Киричук Петр Тихонович, 1924 г. р., г. Брест

Родители были крестьянами. Держали в аренду церковную землю. На подработки ходили к полякам или в город. Самой распространённой подработкой было: попилка дров; мужчины обвязывали вокруг себя пилу и с ней шли в город искали работу и за то получали мизерные деньги. Постоянную работу найти было невозможно т.к. самые вакантные места занимали поляки, а в области ремесла и торговли евреи. Состоятельных людей было очень мало, особенно из белорусов или русских. Так, самым зажиточным считался тот, у кого было хозяйство, а особенно лошадь т.к. она являлась основной рабочей силой. А в основном к зажиточным относились поляки.

Жилищные условия были плохими.

Дома в основном у всех состояли из веранды и одной большой комнаты, где находилась печь, лавки (кары) – 1 большая, 1 маленькая на которых сидели и спали. Спали на сене, которое было запихано в наволочки; стоял также сундук для одежды. В основном мебель производили сами. Окна же не были двойными, летом с ними было тепло, а зимой холодно и поэтому они были небольшие; В морозы щели окон запихивали тряпками, а на низ ставили бутылку, чтоб стекала вода.

Питались 3 раза в день. Основной едой была картошка, борщ с капусты (т.к. капуста сохранялась дольше всех продуктов), солёные огурцы, квас, хлеб, который в основном пекли сами. Мясо и сало старались держать засоленным всю зиму, и весной и летом брать с собой на поле. По праздникам стол был более богатым, старались на него выложить всё, что было в доме.

Дома же света не было, ложились спать рано, вставали рано, вечером освещала дом керосиновая лампа. Всё то, что наработывалось на земле, носили продавать в город, за вырученные деньги покупались недостающие продукты, одежда, но её в основном шили сами, обувь и другие необходимые вещи. У каждого была как рабочая, так и праздничная одежда, излишков в одежде мало у кого наблюдалось.

Основные праздники, которые отмечались, – это Рождество, Масленица, Пасха, Троица и некоторые другие праздники. Поляки же заставляли отмечать 3 мая¹, у них это был день отдыха, и если кого-нибудь видели ехавшим на базар или работавшим, избивали плетьюми. Праздники всегда отмечались весело, даже несмотря на плохое время, все ходили друг к другу в гости, и народ был более открыт, и доверчив и добросердечен.

¹ Праздник Конституции 3 Мая 1791г.

Выпускалась одна единственная польская газета «Работник»¹

Основными учреждениями, которые находились в нашей местности, были магазин, в котором работали евреи, пекарня, пивной бар, парикмахерская, закусочная. В конце улицы находилась мельница. Белорусы и русские пекли в основном свой хлеб, а в пекарнях его покупали евреи и поляки.

Сахар на то время стоил 1 злотый 10 грамм и представлял собой ком.

Еврейское население считалось лучшими ремесленниками, их товары на рынке были самыми дорогими, но и раскупаемыми.

В случаях болезней в основном старались лечиться сами травами, только уже в самых тяжёлых случаях обращались к докторам, которыми были евреи или поляки, и оплата была дорогая.

В нашей местности была одна единственная небольшая школа, в которой учились поляки, евреи белорусы, русские. Учились в 2 смены.

Поляки кормили, давали булочку и кофе, обед стоил 2 гроша. Обучение велось на польском языке. Приоритет в учёбе занимали поляки. Ученики в школах между собой общались на польском языке, т.к. другая речь запрещалась, если кто-нибудь из учителей это услышит. Отличий межнациональных между детьми не было, и общались довольно хорошо, некоторые стали хорошими друзьями, несмотря на различия. Но когда поругаемся, поляки называли нас, белорусов и украинцев «свинья русская». Но, было одно но! Евреев не воспринимали как «класс людей», их презирали и отношения между нами были накалёнными.

И евреев не очень много ходило в школу, т.к. приходилось терпеть много издевательств, они в основном обучались в домашних условиях.

На своём родном языке учили тайком писать родители, если были образованны, а так всегда находился грамотный человек, у которого собирались дети и учились письму.

Нашей семье в государственные учреждения не приходилось обращаться. Но по наблюдениям можно было увидеть, что как и в наше время большая степень справедливости была к стороне богатых, и если бедняк судился с бедняком, дело старались решить по-быстрому, без всяких хлопот.

В городе находился один кинотеатр, который назывался «Сарвера»², но ходить туда не позволяло время. Если устраивали ещё какие-нибудь культурные мероприятия, всегда старались посещать, если даже было и тяжело.

¹ Возможно, имеется в виду главный печатный орган ППС «Рабочий»

² Кинотеатр «Сарвера» (владелец А. Сарвер) работал в Бресте с 1932 г.

При поляках белорусам было очень трудно чего-то добиться, т.к. в основном вся работа белоруса была связана с землёй, а остальные места были заняты поляками.

Знакомых поляков было немного. У моей матери сестра работало няней в польской семье. Так контроль был жесточайший, следили практически за каждым шагом, чтоб нигде ничего лишнего не взяла. И если что-нибудь случилось, всегда была виноватой. У поляков же в отличие от нас были богаче дома, одежда, была совсем другая манера общения, они были очень хитрыми людьми, умели всегда выйти «сухими из воды».

Среди же евреев не было ни врагов ни друзей, наша семья старалась не вникать ни в дружеские и ни во вражеские отношения. Если же еврею нужна была помощь, родители всегда старались помочь, несмотря на неприязнь к ним, особенно поляков. Знакомых русских и украинцев было мало, но с ними поддерживали дружеские отношения. Также русские, украинцы, белорусы считались одним славянским народом, старались хоть между собой поддерживать приятельские отношения, а если уже ругаться, то против поляков.

Межнациональных браков между поляками и белорусами не встречалось, а вот между русскими и белорусами, украинцами и белорусами, русскими и белорусами встречались довольно часто, и относились к ним положительно. Главное – у них была единая вера, а на то время она играла значительную роль.

Немцев-колонистов в нашей местности не наблюдалось. Цыган было немного, да и эти переходили с места на место, постоянно смотрели, чтобы им украсть. Мать моя, например, всегда жалела маленьких цыган и кормила, когда приходили, хоть и самим было тяжело, а отец, наоборот, их гонял, говорил, что они лентяи. Вообще к цыганам все относились с большой осторожностью и подозрительностью.

Политических партий и молодёжных организаций было не много и я их не помню, так как старался не вникать в политику.

Отношение к Советскому Союзу и Советской Беларуси было положительно, так как считали всё это единым целым. Информация о жизни в СССР поступала от приезжих и от средств массовой информации, которых было мало.

Кисель Николай Максимович, 1929 г. р., д. Лука Столинского района
 Жил я и сейчас живу в деревне Лука Столинского района. До 1930-х годов там, где сейчас деревня Лука, была государственная земля, в 30-е годы здесь стали создаваться хутора. Название же деревня Лука, произошло от двух притч или легенд:

Первая: земля, где стоит сейчас деревня, была окружена болотом и по форме напоминала лук.

Вторая: первопоселенцем здесь был дед Лука, и от него стала зваться деревня Лука.

Дед же мой жил в Городной (крупная деревня в семи километрах от Луки). В 30-х же годах переселился, купил землю, там, где сейчас деревня Лука, т.е. стал хуторянином.

У деда моего было 10 десятин земли, мельница (ветряная), 5 коров, несколько волов, коней, 40 колод пчел, овцы. Были у деда и паробки¹, даже помню имя одного из них, Котляр, возможно, был евреем. Соседи были беднейшие за деда², но жили относительно дружно, отношения были хорошие.

У деда было три сына, две дочки, три невестки. Признаком достатка считалось наличие леса, сенокоса, земли. В деревне уважали деда, других людей за достаток и относительное богатство, не уважали пьяниц, бедных.

Так как у моего деда была земля, то она и кормила нас, одежда у нас была из льна, женщины ткали полотна, ручники³, скатерти и прочее, что было лишнего, везли на ярмарку в город Столин или же на рынок в деревню Городная. Возили то овечку, то корову, продавали мед. Дед же, чтобы построить мельницу, продал несколько коров. К примеру, стоимость одной колоды 5 злотых.

Знакомые же, да было такое, что уезжали за границу, особенно в Америку. Знаю, что ездили они на 7 лет. Ездили для того чтобы заработать денег и купить землю. Билет стоил дорого, так что собирали деньги на поездку по всем родственникам в долг.

В деревне, знаю было двое поляков, это мужчина, имени его не помню, был учителем, и женщина по имени Тереза, учительница. Жили они у наиболее состоятельных людей деревни (у нас отчего-то не жили). Одевались всегда по моде, очень строго, чем вызывали у нас восхищение и уважение, свободно общались на нашем диалекте, хотя некоторые польские слова первоначально и не были поняты. Сами же поляки по-разному относились к людям нашей деревни. К примеру, учитель-поляк, настолько уважал моего деда, что подарил ему скрипку. К другим людям, победнее моего [деда], они относились как-то относительно [хуже].

Как я уже говорил, единственными учителями были эти двое поляков. Школа располагалась в отдельном доме, прямо в центре деревни. Изучали польский, русский. Учили молитвы, в школе была дисциплина, за малейшую провинность били указкой по пальцам. Девочки тоже ходили в

¹ Паробки – батраки.

² Т.е. беднее чем дед.

³ Ручник – вышитое домотканое полотенце.

школу. Кто не ходил в школу, родителей того штрафовали. Ходили в школу, в чем попало, [но] со стороны учителей нареканий практически не было. Книжки же покупать должны были сами, стоили дорого, покупали в городе Столин.

Болели мы редко, если же заболели, то лечились своими, народными способами. В особо тяжелых случаях в Столине была больница, а у нас в деревне был врач, только не помню, было у него медицинское образование или нет. Звали его если [что], и деньги за лечение он не брал. Отлично помню, как он ухаживал за больной матерью моей

Евреев в Луке не было, но зато много их было в соседней деревне Городной, там они содержали свои лавки, магазины. Причем все. Из евреев были ковали, столяра, гончары, в общем, ремесленный люд. Торговали евреи всем необходимым, давали в рассрочку. У жидов (так мы называли евреев) всегда был белый хлеб, а также и ржаной. Были жиды и бедные, которые не могли или не умели работать. В паробках у евреев были наши люди, работали на них допоздна. В субботу¹ традиционно жиды зажигали свечи к вечеру, после захода солнца, не один еврей не тушил свечи, они звали наших людей, обычно паробков, платили им деньги, чтобы те тушили свечи. Дело в том, что потушить свечи после захода солнца, – это великий грех.

Насчет того, как наши люди относились к евреям, расскажу одну историю. «Как-то раз пришел жид к нашему мужику, попросил у него купить теленка, тот согласился, нашел ему здоровенный мешок и положил туда тайно от жида собаку вместо теленка, жид, так и не догадавшись, ушел с собакой за плечами». То есть, наверное, люди завидовали евреям и надсмехались над ними.

Жилось неплохо и нам, но лучше всех жили жиды, так как они были богаты и наиболее удачливы. А жилось плохо тому, кто не имел ремесленной специальности. Существовала даже пословица. Девки в то время говорили: «Покуда не станешь гончаром, замуж за тебя не пойду».

Климук Тадеуш Михайлович, 1937 г. р., д. Шишово Каменецкого района

Я родился и жил в деревне Шишово Каменецкого района Брестской области. Деревня была небольшая, около ста дворов где-то. Все занимались на земле: сеяли, пахали, держали животных. Мои родители тоже, но в отличие от других мой отец был кузнецом, имел свою кузню, вот... Жили мы на краю деревни. Возле школы, через дорогу школа была. Отец был там как сторожем, дворником. Зимой топил, ему за это доплачивали. А мама была уборщицей в школе тоже... Какие-то деньги там доплачивали.

¹ Суббота – шабат – день отдыха, когда нельзя работать.

Мы дружили с соседями, насколько я помню. Ни папа, ни мама никогда не ругались ни с кем, вот. Ну, дружили, были и родственники. У мамы был брат, большая у него семья была. Тётка была Мария у неё тоже. Ну, дружили с родственниками. И такое было кумовство. Мама крестила у кого-то, нас крестили. Ну, это всё кумовья считались по тому времени близкими родственниками.

Состоятельным человеком как в полном смысле этого слова трудно кого-то назвать. Но состоятельным человеком считался тот, у кого была земля, у кого было больше земли. Потому что всё, доход, всё исходило от земли.

К беднякам относили [тех] у кого земли было мало. Было много земли, но и семьи большие были. Вот, три-четыре сына у отца и что он может дать им? По полоске каждому, и уже бедняк. А у кого детей меньше было, а земли больше, тот и жил и считался богатым

[Уважали] порядочных людей. Ведь и разные были, были и хорошие люди, а были и неуживчивые, как и сейчас есть.

Жила наша семья на земле, и все товары, ну обувь только приобретали, одежду ткали сами: растили лён, коноплю, всё обрабатывали, были станки, назывались кроснами и ткали полотно. Вот. Обувь была разная, как у кого, ходили в лаптях, плели их с липовой коры. Ну, а пальто, допустим, брюки, всё делали сами, ткали полотно и сами шили. Вот так и жили.

Крупной покупкой считалось – купить корову, купить лошадь. А остальное, ну ничего, мебели как таковой не было. Что надо было, кровать там, или стол, всё сами делали, и таких крупных покупок не было. Жизнь на земле везде была одинаковая, сеяли, пахали, жили... Ну, разница была, допустим, говор, разговор там где-то, в другой деревне там что-то по другому было. А так всё одинаково было.

Муж моей родной тёти с семьёй уехал в Аргентину и там жил. Потом уже где-то в 60-х годах, 70-х приезжал, на Родину в отпуск. И там в то время родился у него сын, 27-го года, это уже был мой двоюродный брат. Когда в 60-х годах он переписывался с моим родным старшим братом, брат тоже 27-ого года был, он прислал даже фотографию своей семьи.

В нашей местности магазины, парикмахерские были только в Каменце. Тогда называлось оно местечко Каменец и говорили – «пошли до мисця». Были там и магазины, и обувь шили, и одежду шили. И баня была, и хлеб пекли. Но всем этим занимались в основном евреи, ну и поляки, деревенские только покупали.

В случае болезни обращались только Каменец. Там был по тем временам знаменитый доктор, как сейчас я его помню, часто его вспоминали в разговорах бабушки. Звать не знаю как. Он был поляк. И

этот доктор лечил все болезни. Таких докторов, как сейчас, по всем болезням не было, был один он, и жил, такой добросовестный, порядочный. Платили [за лечение] в основном продуктами: курицу, гуся несут там и яйца носили. Он всё это брал.

В нашей деревне была одна школа, на польском языке. Отношение учителей к учащимся было нормальным. Учительница, пани Зося, как её называли, была женщина доброй души, вот, уважала детей, и её уважали. И дети уважали, и родители уважали. Потому что это была учительница.

[Сейчас] писать я по-польски наверно не смогу, потому что я никогда не писал. А понимать – понимаю. Если кто-то говорит по-польски, я не всё пойму, но в основном [понимаю]. Мой старший брат ходил в польскую школу. Потом, многие служили в польской армии. Польский язык был в деревне не чужим. Вот. Если не все, я не хочу сказать, но многие говорили, но польские слова даже и сейчас остались в местном обиходе.

Когда фронт прошёл в 44-м году, это в июле месяце освободили нашу деревню, в сентябре месяце сразу я пошёл в школу. Школа была одна на деревню, преподавался белорусский и русский язык. Но все предметы, допустим математика, на белорусском языке была. Была белорусская мова и белорусская литература, русская мова и русская литература. Математика тоже на белорусском языке была.

Поляки в деревне жили. Их было мало. Только в этом панском дворе, там семей пять или шесть, не помню, сколько было. Ну, работали. На земле занимались. И отношение было нормальное. Общались с деревенскими нормально. Конфликтов не было.

Наверно можно было перейти в католичество, но не было случаев, насколько я помню, чтобы кто-то в деревне поменял свою веру на католическую.

К православным и католическим праздникам относились с уважением. Католики свои праздники праздновали, молились в свои праздники, православные – в свои. Ну, а водку пили одинаково и на те и на те праздники, все вместе...

Евреев в нашей деревне не было. Вообще, такого не было, насколько я помню, чтобы в деревне на земле жил еврей.

Жили по сезонам цыган, вот в тёплое время года. Приезжали, ставили палатки свои, там шатры, там где-то на лугу или где-то там. Ну, короче говоря, на пустой земле, которая не обрабатывалась. Ну и приходили, в основном они были кузнецы там. Серпы делали деревенским. Первое, что они специалисты были – серп надо было наточить, ну что жито жать, или косы там они [делали]. Короче по металлам там, таким мелким изделиям.

Моя мать крёстная и отец крёстный были поляки. Я помню, что когда заходили, угощали, вкусное печенье крёстная пекла. Ну, а так больше чтоб в поместье там жили, остальные поляки были. У нас поляки в поместье жили, пять или шесть семей, точно не помню. А в деревне они не строили домов. Ну, всё-таки они отдельно жили

[Лучше, конечно, жилось полякам]. Ну, естественно, была ж польская власть, и любая власть хорошо относится к своей нации, к своему народу. Вот, ну а разницы большой не было. Все работали, тогда лодырей не было.

Успех [для белорусов] – ну, это редкий случай. Я не говорю про нашу деревню. Те, которые выехали вот в Латинскую Америку, ну бывало, что уезжали сыновья, вот, хозяин землю, семью не бросал, выезжали сыновья. Там были хорошие заработки. Если они присылали оттуда деньги, то это родители покупали землю, и это уже было к ним и уважение и почёт. И считался успех, потому что приобрёл землю. А вообще вся жизнь крестьянина сводилась к тому, как купить земли. Дети были большие. Дочку отдаёт замуж отец, он должен дать какую-то меру земли, там десятину или две десятины по тем временам считались. Как в приданное, да, обязательно. И у кого много сыновей было, всем не хватало. Отцу же надо было делить, и тому двоили. Тот женился, отходил от семьи, ему надо было выделить земли. Второй женился, тоже отходил отдельно жить, ему тоже надо было выделить земли, а на всех не хватало земли. Вот и всё.

О голоде в СССР говорили много, при Польше были газеты. Даже во время оккупации, когда немцы были, были украинские газеты, и немецкие. Ну и знали люди, читали, вот. Ну, знали о коллективизации, знали об этих репрессиях, что осуждали невинных людей. Отношение было отрицательное. Плохое есть плохое.

[В 30-е годы] планы нашей семьи были – купить землю, и построить дом. Мой отец был из семьи, [где] было четверо сыновей и две сестры, шестеро. И отец старший был. Женился, сразу отделился и строил свой дом. Вот так было.

Клундук (Гейхрех) Алла Васильевна, 1935 г. р., г. Пинск

Мы с семьёй жили в г. Пинске, Полесского воеводства. Главная улица города бала улица им. Костюшко, так же была улица им. Пилсудского. Часть города называлась Кошары, там проживали расквартированные солдаты. Одним из самых захолустных районов была Белявщина, там, в основном, жили бедняки, много было лиц без определённого места жительства. Мы жили на улице Ремесленной, были также улицы Старогончарская и Новогончарская, Брестская. Национальный состав населения был довольно разнообразным. Как мне

кажется, больше всего было поляков и белорусов, были русские, украинцы, евреев было довольно много, были и цыгане. В городе было две церкви (Варваринская и собор), ещё одна была на православном кладбище и ещё одна в Леще (район Пинска). Было два костёла и несколько синагог. Помню даже, как солдат вели колонной в церковь в воскресенье: православных в собор, а католиков в костёл.

На улице Ремесленной жили, что следует из названия, люди, занимающиеся определённым ремеслом: извозчики, ткачи и портные, гончары и др. Наша семья была довольно большой: мои родители (Гейхрех Василий Илларионович и Гейхрех («из дома» Виницкая) Лариса Ивановна), с нами жила мамина сестра Валентина Степановна, и две моих сестры Нила и Ольга. На другой стороне улицы жила бабушка Виницкая Екатерина Григорьевна. У мамы было ещё 2 братьев, ещё 2 умерли в младенчестве. У папы было 6 братьев (Владимир, Александр, Николай, Евгений, Владислав, Дмитрий). Пятеро были инженерами, а Дмитрий был священником. Папа и Дмитрий жили в Пинске, а все остальные учились и жили в Москве (в 1937 г. они были репрессированы¹).

Папа закончил Духовную семинарию в городе Петербурге, по образованию был преподавателем, знал много иностранных языков (латинский, английский, немецкий, греческий). Говорят, что на день рождения он получал поздравления из Сорбонны. Но при поляках отказался работать в польской школе, и давал частные уроки на дому гимназистам, и готовящимся поступать. Мама имела только начальное образование, нигде не работала, а занималась пошивом одежды. Она принимала заказы, сама кроила, сама шила.

Круг нашего общения был довольно широким. Семья общалась как с юристами и госслужащими, так и с обычными крестьянами и соседями. Особо состоятельных людей среди знакомых у нас не было. В основном самыми богатыми были жители центра и это были поляки, потому что они занимали главные посты в городе, не полякам трудно и даже не возможно было добиться высокого поста. Наибольшим уважением пользовались естественно чиновники, учителя, интеллигенция. Но, в общем, все друг к другу относились с уважением, не так [как] сейчас. Мужчины снимали шляпу перед женщинами, всегда все приветливо здоровались. Врагов у

---

¹ Имеются данные на Гейхроха Вячеслава Илларионовича (родился в 1895 г., Минская обл., г. Пинск; русский; образование незаконченное высшее; б/п). Являлся начальником ОКСа Главюгзаплеса Наркомата лесной промышленности СССР. Проживал в г. Москва. Арестован 15 июня 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности. Приговор о ВМН (расстреле) вынесен ВКВС СССР 15 сентября 1938 г., приведен в исполнение в тот же день. Место захоронения – Московская обл., Коммунарка. Реабилитирован в апреле 1959 г. ВКВС СССР.

нашей семьи не было, и быть не могло из-за папиной доброты и мягкости. Папа никогда не повышал голос ни на членов семьи, ни на учеников, ни на кого другого.

Жили мы в небольшом деревянном домике, крыша была покрыта черепицей. Строил дом ещё прапрадед. В доме были две комнаты и кухня. Участок был небольшой, соток может быть пять. Был колодец, туалет на улице, помойная яма, по углам участка росли яблони. В доме был погреб, туда ставили бочки с капустой, огурцами, заготовленными на зиму, складывали картошку. Меблировка была довольно простой. Были естественно кровати, шкаф, стулья, была этажерка, на которую ставили книжки. По углам висели иконки, лампадки. Освещались с помощью керосиновых ламп, на них надевали абажуры, они ужасно коптели, и поэтому к каждому празднику приходилось белить потолки. Электричество нам провели, только когда пришли «советы» в 1939 году. А в центре города и при поляках было электричество. Полы были дощатые, тщательно начищались, иногда вышкрябывали¹ их даже ножами. Висели у нас и картины, маме нравилась изображение зимы, а мне зелёного луга. Много было рукоделия: салфетки, дорожки. На окнах висели занавесочки, штор не было, а сами окна закрывались ставнями.

Некоторые соседи жили лучше нас, но это «лучше» заключалось лишь в том, что они держали всякую живность: курочек, свиней. Привилегией считался телефон, был он лишь у нескольких семей, которые жили в центре города. Признаком достатка была и одежда: дамочка, муж которой достаточно зарабатывал, носила туфельки, шляпку, могла ходить с зонтиком, обязательно с сумочкой. Т.к. улицы были не мощённые, то в плохую погоду и зимой одевали галоши или «ботики». Прислугу могли нанимать лишь обеспеченные люди. Но к нам приходили иногда помогать наёмные рабочие: помочь убрать или починить в доме что-нибудь. Была такая женщина, дальняя родственница, у неё было много детей, она приходила иногда перед праздниками – помогала нам стирать, потому что это было довольно трудное занятие. Часто приходилось издалека таскать воду. Всё это стиралась в болеях², на тёрках³ тёрлось, не было же никаких машин, только сода и мыло.

Товары и продукты покупали в основном на рынке и в лавочках. Помню один такой магазин, мама посылала туда меня за сахаром, за приправами. Магазином владел пан Дрозд. Недалеко от него был сапожник Межиевский, он делал даже обувь под заказ. У него было дешевле, и делал обувь очень аккуратно. Все работали только до субботы, в воскресенье

¹ Так в воспоминаниях, имеется в виду выскребание дощатых полов

² Балея – лохань для стирки белья.

³ Имеются в виду стиральные доски.

никто не работал даже на участке. Уровень жизни сейчас конечно не сравнить с тем уровнем жизни. Но всё равно в магазинах было всё, просто не хватало денег, чтобы пользоваться этим «всем». Молочные продукты: молоко, сыр крынковый¹, сметану, раз в неделю нам приносил дед Андрей прямо домой. Это был простой крестьянин, (не знаю, из какой деревни, знаю, что за 30 км) во всём домотканом, занимался тем, что привозил в Пинск нескольким семьям продукты. Папа всегда встречал его в галстук и пиджаке (такой был вежливый), а я бежала навстречу, потому что знала, что дед Андрей привёз мне гостинец – белые семечки. Он возил нам продукты до 1939 года, потом его объявили кулаком, хотя я сама прекрасно помню его мозоли на руках с мою ладошку. Привозил нам и ткань: льняную для белья, шерстяную для свитеров и другой одежды. Очень многие ходили в лаптях, но если шли в центр или в церковь, то одевали туфли, ботинки. В то время было много рыбы, можно было купить её прямо у реки², или иногда приносили на дом, её нанизывали через жабры на ветки и носили по дворам. Самая дорогая рыба была сом, его реже всего ели. Зимой часто мариновали «линьков-миньков» (лини). Рыба довольно доступная по ценам, особенно популярна была в пост. По улицам также крестьяне на телегах возили и картошку, капусту, другие овощи. Самым дорогим было мясо, сахар, масло. В мясных магазинах всё рубилось при тебе, если при тебе не было денег, то могли давать в кредит. Просто записывалось на бумаге сумма, а так тебя знали, знали твою фамилию. На праздники бывали и деликатесы: апельсины, польский шоколад в косточках, всё покупали у Дрозда. Было и мороженое: в белом халате мужчина с тележкой возил мороженное и кричал: «Лёды!»³ Были и кафешки, одно было около железной дороги, но туда ходили, наверное, один раз в год с родителями. Были такие булочки, дешёвые и очень вкусные, мы их называли «кайзерки»⁴ (от Кайзер).

Серьёзных покупок не было, ибо очень бедно жили. В основном, покупали только одежду и продукты. Доход был очень скромный: папа репетиторствовал, а бабушка шила и продавала готовую одежду. Часто приходилось брать займы у родственников и знакомых.

Помню, многие русские очень хотели попасть за границу, но это было довольно проблематично. Так у нас в семье до двенадцати лет воспитывался мой двоюродный брат, у которого родители жили в Москве. Очень трудно было переправить его в Россию, потому что связи с Москвой

¹ Так в тексте. Правильно – клинковый сыр.

² Свежей рыбой в Пинске торговали с лодок, которые причаливали к берегу р. Пины

³ Лёды – мороженое.

⁴ Кайзерка – несдобная булочка в виде розанчика (с верхушкой в виде сходящихся лепестков).

не было никакой, нельзя было даже написать письмо. Да и мы за границу не ездили. Во-первых, в финансовом плане было невозможно поехать, а во-вторых, много было бумажных хлопот, а для «не поляка» так подавно.

Хочется сказать ещё про обувь. Обувь была качественная, кожаная. Даже помню, фирма была такая немецкая «Bat»¹. Мужчины в плохую погоду носили галоши, женщины – ботики. Ещё мужчины носили гетры, которые надевались сверху на ботинки, чтобы теплее было ногам. В нашей семье временами ощущался недостаток в одежде. У маминих братьев было так: один приходит со школы, снимает ботинки, другой надевает и идёт в школу.

По праздникам иногда готовилась птица: гусь, утка. Готовили рыбу: фаршировали, мариновали, а в остальном довольно скромно – картошка, овощные салаты. Иногда делали налистники² с творогом. Из праздников отмечали Новый год, Крещение, Рождество, Пасху, Благовещение, Успение – все религиозные праздники. День рожденья не отмечали, больше отмечали День ангела, именины (просто при рождении старались подбирать имя ближе ко дню рождения). Отмечали только в кругу семьи. В то время все праздники отмечались довольно скромно, даже свадьбы.

В городе были и частные польские фотомастерские, но чаще всего фотографов приглашали на дом. Семью, всех родственников собирали в саду и всех вместе фотографировали. Были в Пинске и трубочисты, они ходили во всём чёрном, с чёрным цилиндром на голове. В общем-то, все обслуживали население довольно качественно. Была сеть пекарен пана Кулика: одна находилась на ул. имени Костюшко, одна рядом с вокзалом.

Если кто-то заболел, то приглашали врача на дом. Хочется сказать, что врачи были профессионалы, вежливо обращались, выписывали лекарства, но они стоили очень дорого и поэтому чаще прибегали к народным средствам лечения. Часто по дворам ходили санитарные врачи и следили за чистотой во дворе, чтобы выгребные ямы были в порядке, чтобы там всё было посыпано хлорной известью. Иногда полиция приказывала чистить подходы к дому, просила, чтобы убирали на улице рядом с домом. Прививали нас только от оспы.

При поляках была начальная школа, гимназия, училище. Гимназисты ходили в синей форме и с разными нашивками в зависимости от курса. Обучение велось на польском. К нам часто приходили гимназисты, т.к. папа с ними занимался, готовил их к поступлению в высшие учебные заведения. Учителя с уважением относились к ученикам, т.к. не каждый мог поступить (обучение было дорого). В учебном заведении между собой

¹ Фирма «Bat» – скорее всего имеется в виду чешская обувная фирма Т. Бати (основана в 1894 г.).

² Налестники – тонкие блины с разной начинкой.

разговаривали на польском. Я до сих пор знаю польский, могу разговаривать и понимаю. Учились русскому дома, родители пытались сами учить.

Хочется сказать, что белорусам было очень трудно выбиться в люди, видимо по принципу своего происхождения.

Были у нас и знакомые поляки: Свидерски – бухгалтер, Котек – юрист, Садовская – портниха, были и евреи: Йозефсон – врач, Флейтман – торговец.

В общем, всё было хорошо, всё было, единственно, чего не хватало так это денег. Но всё равно к Польше, почему-то относились пренебрежительно и все ждали прихода Красной армии. Потому что с ней ассоциировалось свобода, можно было говорить на своём языке, учиться. Да ждали с нетерпением.

Коваль Екатерина Семеновна, 1930 г. р., г. Брест

Я родилась в 1930 году 21 марта в городе Бресте. В 1921–1939 гг. Брест назывался Брест-над-Бугом, а с сентября 1939 г. – Брест.

В то время население города было небольшое. Но даже тогда Брест считался крупным железнодорожным узлом. Это был польский город. Мы жили на ул. Девинтэго-Лютэго (Девятого Февраля). Сейчас это ул. Пушкинская¹. У нас был собственный дом.

Отец работал на железной дороге, кондуктором поезда, где перевозился груз. Отец еще имел 1 га земли в деревне Селяхи.

Мать была домохозяйка. В семье всего было 8 детей, я – самая младшая. Имели свое хозяйство: две коровы, лошадь и др.

Город Брест начинался, где теперь чулочный комбинат, сейчас это ул. Янки Купалы. Улицы были вымощены камнем, и, когда ездили на повозке, камни стучали. Такая дорога была от Бреста до Черней.

Родители переехали в 1925 г. из деревни Селяхи. Один дом они перевезли из деревни (раскидали, перевезли, а тут сложили), а другой построили. Все это было в одном дворе. И один из домов сдавался в аренду беженцам из России. Это была многодетная семья – мать и шестеро детей.

Семья Сотниковых жила у нас около 10 лет. Чем занимались до этого и как жили, не знаю. Мать работала на хлебопекарне. В 1939 г. уехали в Польшу, в г. Ополь, где у них жили родственник.

Соседи были: семья Панасюк, семья Катович, Вольские и Яновичи. Янович, Катович и Вольские были поляками. Мы часто общались. Петр Панасюк работал вместе с отцом на железной дороге. Вольские жили, где сейчас ул. Скрипникова. У них был свой магазин тканей. У Яновичей

¹ Ул. Пушкинская была ул. 3 Мая.

была табачная лавка. Матэус Катович работал на лесопильном заводе, а его жена – Алина работала в швейной мастерской.

Состоятельными людьми считались врачи, учителя, аптекари. Их было очень мало, так как за образование надо было платить. Также у кого были магазины, лавки, кафе, пекарни, парикмахерские, кто работал на предприятиях, кто имел велосипед. В основном это были евреи и поляки. Большим уважением пользовался ксендз. Все они пользовались авторитетом. У них было много земли, скота. Они могли держать прислугу. Например, семья еврея Лейбы имела продовольственный магазин. Он давал в кредит людям продукты. Там было все необходимое: продовольственные и хозяйственные товары. Но наша семья в кредит не брала.

Мы жили, в принципе, небедно. У нас было свое молоко, яйца, мясо. Очень с уважением относились к хлебу и берегли его. Если кусочек хлеба падал случайно на землю, его целовали и просили прощения. На завтрак, обед и ужин у нас всегда была жидкая еда: борщ, вареная капуста. Пользовались посудой в основном из дерева и глины. На стол ставили горшочек с вареной едой, редко она переливалась в деревянную или глиняную миску. Все садились вокруг стола и черпали еду деревянными ложками.

У меня были подруги Ванда Янович и Лида Вольская. Это были мои одноклассницы¹. У них в семьях пользовались вилками и ножами. Иногда они одевали красивую праздничную одежду, украшения, женщины – шляпы, чулки, рукавички, пояса, жилетки, фетровые колпаки. Из косметики пользовались духами, пудрой, кремами.

Евреи носили тубетейки², особенно когда шли в синагогу.

К бедным относили тех, у кого совсем не было земли, если больные были в доме, беженцев.

Женщина, которая у нас жила с детьми, считалась бедной, так как у нее не было своего жилья и скота.

Презирали пьяниц, воров, хулиганов. Бедных было много, но их жалели, а не презирали. Пьяниц боялись, потому что они затевали драки, ссоры, погромы, поджоги. Сама я этого не видела, но немного слышала от своих родителей.

Продукты питания были в основном из своего хозяйства. Покупали обычно керосин, спички, соль, сахар, гвозди. Напротив нашего дома был магазин в еврейском доме (еврея Лейбы). Зарботки были очень низкие, поэтому люди были благодарны, когда Лейба давал в кредит. Цены были не очень высокие и можно было прожить, если кто-то в семье работал. Но

---

¹ Подружки.

² Имеется в виде кипа – головной убор религиозных евреев.

вся беда была в том, что в городе была безработица, а население все время росло. Денежные единицы: «злоты» (крупн.), «грошы» (мелк.).

Промышленность в городе развивалась очень медленно. Рабочих мест не хватало. Наши знакомые ездили на заработки в Канаду, Англию, Америку.

Наш родственник из деревни Добучин Пружанского района ездил в Канаду на 10 лет. Когда вернулся, купил землю и построил дом (Шиманко Филипп).

Мой старший брат Степан был связан с коммунистами. Он три года [пытался] перейти границу. Хотел попасть в Россию. На третий раз ему удалось перейти. Там Степан женился и жил. Сам он с 1910 г. Где-то в 1935 г. перешел границу. Но мы не поддерживали с ним связь, потому что боялись властей. И только после войны Степан прислал письмо, что у него есть семья и дети. Адреса своего он не сообщил. Это было первое и последнее его письмо.

Поездки за пределы города совершались, но ненадолго. Проведать родственников. В основном пешком, подводой (воз). В праздничные дни, завести гостинец. Не часто, не больше, чем на 1 день.

Жизнь в деревне была тяжелее, чем в городе, отличалась своими традициями, праздниками, например, в проведении сватовства, кресбин¹, свадеб. Различались также диалекты в деревнях.

Самым крупным предприятием в городе был лесопильный завод, также электростанция, табачная фабрика. Работала железная дорога, оружейные, механические, швейные мастерские, деревообрабатывающие предприятия, водочный завод «Познань»² и пивоваренный завод «Корона»³.

Рабочий день на предприятиях длился 10–12 часов.

Были также бани, но в основном люди мылись дома. Летом стояли большие чаны с дождевой водой или с водой из колодца. В холодное время грели воду и мылись в бадье (балее).

Наша семья выписывала газету «Наша ніва» и «Беларускі каляндар».

Больше всего интересовали вопросы войны, революций, национальные движения, как живут в восточной Беларуси.

[Если болели], старались лечиться самостоятельно, народными средствами. Только в случае тяжелой болезни обращались к врачам-частникам, фельдшерам, медсестрам. В крайних случаях ложились в больницу, но очень редко, так как это было дорого. За лечение

¹ Кресбини – т.е. крестины.

² Центральное спиртовое акционерное общество «Познань» (производство водочных изделий для оптовой продажи)

³ Пивоварня «Глейзор и «Корона»

расплачивались в основном деньгами, продуктами. Была больница скорой медицинской помощи (городская). Сейчас на ул. Ленина. Был один случай. Брат мой учился в железнодорожном техникуме. Витя – мой брат – купался с друзьями на карьерах. Он как-то неосторожно прыгнул и повредил позвоночник. Был даже неподвижен. Его друг – Шиманский Тадеуш, из богатой польской семьи, помог положить его в военный госпиталь. Там его лечили бесплатно. Возле него сидела сиделка-медсестра.

В городе было несколько гимназий. Из них только одна была государственная, четыре частные, в том числе две польские. В 1937 г. было примерно 10 государственных семилетних школ, но все они были польские. Были частные неполные средние школы, из них только одна русская. Около 10 дошкольных учреждений. До 1939 г. в Бресте не было ни одной белорусской школы. Обучение в основном проводилось на польском языке. Были технические школы, торговая школа, ремесленно-промышленные школы (мужские и женские).

Учителя были в основном очень строгие. Наказывали за провинности, хулиганство, невыполнение домашнего задания. Ставили в угол и били линейкой по внутренней части ладони. Язык польский помню до сих пор хорошо. Могу понимать его, говорить и писать. В школе ученики общались на польском языке. Отношения между учениками разных национальностей были нормальными. Все зависело [от того], как ученик учится. Но бывало враждовали. На мой взгляд, многое зависело от родителей, как они настраивали своих детей против той или иной национальности. Учебников, тетрадей, школьных принадлежностей было очень мало. Школы работали в три смены. Учебный год часто начинался позже, так как дети помогали родителям на сельскохозяйственных работах. В городе многие жители старше 10 лет были неграмотные. Я научилась писать сначала по-русски, а после 1939 г. – по-белорусски.

Родители были малограмотные, но закончили начальную школу. Все дети в семье при Польше учились. Старший брат закончил железнодорожный техникум, а старшая сестра – гимназию (напротив педагогического института, где теперь рынок).

Я в школу пошла в 6 лет. До освобождения Беларуси закончила 3 класса польской школы, где обучение было на польском языке. Школа была двухэтажная деревянная. Когда пришла советская власть в 1939 г., я снова пошла в 3-й класс, так как совсем не знала русского языка. Хотя родители говорили по-русски. Белорусский язык был в 4-м классе только как предмет. Когда пришли немцы, в 5-м классе не училась. Негде было, везде в школах жили немцы. В 1944 г. Брест освободили. Я снова училась в той же школе и закончила там 7 классов. Школа находилась там, где теперь

ул. Пушкинская (недалеко от дома). Бывшая 14-я школа при советской власти. 8–10 классы заканчивала в вечерней школе рабочей молодежи. В 1949 г. поступила в двухгодичный учительский институт. Закончила стационарно. Направили учителем в Чернинскую семилетку, где проработала учителем 34 года. Потом семилетка стала восьмилеткой, а сейчас это средняя школа. В 1954 г. поступила заочно в педагогический институт. И в 1959 г. закончила химико-биологический факультет.

В городе жили люди разных национальностей. Поляков было очень много. Все они отличались в зависимости от материального положения. Они получали престижную работу, могли поступать в более престижные учебные заведения. Поляки к людям своей национальности относились гораздо лучше. Хуже всего относились к белорусам. К евреям лучше, так как они были богаче. Поляки считали себя более культурной нацией, себя они называли «панове», а белорусов презрительно – «мужики», «голодранцы», «быдло». Но и тогда все зависело от людей. Мой старший брат заканчивал железнодорожный техникум. Стоял вопрос – куда устраиваться на работу. И вот ксендз, который часто заходил к нам домой, посоветовал нам, чтобы брат принял католическую веру или, хотя бы, участвовал в художественной самодеятельности. И брат начал играть на трубе в духовом оркестре. Его направили работать в польский город Познань, дежурным по вокзалу. Когда пришла советская власть, он вернулся назад в Брест.

Евреев было очень много в Бресте. Они иногда ходили в шапочках еврейских на макушке. Даже во время обеда или когда куда-то заходили, они не снимали головной убор. Обычно ходили с бородой, усами, бакенбардами. Евреи были и богатые, и бедные. К белорусам они относились хуже, чем к полякам.

[Межнациональные браки были], но обычно хотели, чтобы браки были между одинаковыми национальностями. Когда белоруска выходила замуж за поляка, поляки требовали, чтобы она перешла в католичество. Одни переходили, а другие нет – и брак не состоялся. У нас считали, что еврейки – очень хорошие матери. Когда еврей женился на белоруска, считали, что брак будет удачным, потому что еврей – муж будет заботливым, трудолюбивым, он не будет пить и гулять. В нашем роду были различные браки. Один брат был женат на польке, два других на еврейках. Все жили хорошо. Я считаю, национальность здесь не имеет значения, главное – какой человек.

Я несколько раз была у гостей и у евреев, и у поляков, и у русских. Немного отличалась у них еда и сервировка стола. Помню, ела у евреев мацу. У поляков всегда была хербатка (чай) и на столе всегда было мало хлеба. Больше всего евреи любили форшмак, галушки из рыбы. Вся еда у

богатых евреев была кошерная¹. Выходной у евреев была суббота – «шаббат–солом»², в этот день они молились. Поляки очень любили фляки и бигос (кислая капуста с мясом).

Для нашей семьи не имело никакого значения, [какой национальности знакомые]. У меня были подружки разных национальностей: белоруски, полячки, еврейки (Эмма Коган, Дина Фастовская).

[Об СССР] доходили слухи. Родители и старшие братья, и сестры рассказывали нам кое-что. В особенности о коллективизации сельского хозяйства. Моего деда и бабушку очень волновало, что землю и животных забирали в общинное пользование. Доходили такие слухи, что все будет коллективное, даже жены. Говорили, что тех, кто не хотел поступать в колхозы раскулачивали, сажали в тюрьму или отправляли в лагеря Сибири. Их объявляли врагами народа.

[В нашей семье] не было планов куда-то переехать. Но родители мечтали, чтобы все дети учились. И у нас все учились. Мечтали устроиться на работу по специальности.

Колбаско Николай Андреевич, 1925 г. р., д. Рудка Пинского района

Родился я 16 ноября 1925 года в деревне Рудка. В семье было 5 душ: отец мой – Андрей Максимович, matka – Ольга Николаевна, я, сестра Евгения, брат Иван. Отец на земле пахал. Было у нас 1 гектар земли. Мать на работу до пана ходила в заработки: жито там жала, картошку копала. В общем, все жители, у кого было мало земли, ходили в заработки.

В соседней деревне Поречье жил пан Скирмунт³, имя, к сожалению не помню. Пан Скирмунт хорошим мужиком был. Кто у него 10 лет паробком проработал, то он ему давал 10 гектар земли и дом ему строил. Пан в Варшаве в сенате выступал за то, чтобы у помещиков забрали земли, а оставили только 40 гектаров, а остальную, чтобы раздали крестьянам. У пана было крупное хозяйство. Были у него свои паробки, доярки. Последним он платил хорошо. Их пан обеспечивал и дровами и продуктами. У Скирмунта была большая молокомусарня⁴. Она была построена из кирпича и была двухэтажной. Наши хлопцы тоже там работали: били масло. У пана была также своя суконная фабрика. Во время

¹ Кошерная пища – еда, отвечающая требованиям кашрута – еврейским религиозным правилам о пище.

² Правильно: «Шабат-шалом» («Суббота, здравствуй!») Слова, которыми религиозные евреи приветствуют субботу.

³ Скирмунт Р.А. (1868–1939) – белорусский и польский государственный деятель, уроженец д. Поречье, Пинского повета. В 1930–1935 гг. – сенатор. Расстрелян в октябре 1939 г.

⁴ Молокомусарня – имеется в виду молокозавод.

Первой мировой войны склады с его сукнами были в Варшаве и в Москве. После смерти пана люди разобрали эту фабрику. Из кирпича сделали больницу, которая и сейчас есть в Поречье. Люди себе печи поделали. Там еще склад с житом был, так его партизаны спалили. Пан умный был. Сам он был небольшого роста. 72 года ему было.

Я помню, как лично ему в руки письмо давал. Пришел я к нему, поцеловал пана в руку, а он меня в голову. Даже 20 грошей мне дал.

Видел, как пана везли расстреливать. Это было уже, когда Советы пришли, в 1939 году. Пана и его шурина¹ везли в повозке, запряженной двумя лошадьми, а трое, с винтовками, шли позади. Завезли их в Велесницкий лес и там расстреляли, возле двух больших дубов. Сейчас этих дубов нет.

Также помню, как в Поречье в конце 1941 года приехала сестра пана Скимунта. В это время в деревне находились немцы. И двое из них охраняли панский лес. Когда пришли партизаны, немцы начали отстреливаться. Партизаны гарантировали им жизнь. И немцы сдались. Но партизаны их расстреляли. А пани разорвали пополам: две березки наклонили, привязали к ним пани и потом березки отпустили. Вот так и было. В общем, пан Скимунт был хорошим человеком. Вот он мог быть президентом.

[В деревне] была четырехлетняя школа. Сюда ходили школьники из Велесницы. Я проучился здесь три года. [Учили] только на польском. Я его до сих пор помню, [но между собой общались] по-нашему, по-простому.

[По-русски] научился я читать, когда пришли Советы. Тогда я пошел в 4 класс. Русская школа находилась в том же здании, где была в свое время польская.

Врачей в нашей деревне не было. Были только в Поречье. Однажды, когда я разбил лоб, меня отец возил в Поречье к врачу.

В деревне был только один магазин. Там моя семья покупала только соль и сахар. Иногда какую-нибудь одежду. Поляки только на хуторах. До поляков ходили в заработки и все. Евреев тоже в деревне не было. Только в Велеснице был один еврей. Вот у велесницкого еврея я один раз был. Однажды моя мать попросила у этого еврея пошить рубашку (жена этого еврея была портнихой) и ходил к нему забирать ее. Я, также, вместе с сыном этого еврея ходил в один класс. Этого еврея звали Мейером, его отца Гривкой, его сестру Соней. А как звали его мать, я не помню.

У кого было больше земли, тот и считался богатым. У нас в деревне таких было два человека: Гришка Кришталь (он держал 12 коров) и, как мы его называли, Муляр (вскоре выехал в Польшу).

---

¹ Мужа сестры Болеслава.

[Бедняками считали] тех, у кого совсем не было земли. У нас в деревне таких было 3–4 человека. Им, иногда, даже хлеба не хватало. И, по этому, они ходили по домам и просили милостыню.

Коробейко Петр Данилович, 1932 г. р., д. Медно Брестского района

Я родился в деревне Дубрава. Небольшая деревня в Брестском районе. Вблизи размещалось рыбное хозяйство. Все близкие жили за счет земли и собственного труда. Сельское хозяйство было в нашей местности главным трудом. Тем же занимались и соседи и друзья. У нас в местечке была земля, которую отец купил в 1928 году за 100–120 злотых один гектар. Землевладение было хуторского типа.

Очень хорошо общались с соседями (Щурами). Часто ходили помогать им, сидели вечерами в гостях. Хоть они были поляками. Так же общались и состояли в хороших отношениях с соседями Клопотами.

Состоятельным человеком являлся пан Ляхар, который владел рыбным хозяйством вблизи деревни. Он нанимал на работу жителей нашей деревни и наладил добычу рыбы, которую, как мне говорили, поставляли в Варшаву и другие города Польши.

Что касается признака достатка, то им являлось наличие у хозяина лошади (хорошей сильной кобылы). Так как без лошади невозможно обработать хорошо землю и получить достойный урожай. А так же к предметам достатка в то время относили килот – конный привод, молотилку и так далее. Но все же, как я помню, когда умерла наша лошадь, отец пришел домой, сел в углу и заплакал – этим все сказано.

В нашей местности жили лишь собственники земли, то есть безземельных в деревне Дубрава не было. Но наша жизнь и история соприкасалась с деревней Медно, которая находилась поблизости. В этой деревне были батраки – безземельные, которым выдавалась земля для посадки зерновых на определенный период.

Жила семья, как и все остальные, в каждодневной работе. Все необходимое производили сами. Иногда вывозили на продажу в город Брест. А там закупали товары, которых не было в нашем селении. В соседней деревне Медно была торговая лавка. Иногда отоваривались там. Жили так, чтобы прокормить себя, соответственно никаких крупных покупок до войны не сделали. На моей памяти отец с семьей никаких далеких поездок и путешествий не совершали. Было не до этого.

[Никаких газет] мы не выписывали. Главная информация передавалась из уст в уста, и волновало всех в первую очередь хозяйство.

У нас в Дубраве лавок не было. А вот в деревне Медно было две лавки. Одна принадлежала Сновронскому, а другая – Телепко. В них продавали товары первой необходимости.

Не помню, где лечились, но помню, что в нашей семье первые два ребенка умерли. Была высокой смертность среди новорожденных.

У нас в деревне школы не было. Братья и сестры ходили в 4-летнюю польскую школу в деревне Медно. Сестры рассказывали, что когда они приходили зимой в школу, то паненка Каспшицкая помогала им раздеваться и отогревала. Но в отношении учебы и занятий была строга, и применяла физическую силу. Там же преподавал ее муж, пан Бронислав Каспшицкий. Оба учителя из Польши. Обучение соответственно велось на польском. Ученики разговаривали на уроке на польском языке, а между собой на местном. Вместе с местными жителями в школах учились и поляки. По словам братьев, отношение между учениками белорусами поляками были нормальными, но мне вспоминается случай, когда пани Цепуха, жившая в Медно, запрещала и порой била свою цурку (дочь) за то, что она водилась с ребятами белорусами. Сам я должен был идти в школу 1 сентября 1939 году. К этому времени я выучил польский язык, умел читать, но началась война.

У нас в Дубраве евреев не было. Жители занимались ведь сельским хозяйством. В соседней деревне Медно были, но ничего конкретного о них сказать не могу.

У нас по соседству жили поляки Щуры. Мы с ними были в хороших и добрых отношениях. Но в облике можно заметить, что люди в соседних деревнях и местностях говорили, что поляки ходили, задравши нос, и говорили: «Поляк – пан! Местный житель – хам!» На что местные жители отвечали: «Хоть ты пан, а я хам, то я тебя в дупе мам! Кабы хамы не орали, то бы паны поздыхали!».

В Медно жили цыгане. Жители к ним относились нормально. Ничего конкретного не припомню.

[К межнациональным бракам относились] нормально, насколько я помню, но все равно старались выходить замуж белорусы с белорусами, а поляки с поляками.

Семья в 1928 году приобрела хутор в Дубраве. Все планы были связаны с ним.

Косик Владимир Ильич, 1925 г. р., г. Воложин Минской области

Нарадзіўся я ў мястэчку Валожын (цяпер гэта г. Валожын Мінскай вобласці) там, дзе жыў і мой бацька, дзед і прадзед. Акрамя мяне ў сям’і быў яшчэ мой брат і чатыры сястры. Сям’я за мястэчкам мела надзел зямлі, які, прыкладна, па сённяшнім меркам, быў каля пяці гектараў. Таксама было чатыры каровы, два кані, свінні, куры. Па меркам таго часу мы лічыліся зажитачнымі. Акрамя прыбытку ад гаспадаркі бралі грошы з кватэрантаў – 5 злотых за месяц. У асноўным кватэрантамі былі палякі.

Акрамя беларусаў у мястэчку жылі палякі, тады рускіх і ўкраінцаў амаль не было, не было і немцаў-каланістаў. Недалека ад нас на паўлегальным становішчы жыў адзін украінец, які не надта што скрываў адкуль ён і не скардзіўся, а нават ганарыўся, калі яго клікалі хахлом. Навогул, чалавек быў неблагі і ніхто яму ніколі ніякіх прытэнзій не прад'яўляў толькі таму, што ён украінец.

Што датычыцца беднякоў, то іх было няшмат, калі лічыць па нашай вуліцы, якая знаходзілася на акраіне мястэчка. Бедняком, напрыклад, быў наш сусед Ганько. У яго быў невялікі кавалак зямлі, карова, якую гэты чужак трымаў у хаце. Такія людзі, як ён, летам не хацелі працаваць, а зімой хадзілі па хатах з торбай і жабравалі¹. Мой бацька яго не любіў, і ён, ведаючы гэта, заходзіў да нас толькі тады, калі яго дома не было.

А хто працаваў, то і жыў няблага. Палякі падаткі бралі невялікія, напрыклад, мой бацька аддаваў за зямлю свінчо². Але і працавалі куды больш, чым цяпер працуюць у калгасах. Ды і амаль усе патрэбныя рэчы рабілі самі: абутак, вопратку³. Амаль што ў кожным двары рос вяз, з кары якога плялі лапці. Для вырабу вопраткі садзілі лён, а потым самі яго і апрацоўвалі. Апрацоўка была даволі маруднай і складанай. У мястэчку рамяством у асноўным займаліся жыды. Прадукты таксама былі свае: яйца, мяса, малако, садавіна, гародніна і г.д. Елі два разы на дзень. Паляк, які ў нас кватэраваў, еў тое ж самае, што і мы, бо прадукты купляў зноў жа ў нас. Па святах ежа была амаль такая, толькі дабаўляліся сугуба рэлігійныя стравы, напрыклад? такія, як булкі, пірог, кісель, куцця, палеўка, селядзец і інш. Адзначалі толькі самыя значныя рэлігійныя святы: Вялікдзень, Каляды. Мы былі праваслаўнымі, але хадзілі ў госці і да паляка-католіка на яго святы, а ён у сваю чаргу – да нас. Навогул, канфесійная прыналежнасць асаблівага значэння не мела. У мястэчку быў касцёл і дзве царквы, а таксама праваслаўная каплічка на могілках. Можна было свабодна хадзіць і ў царкву, і ў касцёл, але ксёндз злаваўся, калі каталічка брала шлюб з праваслаўным.

Хварэлі рэдка, да і не было калі. Лячыліся ў асноўным народнымі сродкамі, бо ў польскай бальніцы, як і цяпер у сучаснай, было больш бюракратызму, чым лячэння. Палякі ніякіх масавых медыка-санітарных мерапрыстваў не праводзілі.

У школу я прахадзіў сем зім, ды гэтага хапала. Усе прадметы выкладаліся па-польску. На перапынках вучні размаўлялі па-беларуску, на што выкладчыкі закрывалі вочы. Я і да сённяшняга часу памятаю польскі.

¹ Собіралі подаяніе, просілі милостыню.

² Свинчо – видимо имеется в виду, что за аренду земли отдавали поросенка.

³ Вопратка – одежда.

Размаўляць і разумець магу, а вось з пісьмом цяжэй. Па-рускі навучыўся пісаць толькі тады, калі прышлі Саветы, за некалькі тыдняў “пераламалі”.

У мястэчку было кіно, і мне пару раз давлялося ў ім пабываць. Паказвалі фільмы пра тое, як багата жывуць людзі ў СССР.

Розніца паміж намі і палякамі ніяк не вызначалася. Акрамя, напрыклад, таго, што палякі вельмі добра абыходзіліся з жанчынамі. Наша сям’я была ў вельмі добрых адносінах з кватэрантам-палякам, які, дарэчы, займаўся тым, што перапраўляў нелегальна эмігрантаў у Савецкую Беларусь і СССР. Туды ў асноўным ўцякалі тыя, хто тут не меў работы. Я помню выпадак, калі затрымалі такога перабежчыка. Яго прывезлі назад дамоў і прымусілі працаваць на мясцовай мельніцы (млын), бо млынар зрабіў на яго запрос. І нават пасля смерці млынара яго справа перайшла да гэтага перабежчыка (у млынара не было нашчадкаў, і ён усё запісаў на перабежчыка).

У мястэчку ў той час жыло шмат жыдоў. Яны ў асноўным займаліся рамяством і гандлем. А гандляваць яны ўмелі добра – асабліва дурыць галаву. Маладыя жыдоўкі вельмі ахвотна бралі шлюб з нашымі хлопцамі, але гэта было рэдка. На нашай вуліцы, трохі далей ад нас, насупраць сваяка жывуў хлопец, які ажаніўся з жыдоўкай. Яна перайшла ў праваслаўе і па гаспадарцы рабіла ўсе тое, што і беларускія жанчыны, нічым не выдзяляючыся. Навогуле, стаўленне да жыдоў не было варожым, бо і не было для гэтага асаблівых падстаў. Што, напрыклад, не скажаш пра цыган, якіх хоць было і мала, але іх не любілі і імі часам пужалі бліжэйшых.

Пра Савецкі Саюз і Савецкую Беларусь ведалі мала. Каб лепш цягнула радыё, адзін жыхар з вуліцы для гэтага прыстасаваў ядро ў якасці антэны. Штосьці гаварылі пра тамашня жывуць перабежчыкі, але інфармацыя ў сваёй масе была недакладнай.

Котловская (Волос) Евгения Сергеевна, 1917 г. р., д. Шени Пружанского района

Я, Котловская (Волос) Евгения Сергеевна родилась в 1917 г. в г. Уфа. В 1920 г. мы переехали на родину моих родителей – в д. Шени Пружанского района. В деревне была только одна улица, дома располагались по обе стороны дороги. Наша семья была большая – двое родителей и 9 детей, но в живых осталось только 5 сестер – все остальные умерли в младенчестве. Папа, Сергей Иванович, работал столяром, мама, Пелагея Акимовна, по хозяйству. Большинство населения было белорусами, но также было много поляков и представители других национальностей. Доход был у всех примерно одинаковый, но в деревне были и те, кого считали бедняками – у них было меньше земли, не было коровы, лошади. Мой отец пользовался большим уважением и авторитетом. Кто больше работал, тот и больше

зарабатывал. Я и мои знакомые больше всего боялись полицейских и стремились к русским.

В доме все было сделано своими руками, из дерева. Места хватало. Спали на кроватях и по двое, и по отдельности. Сложно сказать, чтобы кто-нибудь жил лучше нас, но хуже – жили. По одежде можно было определить, богат человек или нет, признаками богатства были шуба меховая, овчинная, сапоги, валенки. У некоторых были наемные работники, в основном у тех, у кого не было детей.

В основном товары приобретались у евреев. Постоянно покупали соль, спички, селедку, сахар, конфеты, одежду для молодых. Сами ткали кое-какую одежду, ковры. Основной доход состоял из денег, получаемых за продажу сельскохозяйственных продуктов, молока, сметаны, масла, скота (в основном телят), а также окон и дверей, которые делал папа.

Некоторые из знакомых уезжали за границу, кто на совсем, кто по делам. Но уезжало немного. Я ездила в Пружаны, Пинск, один раз в Брест и в Вильню. В Пружаны ездили на велосипеде, для учебы – я училась в Пружанской семилетней польской школе (1931–1933) и в Пружанской польской гимназии (1933–1936) и развлекалась. В Брест ездила на поезде со старшей сестрой к главному врачу. А в Вильню я уехала учиться – сначала в Виленской белорусской гимназии (1936–1938), а затем – в Виленском университете на химико-биологическом факультете, где закончила первый курс (1938–1939). Добираться было удобно и недорого. Отличалась жизнь только так, как отличается жизнь в деревне от жизни в городе.

Некоторую одежду покупали. Кое-что делали из самотканки (простыни, полотенца, одежду для взрослых). Обувь покупали. Недостатка не ощущалось.

Каждый день ели супы (в основном из крупы), борщ, щавель. Картошка, огурцы – наши, сало, мясо, колбаса – делали, когда резали скот, в основном это была свинина, реже телятина. Помидоров долго не было. Ели обычно три раза в день. Лакомством считались белые пироги. По праздникам готовили почти как обычно, только больше жарили, тушили, запекали. Делали колбаски из свинины, реже из телятины. В основном питание в семьях разных национальностей было одинаковое, но у каждой нации свои деликатесы. Приходилось бывать в гостях и у русских, и у поляков, и у евреев. Дни рождения у нас не отмечались. Праздновали свадьбы, крестины, все христианские праздники (Троица, Рождество, Пасха и др.). Иногда на праздники приглашали гостей.

Сложно сказать, что именно было, а чего не было. Магазины, лавки (продавались ткани, обувь), чайные, пекарня, баня – были, может было еще что. Обслуживание было хорошим. Хлеб в пекарне не покупали – пекли сами.

Лечение было дорогое, [но] за деньги можно было легко получить профессиональную помощь медиков.

В Шенях была семилетняя начальная школа, в которой я училась с 1926 по 1931 г. и закончила 5 классов. Отношение учителей к ученикам было в основном хорошее, хотя мне пришлось уехать из Пружан на учебу в Вильню, так как мой учитель занижал мне оценки и всячески не давал мне окончить обучение, потому что я не захотела перейти в католичество. Обучение велось на польском языке, потому что большинство учителей было поляками, и в школе училось больше польских детей, чем белорусских. Ученики между собой тоже разговаривали по-польски. Польский я помню, понимаю, немного могу говорить, но писать затрудняюсь. Успехов на работе и в учебе белорусам можно было добиться только при условии принятия католичества.

У меня были знакомые поляки. Родители подруг работали в администрации. Между поляками отношения были хорошие, но они считали себя выше нас – белорусов, русских, украинцев, евреев.

У меня были друзья [и] среди евреев, особенно во время учебы в Вильне, были знакомые и в Шенях. Врагов не было. Отношение ко всем было нормальное. Различий почти не было, единственное, что их отличало – стремление торговать. Были спокойнее и всегда поддерживали друг друга. Особых конфликтов не было – обыкновенные разногласия, споры, драки между детьми.

Русские среди моих знакомых были. Национальность значения не имела – отношение зависело только от самих людей. Браки между представителями разных национальностей были, но к ним относились как к чему-то совершенно обыкновенному и особого внимания не обращали.

Мы хотели воссоединиться с БССР и СССР. Информацию получали от подпольщиков. По радио ничего не передавалось.

Кротович Анна Григорьевна, 1928 г. р., д. Новосады Жабинковского района

Жили в деревне Новосады Жабинковского района. [Семья состояла] из четырех человек. Отец – Подаревский Григорий Антонович, мать – Матрена Даниловна, брат (он младше меня на 6 лет) Василий и я, Анна. Все занимались сельским хозяйством. Со всеми дружили и общались. У нас пол деревни родни.

[Самым богатым был] конечно, пан. У него было много земли, коровы и кони. Чем больше коров, тем и богаче. Например, у пана было пять коров. А кони были вообще редкостью, они были только у пана. Были у него и батраки из нашей деревни и из близлежащих местностей.

[Выглядел он] в общем, как все, но у него одежда была купленной, а мы сами себе шили. Ну, и, конечно, красивее была.

[Были и бедняки]. Жила у нас в деревне женщина с двумя дочками. У них не было земли, хаты, хозяина, который бы держал хозяйство, то есть у них не было мужика. Они ходили, побирались по деревне. То у одного переночуют, то у другого. У одного поедят, у другого что-то сделают, тот им даст поесть. Женщина ходила к пану на работу. Мы их жалели. Поэтому и давали покушать, и ночлег, когда попросят. В общем, им все помогали понемногу. Вот эта женщина и ее дочки и считались бедными.

Мы со всеми дружили. Вот только боялись, что цыгане украдут что-нибудь. Но их самих не боялись. Я никого не боялась.

Авторитетом и уважением пользовались пан и солтыс. У них была власть. Ну, и пана уважали как человека хорошего, и пани, так как они всем помогали, они же нам работу давали. А еще был у нас в деревне Демьян-сердечный человек, к нему всегда можно было обратиться за помощью, он никому не отказывал. Он бросал свою работу и шел помогать, если его просили. Он давал советы. И с молодежью хорошо ладил, им советом и делом помогал. Мы нормально жили, не голодали. За покупками ездили в Брест, ездил папа. Покупал мыло, спички, керосин. Иногда привозил булочки, очень редко. Также покупали ткань, а потом шили себе из нее одежду. У нас было две портнихи в деревне, они нам и всем другим шили. Магазин был в соседней деревне. А в нашей деревне ничего такого не было.

Приезжали в Брест, а там продавали яйца, семена, фасоль, в общем, что у себя вырастили. Никаких крупных покупок до войны не было.

Мамины братья уехали в Америку. Поехали на заработки и там остались жить.

Папа покупал польские газеты и журналы для пана, а потом брал себе почитать. Вечером собирались соседи и читали, [обсуждали разное]. Говорили о политике. Говорили, что не надо покупать землю у пана, как чувствовали. Говорили, что в России хорошо живут, ждали, что россияне придут. Папа сделал радио, поляки о нем не знали. По этому радио слушали, что говорят, как там Россия живет.

[Парикмахерской не было]. У моего отца была машинка, он стриг людей. К нему обращалась вся деревня.

У нас в деревне доктора не было. Обращались к доктору из Жабинки. Это был польский доктор, не помню, как звали, а фамилия Лясота. Доктор брал деньгами. Ну, а в деревне шепталка была, но она же не лечила, пошепчет и травок даст. Мы к доктору редко обращались. Сами травки собирали, вообще мы практически не болели.

У нас была польская 4-классная школа. Учителя были поляки, приезжие. [К ученикам относились] нормально. За провинности били мальчиков. [Учили] на польском, но дьяк, который преподавал молитву, говорил на русском языке. Ни его, ни православную церковь не ущемляли. Нас водили на католический праздник в костел, праздник назывался Ручница. Водили учителя. Это было раз в год. Мы просто приходили, смотрели и уходили.

Польский язык помню, мог говорить, читать и писать достаточно хорошо. И понимаю хорошо, что мне говорят.

Между собой ученики в школе говорили на наречии. [Оно ближе] к русскому [языку]. Мы говорили, как и сейчас в деревнях говорят. Когда пришли Советы, научились писать по-русски. После войны у нас в школе был [и] белорусский язык. Всего 1 урок в неделю.

[У нас поляки были]. Пан был поляком. У него была одежда купленная, а не сшитая своими руками. Он был богаче, а так ничем не отличался. Он и его жена относились хорошо ко всем людям. Пани устраивала на Рождество (25 декабря) елки для детей, дарила подарки. Подарки были небольшими. Немного орехов, пару яблок, пряников и конфет.

Жили 2 еврея. Один огородник, он брал в аренду у пана землю и сажал огурцы. Люди брали у него огурцы, а потом отработывали за огурцы на его земле. У этого еврея за 4 дня можно было заработать на ситцевое платье (80 грошей). Когда шли сельскохозяйственные работы, то к еврею шло больше детей, чем взрослых, так как пан больше платил, и работа у пана была сложнее. А у еврея дети собирали огурцы, пололи. А второй еврей перерабатывал пану молоко и делал сыры.

У огородника [были] 3 сына, а у молочника 3 сына и 2 дочки. Их дети с нами не общались, так как мы не виделись с ними почти, они учились в Бресте. Одевались они лучше нас. У них были чоботы и туфли, даже несколько пар.

Цыгане не жили, а приезжали на неделю или две. Среди цыган были хорошие кузнецы. Я даже познакомилась с одной цыганкой. Женщины гадали, зарабатывая этим на жизнь. К цыганам относились положительно

Лучше жилось полякам и евреям, хуже нам, так как поляки и евреи были богаче, а мы бедные.

Ничего негативного об СССР (о репрессиях, голоде, коллективизации) не знали. Мы думали, что там очень хорошо живут. Слушали по самодельному радио о достижениях в России, перевыполнении планов, это подпитывало наши положительные представления о СССР. В 1930-е годы хотели, чтобы пришли Советы. Никуда уезжать не хотели.

Курак Василий Иосифович, 1915 г. р., д. Нача Ляховичского района

Моя семья переехала жить в д. Нача (теперь Ляховичский район Брестской области), где располагалась усадьба пана Чернотского. О высокомерном отношении к нам я не могу и не хочу говорить. Местное коренное население деревни вело свое хозяйство, и только при желании ходили к пану на заработки (в зависимости от количества отработанных дней получали нужное количество злотых). Мы же, как новые жители деревни, получили от пана квартиру и, как и некоторые другие люди, считались его работниками. За работу пан платил в большинстве случаев зерном, которым мы могли распоряжаться по своему усмотрению. И корову держали. Но она была в панском статке¹, и кормили, и на выгон гоняли вместе с панскими коровами. Наше дело было отпасвить на паше², когда очередь приходила, и пойти подоить. Мой отец работал плотником, был мастером на все руки, пользовался большим уважением со стороны пана; он ценил его как хорошего работника.

Насколько помню – все были в равных отношениях между собой и по отношению к пану (те, кто постоянно работал у него и жил в его маёнтке и те, кто ходил к нему на заработки).

У нас была 4-классная школа, обучение проходило на белорусском и польском языках. Была учительница пани Марья, которая дружелюбно относилась ко всем ученикам. Если когда-либо она и могла позволить себе ударить ученика указкой по рукам, то всегда потом переживала и просила извинения.

Мама молилась на ночь перед иконой, говорила о православии, отмечали православные праздники. Но о насильственном насаждении католической веры я не помню.

Мне, 10-летнему мальчику, особенно не было дела до политики Советского Союза или Советской Беларуси. Всю информацию, которая была, я получал от своих родителей. Но больше мне запомнились разговоры о ведении панского и своего хозяйства, нежели о Советской Беларуси.

Наша тогдашняя жизнь не была такой легкой и свободной, как сейчас, но все, что было необходимо для жизни, у нас было. А от пана мы чувствовали больше поддержку, чем ущемление прав.

При слове «еврей» мне вспоминаются лавки с многочисленным товаром. Помню, как с мамой ходили выбирать ситец на рубашку. Продавец-еврей был очень услужлив. Он вежливо предлагал, показывал весь ассортимент товара, разложил перед нами столько ткани разной расцветки, что глаза разбегались, хотя мы собирались покупать не так уж много, и он об этом знал. А еще помню, что у евреев всегда можно было

¹ Статок – стадо.

² Отпасвить на паше (диал.) – отпасти на лугу.

одалживать денег. Хотя они потом взимали проценты, но одалживали любую сумму. И с теми людьми, кто вовремя возвращал деньги, они были лучшими друзьями, поддерживали хорошие отношения. К тому, что торговцами были в основном евреи, я отношусь положительно. Мне кажется, что это их прирожденное занятие, и никто другой не смог бы лучше выполнить их работу. Да, они были богаче других, но они работали на это богатство.

Образ тогдашнего еврея – разговорчивый, вежливый, услужливый, нежадный торговец, который одинаково относиться и к белорусу, и к еврею. Образ белоруса – трудолюбивый, работающий на земле в поле и в лесу, человек, хозяин своих рук, которые его кормили и поили, за счет которых он жил. С образом тогдашнего украинца я познакомился позже, после войны, когда женился на украинке. Оказалось, на Западной Украине жили так же, как у нас, различий было немного. Меня поразил один случай: брат моей жены в разговоре со знакомым евреем сказал ему, что жениться необязательно, ведь Мать Божья тоже не имела мужа и жила свято. Еврей принял такое сравнение за богохульство и донес на Степана в полицию. Около 2-х месяцев он отсидел в заключении. Здесь и раскрылась одна из отрицательных черт евреев, о которых так часто говорят, но с которыми лично мне не пришлось столкнуться.

Лукьянчук Петр Лаврентьевич, 1927 г. р., д. Охово Пинского района

Родился и жил в деревне Охово Пинского района. Старший брат Адам (1926 г.р.) – погиб уже после войны (в 1945 г.), когда добивали банды (бандеровцы). Отец Лаврентий и мать Христя были достаточно богатыми – было много земли, 4 коня (большое хозяйство).

В 10 лет пошел в польскую школу, которая находилась в одном из сельских домов. Закончил 5 классов (обучение велось на польском языке).

Состоятельным человеком считался тот, у кого было много земли, лошадь, корова. Бедными были те, у кого земли не было или было мало, те, у кого не было сельскохозяйственных животных. Жить было тяжело, приходилось много работать, а те, кто работал, жил как все. Дома большие имели поляки, но многие жили достаточно бедно. Тех, кто не хотел работать, не любили. Тем, у кого детей не было, старикам (не было сил) помогали: кто конем поможет, кто молоко принесет.

Дом был как у всех – деревянный, с соломенной крышей. Спальная комната, в другой находилась печь, стол с лавками, возле печи деревянная кровать из досок (на лавку похожа). Была каморка – хранили зерно, муку. Лавки и столы делали сами. Соседи по-всякому жили. У кого скотина была (конь, корова), хозяйство какое-нибудь, тот и жил лучше. Основным богатством была земля. У нас земли хватало, 4 коня было. Жили не бедно.

В деревне поляки лавку открыли (в хате находилась), покупали в основном соль и спички. Иногда в город Пинск ездили по хозяйству что-нибудь купить, или сами продавали (яйца, молоко). Покупали сапоги, но редко (ходили в лаптях). Большой покупкой считалась скотина (корова, лошадь). У нас самой большой покупкой был велосипед (мало у кого был, редкость). Ездили в город Пинск на заработки (к жидам в основном): дрова рубали, по хозяйству работали за деньги. Основным транспортом был конь, у кого был велосипед тот на нем ездил, а так пешком ходили (город рядом находился).

Носили самотканую одежду. Шили сами. Недостаток в одежде был постоянно – ткани дорогими были. Обувь была не у всех. В церковь шли босиком, а уже в самой церкви обувались. Ходили в лаптях.

Ели свои продукты: картошка, яйца, сало. В основном 3 раза на день ели (но случалось по-всякому). Поляки жили богаче, поэтому и стол был накрыт побогаче. В самой деревне евреев не было, но много было в Пинске. Праздновали в основном религиозные праздники. Свадьбы, именины отмечали с родственниками (гостей почти не приглашали).

Читали мало (многие не умели). Если читали, то на польском языке.

К врачу обращались. В деревне был свой врач (Ткачик звали). Расплачивались кто деньгами, кто салом, кто яйцами (по-всякому).

В деревне работала польская школа. Обучение велось на польском, поэтому польским языком владел (свободно читал, писал, говорил). Между собой общались на местном языке (белорусско-польский диалект). Различий между национальностями не было (жили дружно). На русском научились писать уже только после войны.

Полиции в деревне не было. Если что, то обращались к старосте. Кино и театров в деревне не было (были в Пинске, но не посещал).

Среди поляков были знакомые. Они отличались тем, что одежда у них была богаче (вообще жили лучше), а мы шили сами. Работали у поляков, получали деньги, поэтому отношения были нормальными (злобы не чувствовали). На скот цены были небольшие, но народ жил бедно, поэтому покупали мало.

Были браки между поляками и белорусами. Польские родственники к ним относились плохо, так как народ местный был беден и поляков это не устраивало. Местные же с радостью относились к этому.

Узнавали о Советском Союзе в основном из города Пинска. Жили слухами (газет в деревне не было). Относились к нему не очень хорошо (плохо), так как там забирали землю, а земля для нас основное богатство.

Лукьянюк Владимир Васильевич, 1929 г. р., д. Ерёмичи Кобринского района

Родился я 16 января 1929 г. в д. Ерёмичи. Мой отец родился в д. Ерёмичи и работал бухгалтером в Ерёмичском сельсовете. Мама сама из России, не помню деревни, где-то в Саратовской области. Познакомились, когда отец служил в царской армии в России. [В семье еще были] старшая сестра (1923 г.р.) и два брата: Николай (1925 г.р.) и Иван (1927 г.р.). [Семья] жила не бедно. Было 5 га пахотной земли и 4 га пастбищ. Держали лошадь, две коровы, овец. Не голодали. Ничего не покупали. Только когда сдохла лошадь, то продали одну корову и купили лошадь, потому что надо было обрабатывать землю.

У кого было больше хорошей земли, кто держал паробков, у кого было больше скота [тот считался богатым человеком]. У нас в деревне было два таких человека: Михалюк Андрей и Каштелянчик Роман. Первый с приходом советской армии был вывезен в Россию, после войны вернулся и потом жил в деревне. Был очень богатым и «жадным на водку». Очень сильным был, помню, моя сестра работала в магазине, и там стояли два мешка соли. Так он одной рукой взял этот мешок, а второй только приподнимал.

[Бедняками считали тех], у кого было меньше 5 га, ну, примерно 1–2 га. Хотя получается и не совсем бедняк, но и не богатый. Допустим, [было] 5 га пахотной земли: [а на них] – двое старых, трое детей. Нужно потом разделить землю между детьми, если не на что купить, то примерно по 1,5 га да и того не будет. Но ведь и не скажешь, что у него совсем уже ничего нет.

В 1914 г. родная сестра отца уехала в Америку на заработки и там осталась. Многие уезжали, потому что хотели что-то заработать, чтобы землю купить. Михалюка брат тоже уехал.

[Помню] юмористический журнал «Перец»¹ на украинском. Помню, нарисовано было: стоит забор, а на колышках забора висят горшки, из-за забора выглядывают люди, где ссорятся жена и муж, и снизу написано: «До шлюбу він гаворыць, а вона слухае, пасля шлюбу вона гаворыць, а він слухае, а рік пасля вячання обае крычаць, аж суседзі слухаюць». А больше ничего не помню.

У нас в деревне находилась школа и была единственной на всю округу. Сначала была начальная, а потом стала семилетней. У нас школа была хорошая, большая, еще при Польше построенная. Строили школу два еврея – Хайно и Юдель. Зал был очень большой, часто приезжали с концертами, помню, кукольный театр приезжал из Польши. В воскресенье танцы там были. И поляки, и белорусы там танцевали. С дальних деревень приезжали. У нас даже в старой хате ночевали.

¹ Автор помнит советский журнал «Перец».

[В школу пошел] в 7 лет. Когда мы немного шалили, учительница ругалась и кричала: «Хамы, быдло!». Но были и инспекторы, которым можно было пожаловаться, то учителей наказывали. Они совершали проверки. Детей было много, потому что в школу ходили дети со всех близлежащих деревень: Минянки, Евсимович, Гороудроч, Полесья и других. Учили на польском. До сих пор хорошо знаю польские буквы, писать могу. Учителей помню: одна учительница Кошилевич Турка Никумовна жила за нашей старой хатой, потом перебралась на хутор. Семья Сковронских: муж немецкий хорошо знал, а жена русский. Уехали в конце 1945 г. в Польшу.

Отношения между белорусами и поляками были хорошими. На переменах играли вместе в мяч, в «ярки»¹. Иногда дрались. Я тоже любил драться. Один поляк был старше меня на год, а я его набил. Он начал плакать. Подошел учитель и спросил его: «Цего плачешь?». – «Пани, мне Владык набиў». – “Цо таки малы цябе набиў”. Иногда бывало и дразнили поляков. Сына польского полица, Здисека, часто пугали, потому что боязливый был. А вражды такой сильной не было.

Жила у нас одна еврейская семья. Были очень бедные. Гершко сапожничал, кому что подремонтирует, что пошьет. Жена Фейга. Было у них трое детей: две дочери Розалия (в деревне называли Рохля) и Уся, сын Нохим. Была семья очень хорошая, им помогали. И когда делили землю при поляках им совсем маленький кусок дали, то он снял шапку и со всей силы кинул ее на землю и сказал: «Моя хата и в заду дверь». Ему почти возле самих дверей небольшую полоску, а за домом немножко больше. Во время Второй мировой войны их всех согнали в Кобринское гетто, где они и погибли. Только сын остался жив, так как когда родителей и сестер забирали в гетто, его уже в деревне не было. Его отец говорил: «Я доволен, что мой Нохим на Москва²». Не знаю, то ли в армию ушел, то ли сам уехал. Может быть, даже погиб, потому что о нем ничего не было слышно. Помню, над ним пацаны издевались: брали сало (а по их вере им сало есть нельзя было), ловили его и губы салом намазывали, а он плевался.

Межнациональных браков не было. Нет, такого не было. На еврейке никогда не женились. У них своя вера, а у нас – своя.

Кое-какие слухи об СССР доходили. Одна женщина рассказывала, что ее сестра (жила в России) как-то приютила соседского мальчика, накормила, тогда был голод, суп-то из колосков³ был, ну и этот пацан

¹ «Ярка» – ямка, лунка для игры в мяч.

² Так в тексте, автор цитирует русскую (неправильную) речь еврея.

³ Респондент намекает на знаменитый «Закон о колосках». 7 августа 1932 года в СССР был принят закон об охране социалистической собственности – расхитители

донес на нее. Что было, у нее конфисковали и дали 5 лет тюрьмы. Про Сталина говорили, Кирова. Помню, как Сталина дразнили в народе – «гуталинский»¹.

Ляшук (Зарецкая) Мария Ивановна, 1926 г. р., д. Чернаки Каменецкого района

Самые ранние воспоминания мои относятся примерно к 1930–1931 гг., когда мне было 5 лет. За год до этого у нас сгорел дом (его спалил мой младший брат), и поэтому мы перешли на другую землю и строили новый дом. Это были тяжелые времена, не хватало еды и одежды первое время, так как все сгорело. Мои родители смогли спасти документы и некоторые ценные вещи. В нашей деревне было не слишком много поляков, приблизительно 15 семей. Все эти семьи были более богаты, чем семьи белорусов и евреев. К полякам я сохранила хорошее отношение и по сей день, потому что 2 польские семьи помогали нам. Они жили недалеко от нашего нового места жительства. Мы бегали к ним, и они давали мне и трем моим братьям еду, а иногда и ненужные вещи, которым мы очень радовались, потому как родители не могли такого позволить. Мы не ощущали к себе никакого презрительного отношения, мы вместе играли с их детьми на кринице². У некоторых польских семей были батраки, которых они нанимали среди жителей нашей деревни (в конце деревни жила семья, в которой было два уже взрослых ребенка (по 15–16 лет), они работали на семью Кубацких. Отец этого семейства был помощником солтыса (старосты деревни). О том, что поляки плохо относились к наемным рабочим, я сказать не могу. О них я знаю немного, так как они держались всегда отдельно. Даже когда мы играли все вместе, то еврейские дети редко к нам присоединялись. Однажды осенью я, мои братья (Павел, Василий, Владимир), 2 мальчика-поляка (Марек, а имя второго не помню), брат и сестра (евреи – Геля и Ева) пошли в молодой лесок поиграть. У мальчишек оказались спички и мы стали жечь сухую траву. Игра окончилась благополучно, но когда мы вернулись в деревню, нас встретила мать Марека и его брата и сказала, что с Гелем и Евой нам играть нельзя, что они нас хорошему не научат. Мы не очень расстроились, у нас и так была большая компания.

В нашей деревне была маленькая школа. В ней учились дети до 4-го класса. Когда я пошла в школу, мне было не слишком трудно воспринимать польскую речь (я ее неоднократно слышала с детства и даже

государственного, колхозного и кооперативного имущества приговаривались к расстрелу с конфискацией имущества или садились на десять лет.

¹ Возможное значение прозвища – «черный», «ядовитый».

² Криница – родник.

могла немного говорить). Наша учительница (называли «выкладачка») говорила с нами по-польски. Она мне запомнилась доброй и красивой. В праздники она угощала нас сахарниками (леденцы из топленого сахара), которые сама готовила. Еще она рассказывала нам смешные стишки на польском языке. Ее звали пани Мавгоша. Кроме нее, в нашей школе была еще одна учительница-полячка, но мы ее боялись, так как она была детей указкой по рукам, если те отвлекались. Она вела 2-й параллельный класс. Еще я помню, что мы очень тщательно готовились к католическому Рождеству (разучивали песни о Боге, Иисусе Христе, Деве Марии, делали из бумаги игрушки-украшения, из разных природных материалов делали поделки). Помнится мне еще одна наша поездка в костел (д. Пашуни, примерно 15 км от д. Чернаки). Мы ездили с пани Мавгошей, когда учились в 4-м классе. Мне эта поездка очень понравилась. Внутреннее убранство костела нас очень удивило (статуи Иисуса Христа, Девы Марии, красивые иконы, ксендз очень улыбчивый).

В то время мое отношение к Советскому Союзу и Советской Беларуси еще не сформировалось, так как мне еще было немного лет. Информация в основном распространялась через сельские сходы, которые проводились каждую субботу вечером. Детей туда не пускали, а мы иногда толпились под окнами сельского клуба и пытались подсмотреть и подслушать, о чем говорят взрослые.

Я никогда не слышала, чтобы мои родители жаловались на поляков. В нашей деревне поляки были дружелюбны, они даже давали в долг продукты и некоторые иногда давали инвентарь на время. Помню только, что отец рассказывал, что во время собраний в сельском клубе, если было слишком много людей, многие стояли вдоль стен, но среди стоящих никогда не было поляков – они всегда сидели в 1-х рядах.

[Но я помню], что поляки не очень хорошо относились к евреям, равно как и евреи к полякам. Они старались игнорировать друг друга и общались только по необходимости. Мама мне говорила, что еврейские семьи в нашей деревне приезжие. Но яркого проявления антисемитизма я не припомню. Только в школе их дразнили из-за характерной внешности. Евреи были достаточно богаты, но не богаче поляков. У них всегда было все как-то аккуратно. В нашей деревне один из евреев шил сапоги, делал конскую подпругу. Он это делал хорошо, как никто другой. Поэтому, когда убивали животное, сдирали с него шкуру и несли ее к нему, он ее выкупал или обменивал. А еще один еврей был ковалем (кузнецом), он подковывал лошадей, делал гвозди. Когда мне было уже 12 лет, произошел такой случай. Мой отец подковал лошадь у другого кузнеца (не еврея). Через некоторое время лошадь начала хромать и отец повел ее к еврею-кузнецу, чтобы тот снял подкову и сделал новую. Он снял подкову, сказал,

что нужно делать. Через неделю нога коня зажила, и отец подковал его у этого еврея-кузнеца. Отец был очень рад.

В нашей деревне жило достаточно много цыган. Мне рассказывала мать, что цыгане часто ходили по деревне и просили местных, чтобы те отдавали им больных свиней, коров, птиц; они их убивали и ели. Жили цыгане в самом конце деревни в ужасных домах (с огромными щелями, с земляным полом).

Магер (Гарах) Рауса Алексеевна, 1925 г.р., д. Степанки Жабинковского района

Я в деревне родилась. Деревня называлась Степанки Жабинковского района и сельсовет Степанки. Родители мои простые крестьяне. Всю жизнь занимались земледелием. При Польше, при Польше было очень трудно жить. Потому что, вы знаете, были разные налоги за землю. То, что платили налоги – это ясно. Вот я вспоминаю: приедет (как они там называются? Я уже сейчас не помню) приедет, посмотрит труба на крыше не покрашена, уже было это...А денег-то не откуда было брать. Это не то, что теперь можно на рынок было, сразу после войны или теперь продать масло или что, а тогда этого не было. Ну, что? У нас рядом, с нашей деревней Степанки, жил помещик. Это были – Шпытали, Шпытали (так называли этого пана) холостяк был, Янэк. Я не ходила, но сестра моя ходила туда на работу. Усе, вот допустим, молодые люди кому надо было подзаработать, ходили к нему на работу. Ну, подзённо ходили, не то, что...день пойдёт или нет – это уже другой вопрос. Ну, что ещё такое запоминающиеся? У этого пана был, ну, сейчас он кажется небольшой лесок, ну он, видимо, протяжённостью 2 км, ну, ширина может – 1,5 км. Когда-то ходили туда по ягоды, по грибы. Особенно по ягоды. Знаете, больше нигде леса не было там. И сестра меня, старшая, взяла с собой. Взяла с собой, а там же, так ходил, назывался такой – лунаныль¹. Не знаю, как его на русский язык перевести. У его литровая банка такая была, кружка специальная, как тебя встретит в лесу – всыпь ему банку ягод. Пять раз тебя встретит – пять раз ему эту банку. А я вот, как сейчас помню ... ещё ж совсем молодая была, Господи! Дитё! Села где-то, что-то там закапризничала и начала плакать, кричать, сестра моя умоляет, чтобы звук, что бы не призывать этого. Ну, в общем, такие дела были. Дальше к этому пану, ну у его там никто не жил, с нашей деревни. У его там свои жили, у этих – бараках, как они там раньше назывались? Вот как теперь барачные бывают, кое где ещё, как сараи низкие, разгородженные, там они жили. Ну,

---

¹ Так в тексте.

так они иногда в деревню в церковь, потому что у нас в деревне церковь, в церковь приходили. А так, туда молодёжь не ходила.

Самая крупная покупка до войны? Помню, когда в Жабинку меня завезли, там были все магазинчики, в основном торговали только евреи и зазывали. И вот, значит, мне купили к Пасхе туфли. Туфли за 5 злотых – это очень дорогие туфли! Но, видимо, они на 5 размеров роста были больше, на вырост (смеётся). Потому что, как правило, ходили босиком. Эти туфли, я не знаю, одевали только по особым праздникам. Ну, а вы говорите, что богатых? Богатых в нашей деревне особо не было. Потому что не у кого там, ну, допустим у моего отца было 5 га земли. И ни у кого много земли не было. У нас церковь, батюшка был, у его была церковная земля и мы тоже ходили работать, сестра моя ходила работать, и отец там брал полоску, допустим, засеет часть себе, часть батюшке отдаёт. Ну, а так, чтобы были такие, что голодали – были. У нас, я не хочу сказать, всегда хлеба было много, всегда. А были такие, что голодали. Ну, это немножко, что ли, поленивались. Не любили работать, но было в деревне много таких, что голодали. Не хватало хлеба до нового. Это было.

Лечились? Я не знаю. У нас в соседней деревне был фельдшер, за 4 км. Он, видимо, лечил весь район. Потому что больше никого не было. В Жабинку никто не ездил к врачу, только к этому, в Сихновичи, к этому фельдшеру. Они все, все хворели. Что б какие-то гулянки. Боже упаси! Ничего не было. Никакой ни водки, ничего. А за какой-то там самогонки, не пишите. Та даже и понятия не имели, потому что не с чего её делать. Ну, вот праздник был большой, самый большой, как мне сейчас помнится – это Пасха. Вы знаете, такой специальный плетённый короб был из соломы. Довольно ёмкий. Туда уже целый окорок готовила мама. Клали колбасу, яйца (много), белый хлеб (пирог пекли), этот полный короб и носили в церковь святить. К этому празднику обязательно какой-то подарок. Вот этот подарок – книжку, видимо и купили к Пасхе. Да уже как-то и не помнится. Ходили колядовать, но это ходили уже постарше. Под окно подойдут и начинают шуметь: хто госпадар – хороший или плохой, я уже не помню даже, какую там песню пели, но что-то пели такое, чтобы колядовать дал. Ну, выносили хто, что имел там. Там – колбаски кусочек, там – пирога кусочек, потому что денег не давали. Тогда не было денег, чтобы рассчитываться деньгами, тогда не было такого понятия. А так...

[Газет и журналов не было]. Это, как говорится, «зелёного понятия» не имели. У нас были политзаключённые. Так вот я помню, один вернулся у нас, их несколько было в деревне. То уже считалось, что О! Он грамотный! В тюрьме им там давали книги, читали, учились, как говорится. А в деревне – не (с большим отрицанием), что вы?

У нас рядом, с нашей деревней, жили поляки-осадники. То, что их за какие-то заслуги, военные польское правительство наделяло, им большие участки отводились, сколько там – не знаю, но большие. И они жили обособленно. Только поляки были. Ну, у нас там был, в этом, я там знаю, один из осадников, то был кузнецом. Ну, а так они обособленно, отдельно. В церковь они не ходили, потому что они поляки. А у нас в деревне церковь и сельсовет, у нас всё, в нашей деревне, потому что большая деревня.

[Евреев в деревне не было]. Даже в нашей деревне и поляков не было. Только, как говорится, чистые белорусы. Другое дело, были баптисты, это вероисповедание. И то, их там, видимо, семей 5, а остальные православные.

Что б богатых таких, кулаков, у нас не было. Были больше такие, что хватало хлеба. От старого до нового, от нового до старого. А так, что бы особо богатые, то не было. Серядники жили.

Была школа и у нас в деревне. В частном доме. Я в её ходила. Но надо было учиться 7 лет, а семилетки там не было, там было 4 класса. В-первом – 1 год, во втором – 1 год, в-третьем – 2 года, это уже сколько, 4 года? И в-четвёртом – 3 года надо было, 3 года в четвёртый ходить, что бы было 7 лет. Вот это обязательно. Вели только на польском языке, только! Я ещё помню, что в первых классах была женщина, то ничего. А вот последнее время, у нас был мужчина – поляк, знаете, то он девочек не бил, а мальчиков – бил. У его была о такая резиновая, как вам сказать, лапа. Как начнёт этой резиной бить – это очень больно. Ну, а меня он не называл Раиса или как-то, то я чуть не плакала ходила. Меня он называл – Райза. В общем – только, только на польском языке. И, Боже упаси, чтобы по-другому. Ни белорусского, ни русского. Естественно, на переменке говорили по-своему, по-деревенски, понятно.

При Польше, до 39 года, тут была Польша, то ничего не знали. А репрессии всё время при Польше были, кто сочувствовал советской власти, ну, как их тогда называли? Ну, в общем – борцы за свободу (смеётся), как можно так выразится. И очень многие с нашей деревни: брат с сестрой, человек 2–5 – ушло пешком. Переходили границу. Перешли, советская власть задержала и посадила. Один только вернулся, а остальные и пропали. Ну, а тут всё время одинаково было. А когда сразу. Ну, при немцах, так это было вообще – очень страшно, потому что у нас там рядом деревню рядом сожгли. Как на телеге эти кости везли... Это ж страшное. С людьми сожгли. Осталась только одна моя ровесница. В 41 году мы с ней вместе, в Жабинке, в школу ходили. Она поехала в соседнюю деревню, к крестной, она осталась жива.

Малика Иван Владимирович¹, 1931 г. р., д. Ивязь Дятловского района Гродненской области

Калхозаў тады яшчэ не было. Усе жылі асобна адзін ад аднаго. У весцы абраблялі зямлю, якая была парэзана палоскамі. Гэта з'яўлялася асноўным заняткам амаль для ўсіх. Лішні хлеб прадалі на базары. Напрыклад, такія базары былі ў в. Моўчадзь, в. Дварэц. Кожны дзень базары чаргаваліся па раёне (сення ў адной весцы, заўтра ў другой і г.д.) Усе знаёмыя, родныя і суседзі таксама абраблялі зямлю. Больш за ўсе сябравалі з роднымі, якія маглі жыць і ў іншых весках. Заможным лічыўся, напрыклад, чалавек, які трымаў мельніцу, затым жонц² (чалавек, якога наймаў пан для догляду свайго лесу), ляснік, солтыс (начальнік па весцы). Прызнак дастатка – у каго больш зямлі і харошай, наемныя парабкі. Часта бывала так, што яны жылі ў пана лепш, чым мы на сваёй зямлі, бо іх кармілі і інш. Адсюль – у каго мала зямлі было, той лічыўся бедным.

Паважалі больш спецыялістаў (напраклад, кузняцоў, сталяроў, плотнікаў). Старанілісь солтыса, таму што меў уладу і мог данесці за якія-небудзь парушэнні. Баяліся пана: ён мог у тым выпадку, калі вясковыя каровы залезлі ў яго поле, прыказаць парабком забраць тых кароў. А аддаваў іх пасля таго, як уладальнік каровы адробіць некалькі дзён на яго полі. Не любілі і лясніка, бо праганяў з лесу, які яму належаў. Мог нават забраць назбіраныя ягады ці грыбы.

Летам збіралі ягады і вазілі іх продаваць у Дварэц (часцей жыдам). Восенню жалі, а зімой пралі кудзелю, ткалі кросны, малацілі зярно, пяклі хлеб і даглядалі жывёлу.

Грошай не было. Што наткуць, з таго і шыюць адзенне. Пастаянна куплялі соль, мыла (якое маглі часта самі рабіць), запалкі, а так больш нічога не куплялі. Мэблю, як і адзежу, рабілі самі. Дарагім таварам лічыўся керасін. Знаемыя ездзілі, напрыклад, у Амерыку, Францыю, зарабіць грошы (але калі закрылі граніцу, не маглі вярнуцца да дому). Самі хадзілі ў госці да родных, на кірмашы, але толькі на дзень, бо трэба было вяртацца да працы. Амаль ніякіх адрозненняў паміж вёскамі не было. Былі вескі, якія спецыялізаваліся на якім-небудзь адным рамясле (напраклад, у в. Дукрава выраблялі кірпіч, гаршкі, збанкі³; рабілі коміны, але іх была невялікая колькасць).

[При поляках] ніхто ніякіх газет не выпісваў, ды іх і не было. Многія ўвогуле не ўмелі чытаць. Навіны атрымлівалі ад суседзяў.

На нашу веску была лаўка, у якой прадавалі керасін, соль семачкі, цукеркі, белы хлеб, напіткі. Уладальнікам яе быў больш-менш грамацейны

¹ Інтэрв'ю записано на беларуском языке.

² Жонц – в значении управляющий.

³ Збанок – глиняный кувшин.

чалавек, які валодаў і грашыма, каб трымаць гэтую лаўку (часцей гэта былі жыды).

Дактары былі, але лячэнне ў іх каштавала вельмі дорага. Напрыклад, неабходна было прадаваць каня, усе тое, што наткуць. Да гэтага да ўрача звярталіся рэдка. Ад воспалення чалавек мог памерці цераз 3 дні. Ды і прычын хваробы ніхто не ведаў. Казалі, што памер “ад жывата”.

У кожнай весцы была школа па 7 класаў, якія размяшчаліся ў розных баках вёскі. А ў Раготна школа была на 4 класы. Навучанне было на польскай і беларускай мове. Настаўнікі маглі біць вучняў, ставіць на калені на грэчку. Яны не неслі адказнасці за вучняў. Да праваслаўных у школу адзін раз у тыдзень ездзіў бацюшка. Ен чытаў і вучыў дзяцей малітве. А да каталікоў прыезджала катахэтка¹. Сам я закончыў чатыры класы. Польскую мову ведаю не вельмі добра, але на слых разумею. Усе былі беларусамі і паміж сабой гаварылі па-беларускі. Па-рускі навучыліся пісаць толькі пасля вайны.

Яўрэяў у нашай весцы не было. Але ў суседзяў в. Боркі жыла адна сям’я. Адрозненняў ні ў чым не было, за выключэннем толькі таго, што цесна адзін аднаго трымаліся.

[Межнациональных браков не было]. Такіх саюзаў не было (яўрэі не дапускалі ў сваю сям’ю іншых).

Жыды пры Польшчы жылі лепш за беларусаў і іншых, бо займаліся рамёсламі і мелі магчымасць больш за ўсіх таргаваць. Адсюль мелі больш грошай і нават золата.

Ніякіх пераездаў не планавалі, таму што, па-першае, не было сродкоў на што ехаць, а, па-другое, не маглі кінуць свайго дома і зямлі.

Марчук Анна Григорьевна, 1935 г. р., д. Лахва Лунінецкаго района

Члены сям’і былі крест’янамі. Занімаўся полевымі работамі. Близкіх адносін с суседзямі не было, таму што многа работалі, і на абшчэне не оставалось времени. Мой отец (наша сям’я) считался состоятельным человеком. У нас была земля, 3 коня, телята и другой скот. Мы никогда не голодали, у нас всегда был хлеб, а в голодные годы мы хлеб продавали. Земля считалась признаком достатка, тот, у кого ее не было, был бедняком.

Наибольшим авторитетом пользовались те, у кого была власть и деньги. Представителей власти боялись.

В то время практически денег не было, для себя мы все делали сами (пряли, ткали).

Газеты не выписывали.

¹ Катахэтка (от «катехизис» – поучение, наставление) – учительница, разъяснявшая основы католицизма.

В деревне были бани и мастерские. Товары были привозными, чаще из Столина. Вместо денег у нас были пшеница и ячмень.

Врачами в основном были евреи, за лечение мы им платили продуктами (сало, яйца).

Были польские школы (сначала было 7 классов, потом 10). Учителя к детям относились хорошо. Обучение велось на польском языке. Мой муж (родился в 1928 г.) обучался в польской школе, умел писать, читать и хорошо говорил на польском языке, писал письма знакомым в Польшу.

Научилась писать по-русски, когда пошла в школу, тогда у нас не было тетрадей и почти не было книг; один букварь был на несколько человек. Писали на обоях, которые срывали со стен в заброшенных домах.

Поляки в деревне жили. В деревне евреев было много. Одевались они лучше нас. Часто держали свои магазины. Ездили в другие города на заработки. Отношения с белорусами были неплохими.

Межнациональных браков не было, потому что они не приветствовались.

Мой отец дружил с евреями, мы жили с ними по соседству.

Польская власть была не вредная, при ней было одинаково хорошо жить и евреям и белорусам.

Помню, были голодные годы, но наша семья не голодала. Но по соседству жила бедная семья, у которой не было еды. Летом они рвали крапиву, варили ее и ели. У них в семье было 10 детей, и как-то только за одну неделю у них умерло 3 человека. Моя мама их иногда подкармливала.

Мишевич Степан Иванович, д. Дивин Кобринского района

Родился в Дивине в семье крестьян. Наша семья считалась батраками, так как мы имели 1,5–2 га земли. В эти 1,5–2 га входили и пастбище, и огород, и непригодная для огорода земля. Некоторые в нашей деревне имели 10–32 га. Их называли хуторщиками. Наша семья была почти нищая, несмотря на то, что имела корову, лошадь, поросят, кур. У более зажиточных соседей было по 8–12 лошадей и коров. Многие, не имея лошадей как тягловую силу, использовали волов. Что касается дружбы, то обычно бедные дружили с бедными, а богатые с богатыми. Иногда у бедных крестьян не было продуктов, чтобы испечь пасхальный кулич, и они прибегали к хитростям: например, брали гриб (чагу), который растет на березе, облепливали его тестом и запекали. Таким образом получался красивый пасхальный кулич, но не совсем съедобный. Состоятельными были польские осадники: Костка, Войчак, Грабовский, Чехановский, Качнарек, Даманский. Они держали маентки, нанимали крестьян. Что касается того, бесплатно или нет, то паны неплохо платили за работу, 1,5–2 злотых за рабочий день. Паньы даже просили местных о

помощи в своих маентках. Здесь люди жали, косили, молотили и так далее. Иногда поляки могли рассчитывать рожью, кстати, пуд ржи стоил примерно 1 злотый. Инвентарь на работу брали в основном свой, так как каждый уже привык к своим орудиям труда, но, конечно же, у поляков был и свой инвентарь, который можно было использовать.

Что касается признаков богатства, то, конечно же, это земля, скот, а также в доме шкафы (которые были редкостью), скрины-сундуки (особенно расписные).

Бедняками у нас называли безземельных батраков, которые имели только дом без земли, либо и того не имели. Они, как правило, ходили от дома к дому и нанимались на работу за деньги, пищу, одежду и другое.

Большим авторитетом в Дивине пользовались священники и псаломщики. Это были высокоуважаемые люди. Они были очень грамотными, вежливыми и всегда желанными людьми. Презирали в нашей местности только воров.

В основном жили за счет подсобного хозяйства. Покупали только иногда льняное полотно, шерсть, сукно с овчинки. Что касается пищевых продуктов, то все это было свое, разве что покупали соль. В Дивине были магазины, которые держали евреи. Евреев было много, около 80 домов. Все они располагались в центре, рядом друг с другом. Что касается общей численности домов в Дивине, то мне трудно сказать: может, тысяча, может, две. Магазины у нас называли лавки. Евреи продавали все что угодно для хозяйства. Даже если кто не мог рассчитаться сразу, то была возможность взять на вексель. Без процентов, конечно. Лишь бы брал, а рассчитаться можно было попозже. Поэтому отношение к евреям было хорошее. Что касается количества магазинов в Дивине, то, если мне не изменяет память, было три еврейских и один польский (держал Павлевич).

Скорее всего, никаких журналов и газет никто не читал. Люди были неграмотные и ничем не интересовались, кроме своего хозяйства.

Была одна корчма, ее держал Павлевич (поляк) в центре. Была и баня возле синагоги. В баню ходили, как правило, богатые или, может, правильнее будет сказать, люди более культурные, те, кто не был тесно связан с землей. Я к тому, что крестьяне в баню не ходили. Была и пекарня. Ее держал православный крестьянин. После выпечки реализовывал свою продукцию в ларечке. У него был любой хлеб: и белый, и черный, и булочки. А вот цен не помню. Была и фотомастерская у баптиста в доме. А вот, например, псаломщик Мандюк (фамилия) и Баврыльчик (по-уличному) владели озером Любанью. Они его выкупили, ловили рыбу и продавали. Другим людям ловля разрешалась, но только удочками. Был в Дивине и рынок. Там продавали все, что угодно, и скот, и сладости, и полотна, и инвентарь. Хорошо помню леденец- петушок, стоил

20 грошей. Что касается выезда за границу или за пределы села, то были случаи отъезда в Америку на заработки. Ехали на один год, два года, а потом на пять. В основном возвращались, но были такие, что и не возвращались. Почему? Трудно ответить, возможно, там было лучше или может наоборот. А за пределы села люди не особо ездили, так как все главное было здесь, дома: хозяйство, скот, земля и так далее. Помню иногда кое-кто в Кобрин за солью ездил, а кто и пешком ходил.

[В случае болезни] обращались к врачам. Прием стоил два злотых. У нас, помню, был один врач и один фельдшер. Какого-то специального учреждения не было, все к ним ходили прямо домой. По национальности они были поляками. А относились к больным хорошо, вежливо и лечили хорошо.

Была у нас семилетка (польская). Обучение было на польском языке. Изучали такие же предметы, как и сейчас: математику, физику, географию, физкультуру и так далее. Обязательным был польский язык. Отвечали обязательно на польском языке. Были и наказания. Существовала «лапа», то есть били линейкой по ладоням. А, например, за невыполнение домашнего задания заставляли говорить 100–200 раз «Я естэм глупы», то есть я глупый. В школе общались в основном на польском. Я до сих пор отлично владею польским языком и неплохо знаю грамматику. Я закончил 4 польских класса. Кстати, насколько я знаю, вы сейчас в школах не изучаете религию, а мы «при Польше» изучали [как] предмет религию обязательно: польские дети – католическую, православные – православную, еврейские дети – еврейскую. Никаких притеснений на религиозной почве не помню, учителя уважительно относились ко всем религиям. Отношения между учениками тоже были теплые, то есть разные национальности дружили. А по-русски я научился писать с приходом советской власти.

[Евреи у нас] жили, я уже говорил, что было около 80 домов евреев, и они занимались торговлей и ремеслом. Отношения с евреями были хорошими. Но евреев, как правило, отличала одежда. Они были в купчей¹ одежде, в костюмах и так далее, что, конечно же, было чуждо крестьянам: они, как правило, одевались в домотканые одеяния.

Поляков, как и евреев, отличала купчая одежда. Так же, как и евреи, они хорошо относились к крестьянам. Но, конечно же, дружбы очень большой не было. Что может тесно связывать бедняка и богача? Но, кстати, о доброте. Хорошо помню большие сады яблок, груш и грецких орехов у панов. А мы мальчишками бегали и собирали в этих садах все это, так сказать крали. Бывало частенько, пан на лошади скачет и увидит, как мы напихиваем себе за пазуху орехов, груш, яблок. Кажется, надо

¹ Купчая – т.е. покупная.

было бы наказать детей, но нет, он только посмеется, что мы набрали полные рубахи и скажет, чтобы больше так не делали, и отпустит с «награбленным». Вот такие были паны.

Но наезжали и цыгане. Могли задержаться у нас два, три дня, а то и неделю. Цыгане были хорошими ковалями. Изготавливали топоры, плуги, серпы, подковы и продавали местным. Были такие, что ходили по домам и попрошайничали. Им давали кто хлеб, кто сало, кто что мог. Как правило, цыгане останавливались на выгоне за деревней. У них всегда было пару повозок, свинка на привязи и собачка.

Межнациональных браков у нас не было. А не было по религиозному убеждению. В гостях у поляка бывал. Угостил яйцом, сыром, сметаной, белым хлебом. Ну, конечно, больше бывал в гостях у таких, как сам. У крестьян угощение попроще: пражанка (жареное сало), овсяный кисель, компот и так далее. А солодили жидкость пастернаком (сладкий корень).

Ссор никаких не помню. Никто не с кем не ссорился. Даже бывало, если крестьянин в панском маентке дров украдет или ягод, то поляк, если словит, скажет отработать день на своем маентке и все. А вот грибы можно брать свободно.

Особого значения национальность знакомых не имела, но в основном дружили по национальностям и по достатку. Ну, конечно, лучше всего было полякам, так как у них была власть, а хуже крестьянам.

[Об СССР] ничего не знали, крестьяне вообще мало что знали. Но одно могу сказать, что доходили слухи лишь о том, что там, в Восточной Беларуси и в России, райская жизнь.

[В 30-е годы] никто не думал никуда переезжать, для этого не было причин. А учиться тоже никто не думал дальше – два, три класса и все. У каждого была своя земля, и никто не жаловался.

Мороз Евгения Ивановна, 1931 г. р., г. Давыд-Городок

Мой отец в Столбцах был кучером. Возил пана. Потом приехал в Давыд-Городок и жил с братом Василием. В доме брата у отца и дети родились.

Признаком богатства и достатка считалась земля или магазин. Кто зарабатывал, тот всегда покупал землю. Есть поговорка: «Земля в огне не горит, в воде не тонет».

Бедными считали тех, у кого земли не было. Была у нас соседка, у нее не было даже огорода. Она работала у соседа, там ее и подкармливали. Богачей уважали.

На горе была церковь (на месте замка). Она была огорожена бревнами. Церковь большая, сгорела в 1936 г. При Польше ее хотели отстроить, навозили кирпича. Не успели, война, пришли русские решили

сделать кинотеатр. Когда церковь горела, сгорела еще половина Давид-Городка, огонь даже через реку перекинулся. Поляки решили дать участки погорельцам. Продавался дом по ул. Коммунальной. Мой отец этот дом и купил. Хозяин дома забрал свою мать, но она скоро пришла и попросилась к нам жить (в свой дом). Взяли. Была у нас чужая бабушка. В 1939 г. родился мой брат Миша, она его смотрела, рассказывала сказки. Когда пришли немцы, бабушка ушла к сыну, но вскоре вернулась. Отец ее не пустил (время было тяжелое) Она вскоре и умерла. Отец очень переживал, говорил, что надо было взять ее, может, в родном доме дольше бы прожила.

Из крупных покупок до войны был шкаф. Купили лошадь. Отец покупал лошадей, откармливал и продавал.

Моя бабка Евгения ездила в Россию. Доезжала до Курска (оттуда привезла жениха для своей дочери Анны). Ездила продавать сыры.

Дядька Василий ездил на заработки в Америку. Работал в ресторане. Рассказывал, что хозяин у него был негр, у которого была дочь. Хозяин хотел, чтобы дядька на ней женился. Убежал (нелегально), ехал на крыше вагона. Его схватила полиция. Спросили, почему на крыше ехал, он ответил, что по русскому обычаю, если нет билета, надо ехать на крыше. Посадили на 3 суток. Отправили в Россию. Приехал домой, торговал мясом до 1939 г. Лавку ликвидировала советская власть. Потом поехал продавать семена в Ростов, там и помер.

Мой отец при Польше выезжал продавать семена. Привозил нам баранки и леденцы.

Соседи ездили в Польшу «на лёды». Приезжали, делали мороженое и продавали. До войны я не выезжала. После войны – до Лахвы.

Газеты и журналы не помню. У нас в доме не было. Газет не выписывали.

Обращались к доктору Морейко. Он был один доктор на весь Давид-Городок.

Была еще царская школа, которая находилась возле банка.

В 1933(5) г. открыли еще одну школу. Еще одну школу в 1939 г. открыли Советы, находилась возле кладбища. В войну была спалена. Я в ней 1 класс проучилась. Обучали в школе на русском языке. На польском учили до 1939 г. Польский язык знаю немного, могу читать. Когда пришла советская власть, всех учеников оставили на второй год, если закончил первый класс, то в первый и пошел. Ученики между собой общались на местном языке. В классе были одни только русские. У евреев была своя школа в центре Давид-Городка. Евреи преподавали еще и в польской школе.

В Давид-Городке жили семьи польских офицеров. Им давали много земли. Они строили красивые дома. Поляки были более культурные.

Ходили в костел, одевались приличней, лучше. В то время они уже варили варенье, а мы о нем даже понятия не имели. Питались они хорошо. Ездили на бричках.

Евреи были. Все промыслы были в их руках. На земле не работали. У них были магазины, занимались фотографией. Селились они в центре Давыд-Городка. Если кто из русских селился в центре, евреи поджигали его дом. Когда весной река разливалась, все окраины затапливало, а центр нет.

Поляки на белорусах женились, белорусы на польках – нет. На евреях не женились. К межнациональным бракам относились нормально.

Евреев не любили, били без причины. Они были очень наглые. Я помогала отцу, продавала груши и яблоки. Однажды подошла еврейка и стала выбирать груши. Была еврейка старая. Каждую грушу стала пробовать на свой гнилой зуб.

К полякам относились хорошо. Их было мало. А евреев было много, работать не хотели. У них убирали, стирали, готовили русские. Евреи авторитетом для семьи не были. При Польше хорошо жили евреи и поляки. Белорусам у кого было ремесло, тоже хорошо жили, а тем, у кого и земли не было, жилось хуже.

До войны планы нашей семьи: иметь свой дом и детей прокормить.

Новик Николай Иванович, 1921 г. р., д. Вартыцк Ивановского района
Деревня Вартыцк находится в северной части Ивановского района, на границе с Дрогичинским районом Брестской области. Что Вартыцк – селение древнее, говорит то, что известны три его кладбища. При въезде в Вартыцк со стороны Псыщева справа возвышается пустырь за домом Михновца Александра. Это второе кладбище. На нём лежат только вросшие в землю памятники – камни без надписей. А самые крепкие деревянные кресты кое-где ещё стояли даже после войны.

Но ещё древнее этого кладбища было уже в черте современной деревни. Обгоревшие толстые старые деревья вокруг кладбища ещё помнят старожилы. После войны их спилили и выкорчевали, а на том месте появились усадьбы сельчан. Да и третьему кладбищу тоже много лет, о чём говорит его полное «заселение» и расширение. Все эти невесёлые экскурсии указывают на солидный возраст нашей деревни. Кстати, её старое название не Вартыцк, а Варатыцк. От чего произошло это название, неизвестно, т. к. нет точных архивных данных. Состоятельных мужиков и деревне было мало. Зажиточным считался тот, кто имел несколько гектаров земли. Большинство же были бедными. Земли отцов приходилось делить между сыновьями. А поехать на заработки в город было невозможно. Вот и бедствовали наши люди на своих узких полосках при панской Польше.

Наша семья тоже жила бедно. Керосин, соль, спички покупали в лавке у еврея, который держал её в деревне. Старались что-нибудь продать из продуктов по хозяйству, чтобы купить самое необходимое. Из одежды покупали в Мотоле или в Янове. И то одежда на праздники. А в будни дни ходили в домотканом. Никаких поездок дальше Янова никто не делал. Редко кто из богатых бывал в Пинске или Бресте. Надо было думать, как рассчитаться со всевозможными налогами и штрафами.

Ни о каких газетах и книгах не могло быть и речи. Они все были на польском языке. А читать по-польски из взрослых мало кто знал. Больше пользовались слухами, которые приходили от тех людей, которые что-то читали и знали. Тайно ходили книги на русском языке. Некоторые родители сами тайно обучали своих детей русской грамоте. Меня тоже обучил отец. Он учился в русской школе до революции. Семья была в беженцах в Первую мировую. Вот и читали эти книги, если попадались в руки.

В деревне кроме еврейской лавки с самыми необходимыми товарами, других магазинов не было.

При болезни обращались к народным средствам или к «шептухам». Никакого медицинского обслуживания в деревне не было. В трудных случаях обращались к врачам в Мотоль или Янов, но это в самых необходимых. Но это обращение было очень дорогим, да и не всегда помогало.

Во время панской Польши существовала в деревне так называемая «повшехная» начальная школа, которая находилась в наёмном здании. Учителя были польские, к учащимся относились высокомерно, считая их людьми низшими. За незначительную провинность «давали лапу», т.е. били деревянной линейкой по рукам. Обучение велось только на польском языке. «Хамский» язык, т.е. белорусский, запрещался. Детям даже в разговоре между собой запрещалось говорить по-своему. Насильно вколачивали в сознание язык. Вколачиваемый язык не мог нравиться. Кое-какие отдельные слова и выражения помнятся. Заставляли петь ихний гимн «Ешчэ Польшка не згинэла». Но у нас находились грамотные хлопцы, которые пели: «Ешчэ Польшка не згинэла, але згинула мусиць: як большевик не звоюе, то холяра вдусиць».

В нашей деревне, кроме полицейского и учителя, поляки не жили. Они жили, где были маёнтки, – в Ополе, Мотоле, Янове. Поляки считали себя «панством», а остальные для них «хамы» и «быдло».

У нас жила семья, еврейская семья, Гетька звали его и её Хамка, которые занимались торговлей. Зять у них был Гошер и его жена Фейга содержали «вовночесальню»¹, где принимали овечью шерсть от населения. Помогала меньшая дочь Гастерка, шустрая такая девочка. Вот,

¹ Шерстечесальня.

нарицательное имя носили, как Гастерка. Они отличались от белорусов внешним видом, одеждой, поведением, всем укладом жизни. Сельским хозяйством не занимались, вот, все продукты доставали за товары у местного населения. В общем, вели торговлю. Вот... для поляков евреи – это «жиды». Как их презрительно называло «паньство». А с белорусами у евреев было добродушное отношение: они старались подороже «всучить» свои товары, а мужик – как бы обхитрить «жида», т.е. по принципу – «на базаре два дурня? Один продаёт, а другой покупает».

Цыгане в нашей местности не жили. Иногда кочевали, останавливались табором где-нибудь на окраине леса, делали «походы» по деревням, где попрошайничали или занимались гаданием. Ну, этих диких людей наши жители уважали меньше, чем евреев. Евреи всё же были умнее и хитрее, и уворотливее. Вот...

О межнациональных браках в деревне в то время не было слышно.

Ни о каких драках и конфликтах между разными группами не знаю. Польскую власть, полицейских наши люди ненавидели. А с евреями ссоры иногда случались за попытку ну... обмануть или всучить некачественный товар. Ну и всё, а так таких не было...

В «крессах восточных» при Польше лучше жили, конечно, поляки. Остальные национальности для них были «быдлом», за счёт которого они жили, отобрав у белорусов землю, лес, воду.

До войны мы ничего не знали о репрессиях, коллективизации, как она проходила. А про колхозы знали, что колхозы есть там. Тем более о голоде тоже не знали. Вот. Ну а что был дефицит товаров тоже. Стремилась все в БССР, в СССР. Всё старались перейти границу, бежать туда. А там их поймали, ловили. Говорили: «Польские шпионы!».

Поступить учиться тогда было о ... проблема! Надо было много денег иметь. Самые богатые могли своих детей в гимназию...пихали. Устроиться на работу тоже было очень трудно. Говорить об этом нечего даже.

Омельянюк (Корнелюк) Ольга Васильевна¹, 1925 г. р., д. Буяки Брестского района

Семья занималась сельским хозяйством. Коровки держали, свини держали, лошадь была, всё было. Земля була в кожного чалавека, мав свой участок. Но не отдельно, а вот так, пудрад. В одном месте, в другом месте, в третьем месте – целая деревня. Вот так и жили. А при Польшчи коровы пасла, в школу ходыла польску. 4 класса образования польского, всё знала, всё вучилася, але вже топиро забула, язык то знаю, а вже тое всё втекло с головы.

¹ Интервью записано на диалекте

Жили [у нас поляки], ксѣндз у нас жив, и батюшка жив, костѣл большой був, костѣла розбросили, пришли Советы, развалылы. В Тельмах школу построили, потому шо Тельмы згорели воны, вот. И так построили большую школу, а потом вже другу построили, як взялэся трошке.

Поляки до нас добрѣ относились. Как обычно, они не отрицались там, не ругались, неа, польска земля была, поляки паслы свои коровы, а мы паслы свои коровы.

Евреи [у нас] не жилэ. До царский войны¹ жылы, як наши народы, отцы наши выехали в Россию, война там тая була царская. Наш народ выгналы с цюдава, с плѣтками. Мама говорыла выганялы, всех потеряла². То ще мене не було тогда, вже як з России приихали. Вот, то тогди евреи жили, а еврейв не виганяли туда в Россию. Вони жили в городи, так вони с города вси в деревню пушлы. Народу не було, а дома остались, так и жили воны. Потом наш народ утихомився, война окончилась тая, ще й була вуйна в России, но наш народ, наши отцы решили приихати сюди. В моѣго отца было три сына, и он послал, а вже началась революция. Вони вернулись, приихали эти во, отец говорить: «Так, хлопцы, идьте домой, увидите, что там, если дом стоит, мы завтра уедем с России, приедем сюда». И так и було. И за неделю вони вспили приихати. А де ж то вони булы, забула... В Самаре... Приихалы сюда, посмотрели и сразу приихали туда. И отец каже: «Ну как, хлопцы?» А вони говорят: «Отец, что дом наш стоит в целости, только живут евреи». Ну а когда наши приехали, отец, и вже вони, евреи выбралися в город. А поляки не обижали нас.

Ходелы поляки в церкву, в костѣл ходылы, а наши люди православные в церкву ходылы, и так той костѣл остался после вуйны. И тие наши такие булы коммунисты вельми, того костѣла розвалэлы, бо поляки выбралися в Польшу, уихалы, вже другой раз³. Ну и так жилэ. В школу ходыла, мама робыти заставляла, всё, и коровы пасла. Там було пятэро дитей. Моя мама йшла. Не хотел батюшка венчати, шо такая молоденькая была, когда первая отцова жена вмерла. Ну, а потом поихалы, стали просыти батюшку и повинчав их. Повинчав, и тыя дети вже тоже ще моловаты, ну такие, несовершеннолетние булы. Но и тогда тыя дети розыйшлесь. Одѣн в Америку поихав, другой в Россею втик, опять вернувся. А третий був музыкант, то помер. Був гармонистом, йшов со свадьбы, с Кошелева, и простег⁴, и верхолѣз⁵ причопывся. И сестра ще

¹ Царская война – Первая мировая война.

² Имеется в виду выселение гражданского населения из прифронтовой полосы вглубь России.

³ Имеется в виду после 1944 г.

⁴ Протег – простыл.

⁵ Верхолез – так в тексте. Возможно, имеется в виду туберкулез или воспаление легких.

була. Это от первого брака. А потом у меня опять. Вже мама вышла за нёго замуж. Була сестра, прожила 94 года, брат у меня, а вин в мене такой, за мною був брат. Это вин прожив 65 год. И я... Тая вже сестра тоже померла недавно, и брат помер, а я всё живу.

Мы с поляками вельми дружили. Я и ще одна девчонка, с нашей деревни. И поляки булы, приезжали. Школа в нас очень большая була. При Польши була семилетка, это редко было, где такая школа. Построили поляки. И ходили мы в школу. Мы дружили с девочками польскими. А потом мы дывимся: в сороковом году их, поляков, – на Сибирь¹. И вони уихали, вони нам письма писали. Вот. А потом вже вони ихали, вже вуйна кончилася, в Польшчу поихали. Ленина крестная полячка, до сих пор всталася, мы з ею перезваниваемся, тоже дружэли. Мы любыли примерно. А Илья вельми вучився, у його булы в тетрадях одни «dobrze» и «bardzo dobry»².

А отец помер, а ми всталися ще несовершенно³. А вин [брат Илья] тико був бильший, самый старший. Мама не пустыла його [учиться]. Не пустыла, бо потому шо не було кому-то робити на хозяйстве.

Школа была бесплатна. Инспектор прислал письмо, щоб явывся обязательно. И мама ихала. То в Каменице-Журавецкой. Там жив сам инспектор. Запрагла коня – и в виз, сама и поихала.

В Збиругах [была] тая нова школа. Заизжають, каже: «Инспектор, я не могу», а он: «Що matka не пускае, значить, сына в школу?». «Не могу, потому шо в мене ще меньших есть двое детей». А вин каже: «Не, господэнька, треба, щоб ходыв, мы тоже хочимо, щоб в нашый Польше булы грамотни люди». А вона каже: «Мы русске, вы нам ни дасты посадиты». А вин говорить: «Не господэнька, треба, ми хотим, щоб поляков мниго було, щоб учили польский язык. А вин у вас добрэ займайца». Ну, тут послалы учителя. Що вин хорошо займаився, послали в школу. Ну и опять пушов в школу. Кончив польских семь классов. Ну и прийшлы Советы и в армию забрали. И на фронте був, с первого дня. И вернувся. Мы никогда не думали. 4 года война, всё... Но господь остановыв.

Орбейко Анна Петровна, 1936 г. р., г. Брест

Я и Мария – моя мама, и наши меньшие дети жили в деревне Витошки Брестского района. Жили в домике небольшом в начале дороги. Мама как всегда на поле. Коровка была одна, больше ничего.

¹ Имеются в виду депортации 1940г.

² «Хорошо» и «очень хорошо»

³ Т.е. несовершеннолетние.

Мама работала на огороде, на поле, а мы все дома были дети четверо нас малышей. У нас была только корова – для деток молочко. Отец пошел на фронт защищать Польшу и погиб. Больше его не видели.

Ни с кем мы не дружили, ни с кем не общались, потому что старшие смотрели меньших детей, а родители на поле садили картошку как сезон.

Деревенские все одинаковые, ни у кого ни богаче ни хуже не было до войны. Один был россиянин какой-то так богатый. У него было пчеловодство – на огороде стояли соты.

Признаком богатства считалось то, что было поесть, обуться, одеть детей во что-нибудь и работать на огороде. Корову попасти, потому что молочко надо детям.

А бедняки – это у кого меньше земли, по одежде не судили. Кто одну вещь имеет, две вещи – не обсуждали, только кто коров имел, кто поросенка. Вот у кого много земли тот считался о! Богач! Земли столько много может продать! [А в общем] все равны, одинаковы и уважали друг друга.

У меня мама. Отец служил же в Бресте в Польше, потом пошел на войну и там погиб в Польше, где-то похоронен в Польше. А мы с мамой дети малые и мама одна. Родни нету, у меня мама тоже, бабушка умерла перед войной, и никого у нас больше не было. Такие дети, если выйдем на песочек там куда-то, такие малыши.

Из деревни никто никуда не уезжал. Даже не уходил с улицы, возле улицы наш дом близко стоял и даже с окошка сидишь у окна и смотришь, кто куда идет: то туда, то сюда

В случае болезни сами бабушки знали, чем и как ребенка лечить и ни к кому не обращались. Каждый знал, если не знал, то там спросил вот друг у друга, и никто никуда не водили и не носили. Сами я сейчас сама тоже себя вот лечу глаза.

Паксимок Николай Романович, 1928 г. р., д. Прилуки Брестского района

Образ поляка в глазах белорусского населения, конечно, был негативный. Характерны такие черты как высокомерность, пренебрежение к белорусскому населению, гордость. Называли почти всегда белорусов «хамами», в редких случаях, когда угодишь поляку, то – «пане господажу».

Привилегиями поляки пользовались. В Бресте на хорошую работу нельзя было устроиться, все должности занимали поляки. В больницу лечь было очень сложно. Мой отец заболел ангиной. Лечился в больнице 13 дней. Чтобы расплатиться за лечение, продал корову.

Жили мы не очень бедно, можно было прокормить семью своим хозяйством и что-то скопить. Я знаю, что за Бугом, на территории современной Польши, жили люди беднее.

Были ли столкновения между жителями разных наций? Помню один раз еврейский погром в Бресте. Поляки врывались в дома евреев, выкидывали из окон вещи, вспаривали подушки. К евреям поляки относились тоже недружелюбно. Постоянно слышалось: «Жыдзе проклятый!».

Школы в Бресте были только польские. Все документы – на польском языке. Рассказывали люди, что за Бугом закрывали православные церкви, переделывали их на костелы. А об остальном затрудняюсь рассказать.

Никакого [внятного] отношения к СССР и БССР не было, так как ничего мы про них не знали. Информация к нам никакая не поступала. Видел только польскую карту мира. Территория СССР на этой карте была обозначена белым пятном. Просто закрашена белой краской, без указания городов, рек и т.д.

[Польское государство] не было демократическим. Сами говорили: «Польска для поляков». На белорусов, на нас, как я уже рассказывал, «хам» или «кацап». Еще не сказал, что поляки были очень жадными. Даже у знакомых поляков не реально было что-нибудь попросить. Рассказывали нам родители, что когда в 1921 году возвращались белорусские беженцы с России¹, то не получили от польских властей никакой, хоть мизерной помощи. Был страшный голод, люди ели лебеду, листья и т.д. А польские колонисты, переселившиеся в Беларусь (у нас их не было, знаю, были около г.Высокое, так как там лучшие земли) получали в это время большие компенсации.

Про польско-еврейские отношения я уже говорил. Да, было плохое отношение поляков к евреям, но, по крайней мере, евреи работали, жили как люди, богатели и т.д. Белорусы к евреям относились хорошо, так как и евреи к белорусам. Тут вражды, на мой взгляд, не было. Да, были, конечно, евреи богатыми по сравнению с остальными. Но были и бедные евреи, даже нищие. Все богатые евреи по наставлению раввина должны [были] давать в синагогу, раввину 1 злотый на нищих каждую неделю. А он раздавал их неимущим. Я считаю, что евреи были лучшими, чем поляки. Всегда помогали, могли дать займы. Расскажу такую историю. У нас в семье погибла лошадь. Хозяйство без коня – это не хозяйство. Мой отец начал думать, где взять деньги на лошадь: «Поляки знакомые – не дадут, надо тогда идти к еврею». Знакомого еврея звали Михуль. Но он был не

---

¹ После заключения Рижского мира в 1921 г. беженцы возвращались из России в Западную Белоруссию и Польшу.

богат, поэтому не смог помочь отцу, но сказал, чтобы тот не огорчался, потому что заведет его к богатому еврею. Когда зашли к богатому, то он начал приносить соболезнования по поводу потери лошади и все говорил: «Да, это беда!». Затем он спросил, сколько надо денег. Отец ответил 200 злотых. Еврей сразу дал эти деньги. Отец спросил, как расплатиться – по векселю (с процентами) или как. Он ответил: будешь рассчитываться с Михулем. Когда вышли из дома богатого еврея, отец спросил Михуля: «Как мне с тобой рассчитаться?». Он ответил: «Не надо ничего. Когда-нибудь дашь пару килограмм картошки и все». Вот такие были евреи. Они были очень хорошими специалистами. Очень хорошими.

[Каков] образ еврея того времени? Они очень дружны между собой, умны, мастера на все руки, добры. На нас никогда не говорили «хам». Трудлюбивые люди. Если бедный еврей, то никогда не сядет кушать за чужой счет, пока не заработает. Много не ели, не чревоугодничали. На завтрак съест одно яичко и все – идет работать.

Образ белоруса? Незловредный, тоже трудолюбивый. Человек как человек. Про украинцев не знаю.

Парфенюк Евгений Степанович, 1921 г. р., г. Брест

С Брестом судьба меня связала с 1931 года. Это год, в котором я поступил в четвертый класс семилетней мужской школы, располагавшейся по улице Кирова, бывшая «Кобринска», в старых военных казармах, школа № 3.

Всех семилетних школ в Бресте было десять, а одиннадцатая школа вмещала ребят физически неполноценных.

В Брест я с родителями переехал из местечка Мотоль Ивановского района, где окончил три класса начальной школы.

Мотоль обладал семилетней, высококвалифицированной школой, которую имели возможность и обязаны были посещать все дети жителей местечка.

Население состояло преимущественно из местных крестьян, по вере православных. Среди них были поляки – католики и евреи, которые занимались торговлей, ремеслом и держали закусочные заведения.

Насколько помнится мне тот период жизни, то можно с уверенностью отмечать полное взаимосогласие и уважение друг к другу.

Поляки старались являть культурных, интеллигентных людей. Они сознавали свое достоинство, будучи уверены, что живут в своей стране.

Ежегодно в Мотоле на большой предцерковной площади устраивались сельскохозяйственные выставки, на которых хозяева за аккуратное содержание сельскохозяйственного инвентаря, показ особой породы скота и лошадей получали денежное вознаграждение.

Крестьянин, который имел хозяйство, именовался «господаж»¹.

Несколько неприятное воспоминание вызывает то обстоятельство, что местное население не определялось по национальности, а особенно после тридцатых годов называлось «тутейший», т.е. местный житель. Была еще одна терминология по вероисповеданию – «поляк православный».

Закон Божий в школах преподавался как обязательный предмет священником, диаконом, либо лицом, получившим право на данное занятие после серьезной подготовки.

До 30-х годов Закон Божий преподавался беспрепятственно на русском языке, но после смерти первого маршала Польши Юзефа Пилсудского² для преподавания Закона Божия был введен польский язык. Надо здесь беспристрастно отметить, что отдельные «кировники» (директора) школ, видя сложность преподавания Закона на польском языке, самолично разрешали вести преподавание на русском, но журнал учебный записывался на польском языке. Основная сложность в каждой науке – это терминология, трудно переводимые слова.

О жизни в Советском Союзе мы получали весьма ограниченные сведения. Знали, что эта страна «безбожная», что в ней такой принцип воспитания, что человек определяется не как божественная, Богом созданная личность, а как земная тварь, обезьяньего происхождения³.

Демократизм Польши, по всей вероятности, определялся частной собственностью и личным свободоизлиянием [каждого].

Конечно, польское общество проявляло себя и чувствовало на должной высоте.

Разноликость национальных отношений можно отметить, живя в самом Бресте. Здесь стоит отметить не столь враждебное отношение, сколько больше пренебрежительное. Евреев называли словом «жид», поскольку в польском языке и нет другого термина. В нашем лексиконе употреблялись слова «жид», «еврей», а также «израильтянин».

Вульгарные выходки имели место со стороны славянского населения к евреям. Но здесь заметны были и несогласия между местным населением и польским. Однако надо отметить утвердившуюся солидарность отношений: православный не работал во дворе в праздник католический, но и католик грубой работой не нарушал спокойствие своего православного соседа. Евреи в спорах получали упреки, что они хриstopродавцы, что им пора признать ошибки предков и принять христианство.

¹ «Господаж» (польск.) – хозяин.

² В 1935 г.

³ Имеется в виду учение Ч. Дарвина.

Крупные погромы совершились в 1934¹ году, начиная с Бреста и переносясь в другие города. Основной причиной возмущений явилось убийство молодым евреем мясником государственного инспектора по проверке санитарного состояния ларька. Эти мясные ларьки находились возле церковной усадьбы Николаевской Церкви, где теперь расположен чулочный завод. В день погребения в Брест был прислан большой отряд полиции.

Взбунтовавшиеся люди разоряли еврейские магазины, разбивали домашнюю утварь, рвали одежду и постель.

Православные и католики, люди, которые жили в хороших отношениях с евреями, в окнах еврейских квартир выставляли свои иконы, что ограждало семьи и дома евреев от разрушения.

Евреи занимались торговлей в весьма крупном масштабе, ремеслом. Среди них были портные, сапожники, стекольщики, врачи, деятели культуры, музыканты, учителя и юристы. В сравнении с простым нашим населением, конечно, они в материальном отношении преобладали. Но необходимо отметить, что национальная сплочённость среди самих евреев, настолько сильна, что всем остальным национальностям стоит поучиться и позавидовать. Евреи держатся вместе, помогают друг другу и доносов не делают.

Интересно отметить, что еврейская невеста, не имеющая надлежащей денежной суммы, т.е. бедная невеста, получала от всего еврейского кагала приличные деньги, и таким образом она имела необходимый материальный достаток, что позволяло ей спокойно выходить замуж. Сплочённость евреев позволила им выжить в любых государствах.

В общей жизненной структуре евреи вели себя спокойно и строго исполняли свой закон жизни, труда, молитвы и общения между собой. Что касается преемственности ремесла и навыков торговли, то скорее можно сказать, что каждое наше сословие² занималось своим делом.

В Бресте улица Советская, бывшая «Домбровского», начиная от Московской – Машерова и до Пушкинской, которая называлась «Тшечего мая», дверь в дверь вмещала магазины, а на улице кричали зазывалы, приглашая в магазин для приобретения их товаров.

Наша семья имела прямую связь с семьёй портных, галантерейным, промтоварным и обувным магазинами где в любое время можно было получить товар в кредит, что необходимо было в тех материальных условиях.

Предыдущее изъяснение достаточно определяет характер еврея и его способность выживать в любом обществе.

---

¹ Респондент ошибся. Он описывает погром 1937 г.

² В данном случае имеется в виду скорее всего отождествление понятия «сословие» с понятием «национальность».

По правде говоря, особого разграничения между белорусами и украинцами не было. Нужно отметить, что в нашей Брестской земле мы почти никогда не слышали белорусский язык. Мы пользовались польским, русским и местным языковым жаргоном, ближе всего к украинскому.

Немцы колонисты жили, имели свои фольварки, у них работали по найму наши люди, но личных контактов с ними у меня не было.

Известно, что в Бресте одно время была украинская «Просвита¹», но, когда её обнаружили, она прекратила своё существование. К партиям любых направлений я не примыкал.

Пархоц Алексей Евтихиевич, 1926 г. р., д. Лазы Брестского района

Я родился в деревне Лазы Брестского повета Полесского воеводства. В деревне проживали в основном белорусы и один еврей с семьёй. В моей семье было 2 брата и 3 сестры. Мы жили вместе с бабушкой. Во-первых, обрабатывали, растили домашних животных, чтобы прокормить себя. У некоторых наших соседей земли было недостаточно. Поступали они на службу к людям побогаче, подрабатывать.

Летом мы собирали грибы и ягоды (деревня находилась в лесу) и ходили в город торговать; ездили на ярмарки, продавали там зерно, картошку и скотину.

Мы общались с соседями, с родственниками. Круг нашего общения составляли все жители деревни. В пост пряли лён, на поспратки ходили, як святые вечера были, так встречались.

В нашей деревне был большой дуб. И под этим дубом часто вечерами собиралась молодежь; приезжали с Заким, Михалин, Радвинич (хлопцы з Закий очень добро спевали).

Могу сказать только одно, богатства особого не было. Но был лес, работали с утра до ночи и прокормить семью могли.

Среди соседей был зажиточным Романович Александр Яковлевич. У него было 7 га леса. Все остальные были примерно одинаковыми по своему положению. А бедна була Наталочка Пархоц (однофамилица). У неё было много детей, а земли и мужа не было. Моя мать давала ей еду и одежду старую.

Наша деревня находилась в лесу, и там было очень красиво. К нам даже приезжали паны, чтобы отдохнуть.

Был стол, лавки, сундук, а в богатейшей семье ещё шкаф був. Кое-кто имел 1–2 золотые монеты.

Ездили мы в город, если продавали корову, то можно было купить новья чобуты, заказывали, и то на вэсилля, а обычно одни чэрэвики в год. Что продавали на рынку, из того складался и доход. Кто купит молотилку,

¹ «Просвита» – украинская культурно-просветительская организация.

сечкарню¹, тот и был богатый. В то время рабочий зарабатывал три или пять злотых в день; поросёнок стоит примерно 50 злотых (это был месяц учёбы в гимназии. Поэтому в гимназии и не учился я).

Никуда не ездили, так как денег не было. Некоторые уезжали на заработки, в Канаду на постоянное жительство. За пределы деревни выходил: в гости, в город за покупками, на ярмарку. Жизнь людей в другой местности в основном ничем не отличалась от жизни в нашей деревне. Просто тот, кто жил рядом с городом, мог устраиваться туда на работу.

Моя мать покупала нитки, хустки², на праздник могла купить для сестёр кофточку из шёлка. Покупали, но в основном заказывали для пошива обувь. Одежду же в основном шила мать. Лично я особого достатка в одежде не чувствовал. У моего брата один раз сосед даже брал туфли себе на свадьбу.

Ели картошку, капусту с одной миски. Квас был, сало. В пост – картошку с квасом, грибы. Ели 3 раза в день. Если летом работали на поле, то там и ели домой не приходили. Лакомством был сахар, конфета. По праздникам была колбаса, холодец, покупали селёдку, иногда жарили рыбу, также вялили мясо. В русских и еврейских семьях не ел. Отмечали все православные праздники, свадьбы и крестины. Гости приходили, когда був заклад. В село приезжали люди и их приглашали в гости.

Ничего не выпивали.

Все магазины были частными. Продавцы сами призывали людей, чтобы к ним заходили и покупали что-нибудь.

Ездили в аптеку в город на возах, если человек уж сильно заболел. Роды принимала бабка-повитуха. У нас ещё шептун был.

У нас школы в деревне не было, она была далеко в Радваничах. Я закончил 4 класса. Отношение учителей было очень строгое. Если в школу посылали, то запоминал каждый всё на всю жизнь. Вели уроки на польском языке. Сейчас я писать с трудом могу, а говорить понимать умею. Ученики общались между собой на местном языке. Разницы между нами не было, кто учился в школе, все были местными. По-русски научился писать перед войной, немного походил в школу.

В карьере не было возможности продвинуться, так как нужны были деньги, а деньги можно было получить, работая на поле, 4 класса – это уже был престиж. Многих вообще не пускали в школу, т.к. не было во что обуться.

Не было знакомых среди поляков. Поляки в большинстве жили между собой; с нами они не ругались; но они имели превосходство над

---

¹ Сечкарня – соломорезка, корморезка ручная.

² Хустки – платки.

нами. Поляки работали учителями в школе, избирались в полицию, были войтом¹ в гмине.

Наши же (белорусы) работали служащими, уборщицами в школе.

В деревнях евреев было мало. Они были кустарями, торговали. Каждый из них имел специальность. У них был свой язык, его никто не знал. Конфликтов не было.

По национальности людей никто не делил, все были одинаковыми. Близких знакомых у меня среди украинцев и русских не было.

В деревне у нас таких браков не было (Все были местными). К таким бракам относились спокойно.

Немцев у нас не было.

Я знал коммунистическую партию и комсомол Западной Белоруссии. В них отдельные граждане принимали участие. Я не состоял. Эти организации распространяли коммунистическую литературу. Они боролись за воссоединение Западной Белоруссии с БССР, за освобождение от поляков. Они в основном стремились к лучшей жизни. Иногда тот, кто состоял в коммунистической партии, рассказывал, что там лучше, в БССР свобода, что они хотят объединиться со своими братьями. Строили планы построить новый дом.

Пашкевич Николай Дмитриевич, 1925 г. р., д. Рубель Столинского района

Жил я на то время, да и как по сей день живу, в д. Рубель. Это была уже на то время большая деревня. Жителями деревни в основном были землевладельцы. Работали на земле, за что и жили, в том числе и наша семья жила за счет этого.

Семья наша была дружная. Да и врагов у нас никаких, припоминаю, не было. Соседи тоже были хорошими людьми.

Самым основным богатством была земля. Кто ее имел больше, тот и был богаче, а у кого было ее мало – считался бедным. Держали также и корову (да и не одну), и коня, и козу. У кого был собственный конь с возом – тот тоже считался богатым в деревне.

Наша семья жила небогато, так как было мало земли, около 2 га. На ней мы выращивали хлеб, картошку, растили лошадку, были две коровы. То есть выращивали только для себя, а не продавали ничего. А купить землю были не в состоянии, так как денег не было.

В магазинах что-либо купить денег не было. Сеяли лен, терли, пряли, ткали штаны, сорочку, скатерть. А лишняя, як была, меняли на необходимую нам вещь.

---

¹ Войт (польск.) – выборное должностное лицо в гмине.

На посторонние работы никто не выезжал. Были слухи, что кто-то из соседних деревень ездили в Америку. Однако чтобы выехать, надо было скопить немалую сумму денег. Честно говоря, и поезда боялись. От нас за 30 км была железная дорога. Первый раз я его увидел, когда был уже далеко не дитем. До этого о нем мне только рассказывали.

[Газет и журналов не покупали], так как на то время они стоили совсем недешево. А кто в деревне был богаче, тот и выписывал. Честно говоря, никакая информация нас и не завлекала. Основным вопросом у нашей семьи был: где найти немножко денег, чтобы купить приличный кусок земли.

Ремесленные мастерские в деревне были. Владельцами их были евреи. Они были своего рода специалистами. Это были портные, столяры, плотники. Мы к ним и обращались за помощью, что нам надо было. Это были хорошие люди. А владельцами магазинов тоже были евреи. А откуда они их приобретали – я не знаю.

Люди эти евреи – были очень хорошие. Поэтому и отношения были дружескими. Были у нас соседи евреи. Дочка была у них, ходила со мною в школу в один класс. Так как у родителей ее был свой магазин, так и помню, что часто приносила конфеты нашим девочкам. А звали ее Малка.

В нашей деревне жило 75 еврейских семей, это знаю точно. Это были самые промышленные люди в нашей деревне, это также очень грамотный народ. В основном были столяры, плотники, портные. Это был также религиозный народ. Крепко и строго соблюдали Моисеев закон, ели только говядину, свинину не употребляли.

Одежда была такая же, как у нас, только они еще ездили за границу. Оттуда привозили товары, продавали их в магазине. Сами такую одежду тоже носили. Так что различий никаких больше не было.

В деревне была медсестра Татьяна, а в районе больница. Когда мать моя заболела на ногу – воспаление, заражение крови пошло, – то отец мой повез ее в Столин. Обследовали ее – надо операцию делать. Деньги платить огромные. За сутки – 5 злотых. А если есть – плати, а нету – забирай. Сделали ей операцию. После чего она пробыла в больнице два дня. Так как не было средств, отец ее забрал домой. Приходила домой к нам медсестра, да и делала перевязку, таблетки приносила. Вот так в большинстве и лечились, а в больнице – стоило очень дорого.

Были и школы. Вначале были польские школы, учили поляки. Я два класса закончил польского образования. А когда русские освободили, то ходили в русскую школу. При русских хорошо было, так как образование было бесплатным, а при поляках надо было платить.

[Польский язык], так как я его учил, то еще немного помню. Прочитать тоже кое-что могу. Хорошо помню и сейчас одну из песен,

которую пели девочки из нашего класса: «Мам хустэчкэ гафтовагэ, вшистке чотыре роги, кого кохан, в кого любен, жуц ему под ноги, той не кохан, той не любен, той не поцолуе, а хустэчку гафтовану тебе подарую».

В школе учились белорусы, были также и евреи, однако их было мало. Других национальностей учеников я не припоминаю, чтобы были в нашей школе.

Поляки жили, правда, их было мало. В основном они были учителями в нашей школе, однако магазинов в нашей деревне не имели, имели только евреи.

Цыгане не жили, нашими местами только проезжали. Одежду носили да продавали. В основном взамен наши люди давали продукты сельского хозяйства, то есть молоко, бульбу, яйца и др.

У нас не было такого случая, чтобы белорус женился на еврейке, или же наоборот. Так как они (евреи) приняли другую веру, то они и считали нас грешными людьми. Так что, может, с их стороны это и не разрешалось, я не знаю. Хотя, как я говорил раньше, мы жили очень дружно. Как они, так и мы – народ религиозный. Поэтому конфликтов никаких не наблюдалось.

При поляках лучше было жить полякам. Они оккупировали всю Беларусь, ну, а мы считались их рабами. Так что полякам было лучше, а мы – все остальные – находились в равном положении.

Так как я был еще маленьким, то об СССР знал мало, поэтому в таких делах я не разбирался, да и не интересовался. Слышно было только, что в России есть колхозы. Помню от отца еще: говорят, что земля там людская – сколько хочешь, столько и бери. Поэтому думали, скорее бы пришла Россия.

В 1930-е годы планов на счет того, чтобы переехать не было, а тем более, как учиться или устроиться на работу. Всем, чем мы жили, – то пахали да добывали хлеб.

Пашкович Анна Яковлевна, 1917 г. р., д. Дивин Кобринского района

Родилась я в России. Родители были сами из Дивина, просто в годы войны родители, как и многие другие, убежали в Россию, где было спокойнее. Люди искали лучшей жизни, получалось так, что остались в Олеске, где я и родилась.

Дивин – местечко, где было 4 улицы, которые назывались по направлениям к крупным городам: Берестейская – Берестье; Ратневская – г. Ратно (Украина); Повитская – мест. Повить; Кобринская – г. Кобрин.

Сторожили и сегодня используют эти названия. Жили в Дивине и белорусы, и украинцы, и поляки, и евреи.

В Дивин меня привезли в «повитку» – запеленованную. 10 детей родители похоронили, я была одиннадцатая, и еще четверо после меня.

Как только переехали, у отца было полтора гектара – очень мало. Жили бедно. Бывало, что принесет отец кусочек хлеба и дает каждому по чуть-чуть, чтоб всем хватило.

Отец и мать работали на земле. Отец – Мишевич Яков Осипович – служил в армии при царе, был грамотный, человек уважаемый.

Немного позже, отец взял землю в «костельной», т.е. в аренду у поляка. Предложил взять аренду ксендз. Платили 50 пудов сена и 150 пудов зерна. Когда мы подросли, то стали помогать. Жить стали намного лучше. Забыли о бедности. Хорошо стали жить. В хозяйстве была лошадь, 5–8 коров, 10–15 овец, 3–4 свиньи.

В Дивине были, как и везде, богатые и бедные. Соседи, например, у нас были бедные. Хоть и земли у них было много, но жили бедно. Сначала жили на хуторе, потом их перегнали сюда. В семье было 12 детей. Тяжело им было.

Были и такие, которые не хотели работать, и потому жили бедно. Ленивые уж больно. У многих дети были в служках – отдавали прислуживать в соседние деревни – Хабовичи, Новоселки, Бельск.

В гости ходили по праздникам к соседям, а молодежь собиралась по вечерам – в большом доме, где было 2 сына, которые умели играть.

Богатые в дом не пускали. Была в центре «светяшка» – еврейский дом, где собиралась молодежь. Любили танцевать фокстрот, «яблочко», краковяк, польку.

Дом строил отец сам. Дерево то покупал в лесничестве, а то тайком в лесу. Сами зарезывали углы. Пол в хате – земляной, обмазывали глиной. Красной глиной подводили плитуса. Натирали баском от блох и «плизок» – клопов. Окна были застеклены. На окнах – занавески из бумаги. Бумага была твердая и мягкая. Твердая с одной стороны была зеленая, а с другой – белая.

В хате была печка, лавки, стол. Спали на лавках; сбивали низкие козлы, клали 5–6 досок и ложились поперек. Матрасы и подушки шили сами, набивали сеном. Стульцы были маленькие. Лавки стояли у стен. Вещи хранили в огромных сундуках – скрынях.

Посуда была глиняной, которую покупали на базаре. Самый большой базар был в деревне Шерешова. Там покупали и жестяные ведра. Были и деревянные, которые делали сами. На всех колодцах были деревянные ведра. Еще вырубали «дынечки» – для дойки коров (ручка с одной стороны), маслобойки.

Лавки держали евреи, где покупалось все необходимое. Были «катаринки»¹, злотые, гроши. За 25 злотых можно было купить корову.

Так как держали овец, то и одежду ткали сами. Шили суконное пальто. Носили латушки – пальто книзу клешем. Сукно мяли² с помощью специальной доски и зубьями. Мяли 8 мужиков. Мужское пальто было с бубончиками, а женское – вышито цветами. Ткали юбки – полотняные, шерстяные, льняные, жичковые – очень мягкие. Ткань красили в зеленый, голубой, синий, желтый цвета. Краска – у евреев. Бывало, и красили сами – шишками ольхи (коричневый), безом (бузиной) – фиолетовый цвета.

Обувь – постолы³, лапти, которые плели из лозы. Шили тапочки из полотна, сукна. Летом ходили босиком. Зимой – ботинки на шнурках, «чаровички» – сапожки с каблукком.

Пища была простой – картошка, кутья, каша из тыквы, затирка. Делали сыр, брынзу. У богатых была своя пасека, остальные покупали сахарин. Конфеты были редким лакомством, их называли «ляндыночками». Хлеб пекли сами. Под Рождество, Пасху, Троицу пекли хлеб из белой муки, которая была у евреев. Мясо с окороков шло на колбасы, которых делали много, так как брали с собой и на косовицу, и на жатву.

Есть вволю не давали, хоть и заводились черви. Сало хранили в лагвицах⁴. Ели 3 раза в день, маленькие – 4–5.

Польские семьи питались намного лучше. Даже когда были у них на отработке, то ели курицу. Пили квас, молоко, сыворотку.

Праздновали все церковные свята, побольше – Троицу, Рождество, Пасху. Посты соблюдали строго. В праздники не работали, не разрешалось даже пряться.

Журналы и газеты были польские, но их никто не выписывал.

Лавки принадлежали евреям. Были корчма, кабак. Парикмахерских не было. Ходили один к одному. Мой сын хорошо стриг, к нему многие ходили.

Я за всю свою жизнь ни разу не была в больнице. Не болела. А вообще доктора были – Сазоник, Харланчик. Они учились при поляках, а вот Прибульский – в Кобрине. К докторам ходили в самых крайних случаях, чаще обращались к знахарям, а женщины – к повитухам. Никому из них не платили, давали «гостинец».

Помню, болели и сифилисом. Ничем его не лечили, просто пили горячий чай на травах, выгревались.

¹ Возможно, имеются в виду «катеньки» – царские банкноты достоинством 100 рублей с изображением Екатерины II.

² «Мяли сукно» – валяли.

³ Постолы – обувь из сыромятной кожи, но так называли и лапти, плетенные из лозы.

⁴ Лагвица – корчага, глиняный сосуд.

Школа была польская, пятиклассная. Учили и русский язык, и польский, но говорили по-местному. Язык никто не навязывал. Писали чернилами, ручки вырезали сами. В школе книги (две) были бесплатными. Сама я неграмотная, так как самая старшая. Отец ходил к директору и попросил освободить от школы. Директора называли «вуйтом». В школу ходить нужно было всем – ходили по домам и записывали. Мой брат и сестры закончили 5 классов, но учились только зимой, когда не было работы.

В школе били линейкой по рукам. Называлось это «давать лапу». Я хорошо знала польский, да и сейчас помню «Отче наш» на польском.

«Духу свенты, ктуру освеща нашей сэрца,
И осмысли, дадай нам охоты и долькосцы,
Абы та наука была да пожитки пана Иисуса,
Дочэсным вечным папа Хрыстуса. Амин».

Была гмина с начальником, секретарем, помощником. К людям относились хорошо.

Поляки-осадники, которые имели свою землю, жили только на хуторах. Самый богатый был Гудлевский. На него работали очень многие бабы и мужики. Поляки нас не любили, но относились хорошо.

Евреев было много, жили они в центре, по улицам не селились. На земле не работали. Держали хозяйство, но нанимали для его ведения людей.

Евреи подчинялись полякам, но в целом жили мирно. Ходила поговорка: «Жид за жида голову отдаст».

Еврейские хлопцы были красивые – кудрявые, черные и разумные. О них говорили – «хоть воды напейся».

К людям относились очень хорошо. Давали всегда в долг, могли подождать, брали и деньгами, и зерном, и картошкой. Хорошие были.

Помню случай, когда я пасла коров. Рядом пасла коров «еврейка-жидучка» (пасли бедные). Сели обедать, я намазала кусок хлеба салом и дала ей:

– Ешь.

– Салом хлеб намазала! Свинья, мужик, свинья! Салом накормила!

– Роза, не кормила...

Межнациональных браков не было: евреи женились с евреями, поляки с поляками.

Цыгане ходили табором, но не жили. Часто «ворожили» (гадали). За это давали, то, что попросят, чаще – сало и яйца.

Пипко Степан Федорович, 1927 г. р., г. Брест

Я родился в 1927 г. в деревне Дрочево Малоритского района Брестской области. В деревне проживали только белорусы и поляки (большинство составляли белорусы).

Всего в семье 12 человек, из которых дедушка и бабушка по материнской линии жили отдельно. Члены нашей семьи занимались сельским хозяйством, как соседи и знакомые. У отца в личном пользовании находилось 7 га земли. В свободное от работы время, 2 раза в неделю наша семья посещала служение христиан веры евангельской. По религиозным убеждениям наша семья являлась баптистской (в переводе слово «баптист» – по вере крещенный).

В деревне на весь Ореховский повет имелся 1 помещик, который сдавал земли и сенокос в аренду для жителей деревни. Брат моего деда по отцовской линии был кучером у этого помещика, поэтому мне приходилось бывать у него дома и за его столом. По сравнению на сегодняшний момент он был бедным человеком, потому что его дом был хуже моего дома по обстановке (не было ни шкафов, ни сервантов и др.), внешне (его дом был крыт соломой, был построен из бревен). Остальные жители деревни жили бедно. Бедняками называли людей с большими семьями и с малым количеством земли.

Наибольшим авторитетом в деревне пользовались: пастор церкви, священник и помещик.

В это время в деревне не существовало названий улиц и нумерации домов. Нашими соседями были: Тимофей Самойлович Луцик, Цвор Иосиф Макарович, Цвор Василий Макарович, Борисюк Ульян Ефимович.

Дом, в котором мы жили, состоял из кухни и одной комнаты. Спали на деревянных примостах¹, так как кроватей и шкафов не было. Постель состояла из соломенных матрасов. Похожая обстановка наблюдалась во всех домах.

Признаком достатка и богатства считалось наличие земли в количестве 6–7 га и скота: 2–3 коров и нескольких свиней. Наша семья жила тем, что возделывала на земле. Мы ничего не покупали. Одежда и обувь была своего производства (обувь – лапти, одежда: пиджаки из шерсти, а штаны из льна или конопли). Доход нашей семьи складывался в зависимости от урожая. Из моих близких и знакомых в данный период никто не совершал поездки за границу, так как не хватало для этого средств.

[Впервые] я побывал за пределами деревни, когда в 1938 г. в Дрочево открыли школу, в которой я учился. Обучение велось на польском языке и было бесплатным. Срок обучения 4 класса (начальное обучение).

¹ Примосты – настилы.

Отношение учителей к учащимся было хорошим. Моим любимым учителем являлся Леон Пенхежевски, который являлся единственным учителем в школе. В то время учитель назывался «кировник». Ученики в школе общались между собой на местном диалекте белорусского языка. По-русски научился писать, когда пошел в армию (служил с 1944 по 1951 гг. в советской армии), там же научился читать. Сейчас понимаю по-польски все, пишу с трудом, читаю также с трудом, но говорю хорошо.

За 1 год я закончил 2 класса на отлично. Со всего района собрали тех людей, которые закончили школу на отлично и богатые люди с Варшавы организовали нам экскурсию в г. Варшаву сроком на 1 месяц. Всего набралось 23 человека. Нас завезли поездом в Варшаву в лаптях и самотканой одежде. Через 3 дня нас как солдат-новобранцев завезли в баню и дали нам новые костюмы и туфли. Во время экскурсии мы побывали в королевском дворце, зоопарке, парке, цирке, музее и других местах, то есть посетили все достопримечательности города. Кормили очень хорошо: живя в деревне, мы не знали, что есть ананасы, апельсины, шоколад, конфеты и др., а также названия этих продуктов. Спали на постелях.

Во время экскурсии в Варшаву побывал в театре, кино, на концертах. Смотрел кинофильм (названия не помню), который мне очень понравился, так как до этого я не знал, что такое кино.

В Варшаве люди жили очень богато по сравнению с тем, как мы жили в деревне, так как они имели большие, красивые и хорошо обставленные мебелью дома, носили красивую одежду, хорошо питались, пользовались услугами медицины (в то время у нас в деревне никто не знал, кто такой врач) и др. Обучение в вузах было платным и дорогим, а так как население было бедным, то бедность не давала возможности получить высшее образование и добиться успехов в учебе и работе.

Основа питания нашей семьи: черный хлеб, картошка, сало и молоко, а также овощи (капуста, морковка, бурак, лук, огурцы, чеснок). За стол садились 3 раза в день (утром, в обед и вечером). Лакомством считалось наличие сала. По праздникам варили борщ с капусты и гречневую кашу с мясом (свинина).

Приходилось бывать в семьях поляков, питание которых отличалось от питания русских. Питание евреев отличалось тем, что они не ели свинины и соблюдали субботу.

В нашей семье отмечались религиозные праздники. Пасха, Рождество, Вознесение, Троица. На праздники тогда никто никого не приглашал. Никаких газет и журналов в тот период никто не выписывал, не читал и не видел. Только несколько человек в деревне были грамотными. Никаких сфер услуг и обслуживания населения не

существовало. Медицинское обслуживание для основной массы населения было недоступным, так как помощь медиков была очень дорогостоящая. Никакие массовые медико-санитарные мероприятия не проводились. В деревне жила бабушка Феодосия (моей матери брата родного жена), которая принимала роды. Кроме нее, в деревне никаких медицинских работников не было. Все врачи жили в районных центрах.

Поляки в тот период, как и белорусы, занимались сельским хозяйством. Отличия в одежде и быту не было. Поляки разговаривали с белорусами на местном языке, а между собой по-польски. К другим национальностям (русским, белорусам, украинцам, евреям) относились терпимо и жили с ними мирно.

В нашей деревне евреев не было. Евреи отличались от белорусов и поляков тем, что носили другую одежду (черные длинные балахоны), во внешности: носили усы, бакенбарды, бороду, на голове носили шляпу. В этот период [они] в основном занимались торговлей: продавали спички, керосин, хлеб, и др.

Для нашей семьи признаки национального различия значения не имели, так как мы являемся баптистами, и согласно с нашим учением все люди на земле являются братьями и сестрами.

В нашей деревне имелись случаи межнациональных браков между поляками и белорусами, между украинцами и белорусами. Мой двоюродный брат Даниил Иосифович Цвор женился на украинке и сосед, Луцик Сергей Тимофеевич, также был женат на украинке. Такие браки считались нормальным явлением в данный период.

В 1921–1939 гг. в д. Дрочево никто политикой не занимался. Люди в это время в поте лица добывали кусок хлеба. О Советском Союзе и Советской Беларуси ничего не было известно, так как газет никто не выписывал, а радио ни у кого не было, то есть совершенно никакой информации в деревню не поступало.

Пучинский Владимир Трофимович, 1924 г.р., д. Туры Столинского района

Я родился 14 марта 1924 года в деревне Туры, бывшего Давыд-Городокского района, в семье крестьянина.

В моей семье было 15 детей, самым последним (младшим) был я, Пучинский Владимир Трофимович. Отец мой имел землю и занимался сельским хозяйством.

Соседи жили, значит, рядом. Я помню ещё жила рядом еврейская семья, звали его Лицман, это было где-то в 1928; и рядом ещё жил Потрубейко Павел, отчество я забыл, не помню.

Ну, самым богатым у нас был Кузьмич Фёдор, у него было около 30 гектаров земли. Ну, что работали люди на земле, трудились и жили себе.

Все считали, что он богатый; беднейшие, которые имели меньше земли ходили иногда оказывать помощь в работе, на уборке урожая; дажи иногда мальчишки пасли у него скот.

К бедным относились хорошо, ведь в деревне жили как одна семья.

Продукты все выращивали: зерно, картофель. Имели скот, свиней держали, курей держали. Магазины в Турах не было, если надо было, ходили в Давид-Городок, это здесь рядом, где-то 2 км.

Что покупали: сельскохозяйственный инвентарь, соль, сахар, а остальное всё было своё.

В нашей семье никто за границу не ездил, но я помню, один туранин ездил в Америку; мне было где-то лет 6, и он обратно возвратился не з Америки, а из Аргентины, фамилия его – Стельмак. Я помню, он привёз спички без коробки и прямо на ноге запаливал.

Мой отец и мать были неграмотными, и, как я уже раньше сказал, у них было 15 детей, поэтому газеты не выписывали.

Не было никаких магазинов, но я помню перебежчика Комантовского, который организовал небольшой магазинчик, в котором продавался табак, соль, сахар и другие мелочи.

В деревне лечебных учреждений не было, но если надо было, тогда обращались в Давид-Городок. И был случай: 1932г. заболела моя сестра, которая родилась в 1916 году, у неё опухла нога, и старший брат пошёл в Давид-Городок к военному врачу, а в то время там находился польский пограничный батальон. Врач приказал отправить сестру в Пинск на операцию.

В то время не было транспорта, а чтобы добраться в Пинск - нужно было плыть пароходом, а уже было поздно, и вот, через некоторое время сестра умерла.

Лечение было платное, только давай деньги.

Была начальная школа, 4 класса, она была польской. Её я закончил в 1937 году. Учителя нравились, я вообще учился хорошо, кроме 4–5 больше ничего не было, особенно у меня были отличные оценки по математике.

Учили только на польском языке, но кроме того к нам каждую среду приезжал священник с Давид-Городка. Он преподавал религию на русском языке. Русские буквы я вообще не знал до 1939 г. Когда была освобождена Западная Беларусь, я пошёл в 7-й класс в Давид-Городок и тогда начал изучать азбуку русскую.

Романович Ольга Григорьевна, 1929 г.р., д. Мотоль Ивановского района¹

Я нарадзілася (Рамановіч Вольга Рыгораўна) у мястэчку Моталь Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці. У нашай мясцовасці было вельмі многа яўрэяў, палякаў, рускіх мала, а ўкраінцаў я наогул не ведаю. Сям’я наша была вялікая: бацька Рыгор, маці Ганна і 9 дзяцей – (але адзін брацік нарадзіўся мёртвы) – Марыя, Сцепа, Оля, Ліда, Люба, Насця, Ульяна. Малодшую, Ульяну, у 6-месячным узросце забілі польскія паліцаі, якія стралялі ў партызан і выпадкова трапілі ў наш дом, а Ульяна была як раз каля акна. А другая мая сестра – Марыя, у гэты час прапускала малако, і пуля трапіла ёй у вядро, але яе не закранула. Мае бацькі працавалі на зямлі, якой у нас было многа, наша сям’я ў вёсцы лічылася заможнай – у гаспадарцы было 3 кані, 3 каровы і інш. Я з 7 гадоў ужо пасвіла кароў. Дзеда свайго я ніколі не бачыла, а бабуля Ева жыла асобна ад нас. Усе нашы суседзі таксама працавалі на зямлі, якая была амаль у кожнага. А у каго не было зямлі, ішлі ў заробкі – на “балі” (ганялі дрэва на рацэ), працавалі ў жыдоў (так у нашай мясцовасці называлі яўрэяў) або ішлі да польскага пана, у якога быў маёнтак. Ён трымаў коней, кароў, і людзі ішлі да яго працаваць. А яўрэі па суботах нічога не рабілі, таму да іх бегалі грубку² тапіць, а дзецям за гэта давалі цукеркі. Багатымі лічыліся тыя людзі, у якіх было многа зямлі, а бедныя – тыя, у якіх яе было мала, або ўвогуле не было. Чаго баяліся: мы, дзеці, напрыклад баяліся бацюшку, калі не вывучвалі малітву.

Вуліца, на якой мы жылі, называлася вуліцай Пляц каралеўны Боны, а ўжо потым гэта быў шосты ўчастак.

Мэблі амаль ніякай не было: быў толькі стол, печка, сядзелі на лавах (ставілі дзве калодкі, а наверх лажылі дошку). Ложкаў таксама не было, спалі у сенях (веранда), матрасы набівалі саломай. Тое ж самае было і ў суседзяў. Прызнакам дастатка лічылася зямля, жывёла. Наёмных работнікаў наймалі толькі ўдавіцы або жанчыны, якія жылі самі.

Наша сям’я была заможнай. Мой бацька, як кажуць у вёсцы, прыйшоў у “прымы” (г.зн. жыў у жонкі). А ў маці маёй быў брат, які жыў у Амерыцы і ён прысылаў нам грошы.

Прамысловыя (харчовыя) тавары мы ўвогуле не куплялі, усе было сваё. Толькі калі-небудзь маці магла купіць сітцавае плацце ці хустачку ў лаўцы ў яўрэяў. Даход нашай сям’і складваўся ад таго, што прадавалі гусей, яйкі, здавалі ў малачарню малако і інш. Паслугамі банка наша сям’я не карысталася. Пры Польшчы можна было браць ссуду ў гміне, але наша сям’я не брала.

¹ Інтэрв’ю записано на беларуском языке.

² Т.е. печку.

Былі ў мясцовасці людзі, якія пераходзілі граніцу і ішлі ў ССРСР, аднак там іх лічылі шпіёнамі, і часта яны назад не вярталіся. А палякі абрывалі іх хаты (здзіралі з крышы салому) і каралі іх бацькоў.

Наша сям'я трымала авечак, якіх стрыглі, потым пралі воўну (шэрсць), ткалі сукно, з якога і шылі адзенне. Моталь здаўна славіўся і сваімі кажухамі. Шылі таксама піджакі, світкі, або самі выраблялі з цялячай скуры патаемна (бо палякі не дазвалялі) або куплялі ў яўрэяў у лаўцы або хадзілі ў пасталах (гэта лапці, якія плялі з лазы). Адзення было вельмі мала, добра было, калі мелася 2 спадніцы, – на кожны дзень і на свята.

Елі ўсё сваё: бульбу, капусту, буракі, сала было самае галоўнае. Садзіліся за стол 3 разы ўсёй сям'ёй. На свята пяклі белы хлеб, калолі кабанчыка, пяклі гуся і інш. У палякаў у гасцях бываць не прыходзілася. У жыдоў была часта, яны жылі неяк больш культурна, чым мы, менш працавалі, наймалі людзей. Святкавалі такія свята, як Каляды, Вялікдзень, вяселлі гулялі, а наконт дзён нараджэння, дык ніхто не ведаў, хто калі і нарадзіўся.

Газеты тады былі ў палякаў і ў жыдоў, але мы іх не чыталі.

Магазіны і лаўкі былі ў яўрэяў. Там прадавалі абутак, адзенне, матэрыю, панчохі¹ і інш. Пякарні таксама былі ў яўрэяў, яны пяклі хлеб, але куплялі нашы людзі яго слаба, бо пяклі хлеб самі ў асноўным.

У мястэчку быў свой доктар, да якога і звярталіся ў выпадку неабходнасці. Плацілі яму столькі, сколькі скажа ён сам. Талковы гэта быў чалавек, і лячыў ён добра, аднак аперацый ён не рабіў. За гэтым трэба было ехаць у бальніцу ў Пінск, на што патрэбна былі і грошы, і транспарт, таму звярталіся туды вельмі рэдка. Была ў мястэчку і свая аптэка (таргаваў Лучын). Адзін раз, памятаю, рабілі нам прывіўкі. Хвароб было многа, шмат памерла ад дызентэрыі, ніякіх дэзінфекцый не праводзілася.

Была ў нас 7-гадовая школа (бясplatная), але туды хадзілі не ўсе дзеці (хтосьці проста не хацеў вучыцца, а ў каго не было што апрануць, абуць, каб пайсці ў школу). Я закончыла толькі 2 класы, але вучылася на “выдатна”. Настаўнікамі былі палякі: жонка пана Якгісона і яшчэ адна настаўніца, якую мы называлі Лёля. Як адносіліся? А ўсяк. Хто не хацеў вучыцца, таго білі лінейкай па руках. Навучанне вялося на польскай мове, я да гэтых пор яшчэ ўмею пісаць па-польску, а паміж сабой размаўлялі па мясцоваму, аднак з панамі здароваліся: “Дзень добры, пані!”. Вучыліся з намі і палякі, яўрэі, мы сябравалі між сабой. А ў яўрэяў была свая школа, аднак некаторыя вучыліся з намі. У рускія школы я не хадзіла (схадзіла толькі 2 дні), але чытаць па рускі ўмею нядрэнна.

¹ Панчохи – чулки.

Я лічу, што ў беларусаў была магчымасць дабіцца поспехаў пры паляках. Асабліва ў тых людзей, у каго было адно дзіця і былі грошы – тады яно магло далей вучыцца. Аднак такіх выпадкаў я не ведаю.

Знаёмыя палякі ў нас былі. Бацькава сястра Марыя была замужам за палякам Цярэсікам. Настаўніцамі былі палячкі, палякамі былі і паліцаі ў вёсцы (многа нашых суседзяў былі палякамі – гэта Вакушынскі, і Змыслоўскі і інш.). Адрозніваліся яны ад нас сваёй мовай і адзеннем (адзяваліся яны лепш, у нас такога не было). Мы да палякаў нічога не малі, яны да нас таксама (у нашай мясцовасці да гэтых пор пераказваюць выпадак (ніхто не ведае, ці было гэта на самай справе ці не) пра пана: улезлі ў агарод да пана гусі, а ён забраў іх сабе. А бабулька прыйшла да яго прасіць, каб ён іх аддаў, а пан ёй і кажа: “Плаці грошы – аддам!”. А тая бабка і кажа: “Як із пана пан, то і так аддасць, а як з мужыка пан, то грошы возьме”. Дзявацца няма куды – аддаў гусей пан за так. Да яўрэяў палякі адносіліся, можна сказаць, раўнадушна, адзін аднаго не чапалі. У нашым мястэчку палякі пабудавалі і касцёл (у 1939 г. разбураны), што сведчыць аб тым, што іх было многа.

Знаёмых сярод яўрэяў было таксама [многа]. Дзецьмі мы пасвілі іх каровы, па суботам палілі грубкі, за што атрымоўвалі булачкі і цукеркі. Канфліктаў не было, мы дружылі. Ад нас яны адрозніваліся сваёй мовай і адзеннем (у іх яно было вузкім, у іх было пальто, а ў нас – кажухі). Характэрныя рысы яўрэяў – гэта тое, што яны былі хітрымі, у нас заўсёды гаварылі, што яўрэяў не правядзеш. Цыгане не жылі пастаянна, а толькі наязджалі часам. У хату іх не пускалі, бо яны абіралі людзей.

Да СССР адносіліся добра, звесткі аб тым, як там жывуць, да нас паступалі праз пісьма знаёмых (якія выехалі яшчэ ў першую вайну). Многія нашы пераходзілі граніцу і ішлі ў СССР, але іх там лічылі шпіёнамі (сярод іх – Хведар Сімук (вярнуўся назад), у мацеры брат перайшоў – Сцяпан, назад у Моталь прыехаў толькі яго сын ужо пры Саветах, аднак яго жонка-яўрэйка не захацела тут жыць, паехала назад, а тут – вайна, на якой ён і загінуў). Гаварыць праўду тады баяліся.

Савило Николай Прокофьевич, 1929 г. р., д. Селище Пинского района

Жил я и моя семья в то время в деревне Селище Пинского района. Деревня наша когда появилась, я не знаю. Деревня была как бы разделена на две части. Одна часть была основана давно, еще при царской России. Сначала в деревне жило всего десять семей, которые работали на пана. Потом привезли еще несколько семей, которых поселили во второй половине деревни. Большую часть времени наша семья работала на пана. В свободное время мы работали на своем участке земли, которую пан еще раньше раздал семье. Держались в деревне все вместе как-то, жили

дружно, конфликтов каких-то серьезных среди односельчан не помню, чтобы были.

Состоятельными считались люди, у которых было много земли, имелась рабочая сила, была тяглая сила (кони, волы, с/х инвентарь). Были и такие, у которых была земля, но не было возможности ее обрабатывать. Они сдавали ее в аренду, хотя жили не очень, но все равно чуть лучше, чем остальные. К беднякам относили тех, у которых земля была, но была большая семья, а так как земли больше не давали, то отец, когда сын женился, отрезал от своего участка кусок земли и отдавал ее сыну. Вот, например, у моего отца были я и еще три брата, и когда мы все женились, он тоже дал нам часть своей земли, а дома свои мы строили вокруг дома отца. Также бедными были те люди, у которых вообще не было земли. И они в основном все время работали на пана, их называли «батрак». У нас в семье не было батраков, мы и сами жили не очень богато. Да почти вся деревня в принципе жила небогато.

Уважали богатых людей, которые сильно не хвастались своим богатством, которые помогали людям. В сущности, например, когда у людей не хватало зерна до следующего урожая, и они одалживали им зерно, давали работу этим людям. А призирали тех, кто не помогал людям.

Жили мы бедно. Товаров никаких не покупали, так как не было денег. Покупали продукты и «белую муку». Деньги для этого отец копил целый год. А так в основном у нас было все свое.

[Некоторые] ездили на заработки в Западную Европу. Мой отец также ездил в США на заработки. Он ездил еще до войны 1914 г. Ездили они, можно сказать, наудачу. Кто зарабатывал много и по приезде покупал землю, а кто «пролетал» и приезжал вообще без денег, как мой отец, например. Он провел в США около десяти лет и ничего не привез с собой, приехал «голый». Многие, кто уехал на заработки, вообще не возвращались и о их судьбе никто ничего не знает.

Газеты в деревне были, я уже не помню их названия. Но мы, как и большинство односельчан, не покупали их, так как не было денег.

В нашей деревне было два магазина. Оба держали евреи. Государственного магазина не было.

[В случае болезни] в основном лечились сами, народными методами. Квалифицированного врача в нашей деревне не было. Если человек заболел серьезно, то ездили в соседнюю деревню за врачом. Врачу за лечение платили золотыми и продуктами.

В нашей деревне была школа. Здание школы построил на свои деньги пан. В школе была очень строгая дисциплина, учили все усердно. Обучение велось на польском языке. Я до сих пор могу прочитать текст на польском языке, хотя и не очень хорошо. А отношения с детьми других

национальностей были нормальные, дружили все, не ссорились особо. Говорили в школе мы на местном языке, хотя учителя и старались, следили, чтобы мы разговаривали на польском.

В нашей деревне сначала где-то до 1922 года жило только два поляка, которые женились на наших девушках. Это в принципе были простые деревенские мужики, они ничем не отличались от наших мужиков. Односельчане относились к ним нормально. Они тоже с нами дружили. А уже где-то в 22-м году приехало где-то семей десять поляков. Они жили за деревней, у них была своя земля. Вот они уже держались от нас «поособку». Нанимали из деревни себе паробков. Они, когда пришли «советы», уехали в Польшу, кто не успел, вывезли с семьями «советы». Куда, никто не знал.

В нашей деревне жило два еврея. Они держали в нашей деревне лавки. Одевались они лучше, чем мы, хозяйством они не занимались. Обращались люди к ним в случаях, когда им были нужны деньги. Они обычно давали в долг под проценты. Сильно особо они не требовали возврата денег, когда люди не могли вовремя их отдать. Поэтому их в нашей деревне уважали. Забрали их немцы, когда пришли в деревню.

Я считаю, что [при поляках] национальность не имела значения. Если у человека была земля, то он жил хорошо, и национальность не имела такого уж сильного значения. Хотя, конечно, поляки при Польше все-таки жили лучше, чем мы (белорусы, украинцы).

Мы ничего такого толком о коллективизации не слышали. В основном узнавали все от беженцев из «восточных областей». Было в деревне у нас одно радио у мужика, новости узнавали по нему. Но потом пан запретил ему собирать мужиков у себя дома, и он разбил его на крыльце дома на глазах у мужиков. Хотя мужики поговаривали, что он потом собрал радио и слушал его сам, но скрытно.

Семенюк (Макарук) Ольга Федоровна¹, 1927 г. р., д. Тевли Кобринского района

Жылы мы у сыловы Тывлях. Батьки мои жылы на хутори, коло сыла. У батькив кроме мэнэ був шчэ мэнчый сын Павел. Павел жыв з бацькамы, а мэнэ отпавылы до дида з бабкою, шоб я им помогала. Полякув у нашым сылы було мало. Вси оны находылыся на службе и на зэмлі работалы. Еврей тожэ булы. Сэмыюв з высемь, мусыть, жыло. Гэты то усё торговалы.

У сылы вси в основном работалы на зэмлі. У каждого була своя зэмлі. У кого бильш, у кого мэнш. Хто сваёй зэмлі мив мало, то тыя ходылы наймалысь на работу до больш богатых людэй. Але таких було не много. У

¹ Интервью записано на диалекте.

нашым сэли вси жылы бильш-менш ривно. Состоятельными считался тый, хто ни на кого, кроме сэбэ, не рабыв. Бидных у нас у сэли не було.

Авторитетными людьми были тыя, хто не пыв, добрэ рабыв на хозяйстве. До таких людэй прыслушвалися и ходылы за советами. Таких людэй, шчоб не любили, ни було. Не уважалы пьючых, хто не хотив робыты, неаккуратных господарив.

Прызнаком достатка була зэмля. Чым бильш у тэбэ зэмлі, тым ты считаешся богатым. Ну, а если вжэ в тэбэ много зэмлі, то и скотыны будэ много, и грошей зможэш бильш заробыты.

Мы жылы добрэ. У мого батька було 12 гектарув зэмлі, а дид рабыв на жылизный дарозе и шчэ мив 3 га зымлі. На жылизной дарозе, платылы добрэ. Мая баба нигдэ не рабыла, сыдыла дома, бо дидива заробку хватало. У полякув было прынято, шчоб мужчына заробляв на содержанне сымьи.

Торговалы, в основном, евреи. Шчэ був одын манапольшчык. Куплялы тогды мало шчо. Всё было свое. Одэжу шылы з самотканого льнянога полотна. Лен тожэ самы садылы и оброблялы. Тэплишшу одэжу вязалы (з овэчок стрыглы вовну, чэсалы, прялы, рабылы ниткы). На зыму валенки куплялы у сусида Сашка Ностэрука, вин их сам валяв з вовны, Кажухы тожэ самы шылы. Куплялы тилько сахар, сіль, спички, мыло, горылку – все у еврэев. Шчо иногда куплялы у манапольшчыка – канфеты и били семушки, бо мы тогды гэтых гарбузив не садылы. Сахар був вэльми дарагой. Гарилка стоила 2 злотых и 10 грошэй, сіль – 6 грошэй, запалки – 5 грошэй. Услугами банку мы не пользавались.

Так как мой дид рабыв на жэлезнай дарозе, то яму давалы один раз на год бесплатныя билеты, куды захочаш, на яго и на бабу. Дид з бабаю каждый рик кудысь йыздылы. Булы оны у Львове, Кракови, Гдыни, Вильни, Почаеви, Карпатах, йыздылы на мора отдыхаты. Баба моя была неграмотна, але па-польску понимала, много знала и йыздыла з дидом всегда. А в 1937 гаду дид запысав на жэлезной дарозе мэнэ як сваю дачку и яму далы и на мэнэ бесплатный билет. У тым гаду мы пойхалы у Варшаву. Яшчэ з собою мы взяли соседску дивчыну Нину Прошкину и мого брата Павла. Запомнилося, што там кругом было вэльми чыстэнько и хорошэ, газончыки кругом были зелененьки. Дорогы там были насыпаны высоко, и шчоб перэйты вульцу, трэба було йты по сходкам навэрх, а потом вниз. Павел був тады шчэ зусим малый, зачапився за сходку и впав, одэр носа, и мы водылы яго у бальницу. Там, у Варшаве дид купив мени «сальтэрскыи вадички¹». Гэта «сальтэрская вадичка» тое самае, што зара адекалон. У нас такая не прадавалась, и я патом шчэ долго хвасталась падружкам. У Варшаве мы ходылы у такой музей, дэ расло много розных растений. Було

¹ Сельтерская вода – минеральная газированная вода.

вельми интересно. А в 1938 гаду мильсь пойхаты в Гдыню, на мора, але шчось у дида не получылась, а потым вжэ в Польшчы началася вайна.

Одевалыся, як я ужо казала, ва все свае. Недостатку не было, бо самы все рабылы.

Йылы усе тое самэ, шчо и зара. В основном картопли, хлеб пыклы самы, молочнэ тожэ все було свае. Зымою йылы мясо. Я вэльми любила сыледку, и дид мэни кожны тыждань прывозий з Брэсця сыледку. Она тогды была вэльми дарагая. За стил сядалы 3 разы. Лакамствам былы канфеты, што прадавав манапольшчык. На свята пякли пираги и гатовили, што смачнишшэ. Йылы вси таксамо. Питание у полякув и еврээв ад нашего не отличалось. Мой дид дружыв с полякамы, што рабылы з им на жалезнай дарозе. Найлипш всех вин дружыв са стрэлачником. У його было 3 дэтэй, и жынка тожэ нигдэ не робыла. У госты ходылы часто. Разам з гэтыю сэмьей мы отмечалы Рожство, Новый год и дни рождения. На католицке Рожство мы йшли до их у госты. Оны вжэ кололы кабанчыка, накрывалы стала. На Новый год ходылы то мы до их, то оны до нас. А вжэ на нашэ Рожство воны прыходылы до нас. На дни Рожства кликали многа гостэй. Люды з сыла так з полякамы не дружылы. Они ходылы в госты между сабой один да одного, а еврэйи и зусим особно жылы.

Да их в госты нихто не хадыв.

У сыли у нас было тылько пару еврэйских магазинув и магазин манапольшчыка. Фотамастэрская була у Кобрыни. А у парыхмахерския мы не йыздылы. Стрыглися самы спецыальными машынками. Грошы на пакупки брали з торгу, бо на праизводстве и на жылизнай дарозе беларусав рабыло мало. Восэнню на станцыю прыезджалы оптавики и скупалы свинину, то очереди тогды выстрайвалісь аж до сусидского сэла. Шчэ продовалы полякам лис¹. Молодыя хлопцы зароблялы на погрузцы лису.

Хворилы тогды редко, як вжэ хто захворые то або личылися самы (частий за все) або шлы да еврэя и куплялы «когутыка» (гэто вжэ як крэпко галова болила и простужывалася). «Когуток» – гэта був аспирын у пакетиках, на самому пакетику був нарысаваны пивень², што па-польску значыла «каутэк». Самэ липшее личэнне было – залізты на протопленную пичку, дэ на чоринь сыпалося зерно, и полижаты на ему. Любая хвароба праходыла. У сыли у нас быв врач-паляк. Прывивак не давалы, кроме как ад оспы. На прывивку людэ сами носылы дытэй. После гэтэх прывивак доуга заживала рука и гнаилася. Больница была у Кобрыни, але там было дарага лечытыся. Для жэлезнодорожников була спецыяльна больница у Вильни. Там було дишэвле лечытысь. Бабу одын раз схопыв жывыт, то

¹ Имеется в виду лес.

² Пивень – петух.

завозыли у бальницу у Кобрын. Баба полежала там кольки дзен, то потом заплаыла за лечэнне.

В сэли у нас була школа. Сначала 4-классная, а потом зробылы 6-классную. В школу начиналы ходыты з 7 год, ала мэнэ баба отпраыла почти у 6 год, бо вона была повитухою и прымала родэ у жинки учителя. Баба попросыла учителя шоб мэнэ взяв в школу раньше, вин согласылся, и я начала ходыты в школу просто так, для интересу. Потом учитель побачыв, шчо мэни нравытся учытысь и у мэнэ гэта добра получаеця, и запысав мэнэ у школу.

Учылыся мы па-польску. В начэле учебного дня мы молылыся па-польску. Православны читалы свои молитвы, але па-польску, а католики – сваи. Еврэи тожэ па своему малылыся. Два раза на тыдзень прыходзылы у школу ксендз и батюшка, праводылы час рэлиговедения: батюшка – у православных, ксендз у – католиков, а еврейы шлы домой. С 4-го класа начиналы вчыты французкый язык. В школы булы вельми строгы учителя. Учителя уважалы вси. Як в классе ни було дысцыплны, то учитель мог покрутыты за вухо або набыты линейкою по рукам. В школы ко всим относылыся одинаково, але як поляк чаго не знав, то яму помогалы, а русским вжо мэнш помогалы. Учытысь тогда мало хто хотыв. Гэта наука була не вэльми потрэбна. Старышшы дитэ паслы коров и часто пропускалы уроки. Вси книги и тетрады куплены у школе, писалы чарныламы. Кожную вэсну давалы дытям бесплатно рыбый жир, бо считалося, што дитём трэба витамин D. Па-руску мэнэ нувучыв чытаты и писаты дид, бо вын вучылся в царской школе и трохи быв грамотны, а по-украинску я сама навучылася чытаты по детским книжкам, якыя мне тожэ дид прывозыв. Вышэй школы беларусам пойты вчытысь было почти невозможно, бо полякы не вэльми гэтого хытылы, да и ни у всых булы грошы на вучобу. После школы вси шлы помогаты батькам по хазяйству. Эта можэ в горады хто вучылся.

Один раз дид обрачався в суд. Судылыся за землю. Мой дид купыв у мужыка зэмлю, а той мужык вмэр, а яго сэстра заявыла в суд и отсудыла у дыда зэмлю, бо не було бумажки про поупку. Суд був платный. Односылыся до всых одинаково. Бувало, што загоджвалы судей, але ж гэта и зара е. Суд расматрывав вси заявленныя.

В театрах и кино я ни булла, бо ни було близко этых театров. Один раз тольки прывозылы к нам у жэлезнодорожны клуб кино про смэрть Пилсудского. Показвалы, як гэтого Пилсудского везлы на орудыю¹ у Краков. Вси кони, якыя тягнулы гэту орудыю, былы покрыты чырвонаю попоною, и гроб у его був такый красывый. Показвалы маршала Рыдза-

¹ Имеетя в вуду на орудийном лафете.

Смыглыго¹. Интересно было на гэто подывытысь, прышло на гэто кино почти все сыло. А шчэ у Польшчы був прэзидэнт Мостыцкый². Вин хрыстыв каждую 7-ю дэтыну у сэмьи. У Глынанках у Сылыванюкив вин хрыстыв сына. Сам вин не прыихав, прыслал сваих подчынённых, навязлы много подаркув, и той хлопчык счытався хрышчоным сыном Мостыцкого.

Поляки в жизни от нас ничым не отличалысь. До всех относылысь просто. Тылко у школе на поляков було больш уваги. Все поляки булы на службе.

Евреи тожэ односылысь до всех одинаково. До их тожэ ниhto ниц кепского не мив. Оны мало дружылы з нами, все больш между сабой. З еврээв только одна дивчынка Эстэрка ходыла з нами на танцы. И з хлопцамы дружыв один еврэй. Вин зусим на еврэя не був пахож. Шчоб вайна не началася, вин можа б и жынывся на беларусцы якой.

Нацыянальнасть не мила тогда ни якого значэння. Все жылы между сабой мирно, не важно було, хто ты – беларус, еврэй або поляк, но еврэй брачылысь только са своими.

Цыганы тожэ постоянно не жылы, воны йыздылы на своих кибитках. Бывало, прыйыдуць, поставяць на гостынцы свои кибитки, адкрыють кузню и ножи точать за грошы або коней падковуюць. А цыганки ходылы по сэли, гадалы, танцовалы. Цыганята прыбигалы и просилы то мелких грошэй, то так шчо з продуктов. Люды давалы, николи ниhto ниц не шкодовав.

Про партыи я ниц не знала. Знала только, што в Советскому Союзу есть комунистыческая партыя и все. А в нас молодеж просто збыралася по хатам. Слухалы ниччу радыва по слухавкам про Саветский Саюз, одкильсци бралы листовки и раздавали тихонько по сыловы, шчоб поляки не бачылэ. З гэтэм все було вэльмэ строго. Полицыянты з собакамы шукалы гэты листовки. Як дэ на кого донэсыць, то прыходылы и пераварочвали всю хату, навэть крышу вскрывалы. Крышы тогда булы з с соломы, и шукалы навэть в саломе. А як вжэ кого зловяць за polityку, то вяли за постэрунок, сожалы за кроты³ и там били гумай⁴ по пятках. Билы так, шчо потом до хаты ползлы на колиях. А одного хлопца так збили, шчо вин хырыв дома, хырыв, хырыв, а потом вмэр. Наибольш такая polityчна молодеж збыралася в Мацях и Мырныцы (суседни села). Много хто з маладежы втыкав в Советский союз, бо думалы, шчо там ни

¹ Рыдз-Смиглы Эдвард (1886–1941) – близкий соратник Ю. Пилсудского. С 1936 г. – маршал Польши. В 1939 г. – верховный главнокомандующий.

² Мосцицкий Игнацы (1867–1946) – ученый-химик, сторонник Ю. Пилсудского. В 1926–1939 гг. – президент Польши.

³ Т.е. садили за решетку.

⁴ Гума – резиновая палка.

потрыбно робыты и зэмку там даюць бясплатна. В листовках было вельми хорошо написано про тую жизнь. Дви дивчэны ходылы пешком у Саюз, але не дайшылы, бо не найшылы дароги и вернулыся. Много кого з тых, хто втыкав, в Союзе посадылы на 15 лит, бо думалы шчо яны шпионы. Оля Дэнісюкова праз кильке часу вернулася з турмы и после гэтого вжэ больш в Союз никто не втыкав. Все думалэ, шчо той Саюз гэта вжэ «рай на зэмки», бо там все бясплатна и зусим ниц не трэба робыты.

Сергеева Ольга Антоновна, 1926 г. р., д. Абрамово Каменецкий район

Родилася я в Больших Селищах в 1926 году, девичья фамилия Доцкевич. В семье было шестеро детей: 4 сестры и 2 брата. Батьку звали Антон Самсонович, а маму Настей, а отчество ее не помню, старая вжэ, из Несвижа была мама. Девять лет мне было, когда переехали в Абрамово. Землю обрабляли, все своё. Коли жили яшчэ в Больших Селищах, то было доброе хозяйство: кони, свиньи были.

Сельским хозяйством занимались: коровы, свиньи, кони, поле обрабляли, ели свои поля, ростки, зерно и все ели: ячмень, просох и гречку. И лен, лен после осени рвали, после мучэли и ткали, а уже осенью сберали, яко он мягкий стане волокно, уже пряли, были шетки такие, почешем, ткали и сорочки и простыни, все своей работы, и юбки шили.

Троху купчего было при Польшчы, яшчэ было, але дорого с хозяйства, шо продасы, то и купишь.

Батька мой, в Абрамове земли маентак продавали, куплял, и обрабляли, в Абрамове на селе был там маентак, как пан уехал, то населели его евреи. [Они приехали] из Америки, записали их как эмигрантов туда, и они занимались так: и сапожники, ковали. Девочка была, шила усе, портная, а ее мати занималася – купляла матырыял, привозила, а шила дочка. Земли им наделили, обрабляли они. Там яшчэ парень был и две сестры, так они сами все рабили: сажил серпом, все рабили.

На селе было 24 еврейских дома в Абрамове, таки Абрамово называли – Плисейшче. Потым, яшчэ пры Польшчы, наши стали купляты хозяйства и вжэ было нашим 12 хат.

[С евреями] жили душа в душу, дружно жили. Был у евреев магазин там, шили все нам и сапожники, и портняжники, и булочки пекли и продавали нам, и водка, все было. Все приходили к ним в магазин. Яны занимались только торговлей и ремеслами.

А по качеству, их продукция хорошей была. Доброе было!

Ставбуник Нина Викентьевна, 1926 г. р. д. Теглевичи Зельвинского района Гродненской области

В Кошелях я родилась. А с пяти лет – в Теглевичах.

Ничего не было тогда, ничего при Польше. Не было ни денег, не было ничего. Мать моя, царство Небесное, ходила жать до обеда, чтобы купить кусок мыла. О, какая жизнь была. А я буду сидеть. Всё мать толкать. Жидовка принесёт бублики, яйцо за бублик, и всё буду толкать. – «Отойди, мне нужно деньги собирать, чтобы купить платок какой...»

Все были бедные тогда, один только был на всё село (богатый). А все были бедные; голодные были и голые были, всякие. При Польше кто что покупал. Работы же тогда никакой не было, одно хозяйство, а у кого-то хозяйство: у кого есть хлеб, а у кого и нет. Кто на тех бедных смотрел. Были тогда бедных и сегодня есть, а кто на них смотрит, кто им что даёт. Какая тогда жизнь была. Были и богатые, были и зазнавшиеся, поприезжали откуда-то при Польше. Почему нет (усмехается), были, и судились, и дрались (усмехается) всё было. Как и сегодня: нетерпеливый был человек, сказал что-нибудь.

Пусть Бог бережёт: с кожурой картошку ели и семена льна, вот как наша семья жила. Под окно приду, мачеха напечёт своим детям яиц, сала. А я постою около окна, посмотрю и пошла. Не пустит в дом. О, как я жила. Хлеб сами делали. Картошка своя, хлеб свой, крупы свои, мука. Спички и соль в магазине, а юбки, пиджаки ткали, вот как. А обувь, обувь какая. Ходаки пошьют. Волоки пошьют со льна. Тряпки белые покрутит и пошла, всё равно как в туфлях, вот как. Хотела проехать с горочки. Позвали. Распорол те ходаки, всё, села в хате. Землю покупали (1935г.), хату покупали. Строились. Вот какие покупки были. Попродавали и коров, и одежду, всё на ту хату. С досок были такие лавки около стен, кроватей даже не было и с досок лежали, такие как у нас в Кошелях, полки, а их сенники и так в ряд лежали, спали дед с мачехой и дети, и я с отцом и матерью на тех досках спали. Ни у кого кровати не было, у беднейших ни у кого. Каждый в своём селе был хозяин. При Польше никто, никуда не ездил и никто ничего не покупал, потому что не было за что покупать. Все бедно жили. Не было даже хлеба куска. Ни картошки, ни хлеба при Польше. Ели сорняки как свинья, лебеду, свирепу варили и ели. Налогами были обложены, кто не выплачивал, забирали землю.

В Теглевичах была лавка, уже когда переехали. Жид торговал семечками, конфетами, селёдкой, булочки выпекала, там продавала – по 5 грошей.

Ближайшие магазины были в Зельве, в Ружанах, в Волковыске. Добирались пешком. Корзину через плечо и пошла. До Зельвы – 22 км, до Ружан – 25 км пешком. А в Волковыск – 40. В случае болезни к доктору

было не добраться. Лечились дома. Да и средств лечиться тоже не было. Приезжал там к одной женщине с Белостока. Не могла ребёнка родить, корову нужно было отдать, за лечение – 150 злотых. А корова была 90-120. Умиряли люди от родов, умирали от всего, нельзя было лечиться.

Была школа. Как учителя относились к ученикам? Относились «хорошо» – как врежет, то кровь через уши идёт, били так. Оторвали там ухо девочке, оторвали совсем, а другому мальчику как дал, то через оба уха кровь шла. Вот как относились. Указки были железные. Били по рукам указкой – пухнут руки. Вот какая учёба была. Учили по польски. Не было не белорусского, ни русского. Ни немецкого. Только польский язык.

Поляки в деревне жили. У-у-у. Мазуры, а не поляки. Они приезжали тоже землю покупать вместе с нами. Почему «мазуры»? Вредные, потому что поляки так. А эти пштэли как начнут говорить, так непонятно что, как жида. Чем они отличались от белорусов? Одежда была такой же как и у всех. А не давали отозваться белорусам. Белорусы были загнаны как мыши в норы. Их там было много (поляков), но наши люди не имели воли не над чем. Их право было, им подчинялись все. Кацапами¹ нас называли. Кацапы. Они ещё и дрались, и гнать коров не пускали около своих домов. А дорога была, нужно было гнать в Чёртово, все называли так болото. И не давали, останавливали. Выходили. Хоть куда хочешь, хоть на самолёт коров сажай. Они с белорусами никаких дел не имели. Они если бы могли, то придушили этих белорусов. Купили землю и сидели как короли на своей земле. Зачем им кто.

Приветливые были жида. Не то что эти мазуры, задристанные. А жид добрый был. Бывало как зайдёшь. Расспрашивает. А что будете брать, а что то, а что то. И помогали тем. У кого нечего не было. Но уничтожили этих людей, жидов. Лучше жить при Польше было полякам. Потому что их власть. Попробуй скажи что-нибудь на польскую власть, так и сядешь в тюрьму. Хуже всего жилось почти всем, только если ты помещик какой или кто имел землю гектаров 100, 50. Вот тому жилось. А все остальные батраки. Все без исключения. Тогда никакой жизни не было. Зажатым был белорусский народ. Что никуда не рыпнуться. И не имели права ничего сказать.

Стаценя Андрей Павлович, 1911 г. р., д. Выходы Дрогичинского района

В нашей деревне представителей польской власти не было, и поэтому сильного влияния со стороны поляков не ощущалось. Администрация находилась в Дрогичине. Сильной вражды к белорусам не

¹ «Кацапы» - пренебрежительное прозвище русских, иногда белорусов.

было, хотя были отдельные случаи со стороны поляков, когда они вели себя вызывающе с нескрываемым высокомерием, но скорее всего вызвано отдельными чертами характера поляков. В целом поляки относились к местному населению нормально. Сам образ поляка в наших глазах вызывал некоторую злость, так как до этого не привыкли к главенству поляка. Тем более, что они видели в каждом более-менее грамотном человеке большевика.

Случаи межнациональной розни были редки. В основном они выражались во время торговых отношений в основном с евреями из Хомска. Хотя это была скорее словесная перепалка и заканчивалась она, как правило, примирением. Это было больше похоже на гонор. Все знали евреев [как] торговцев и сочиняли про них различные истории, байки, анекдоты, которые сохранились и до сегодняшнего дня.

Что касается ополячивания, то в основном это выразилось через сферу образования. Дети ходили в польскую начальную школу, где им преподавал учитель-поляк. Дети не любили его, так как он непослушных наказывал розгой. Со стороны родителей это не вызывало противодействия или возмущения. Люди считали, что грамотный человек нужен при любой власти. Никаких национальных амбиций никто не проявлял. Люди называли себя «тутэйшымі»¹.

О Советском Союзе ходили только слухи, причем они были положительного характера. Кто их распространял, никто не знает. Конкретно о советской власти ничего известно не было. Слышали о колхозах, но представить себе этого никто не мог, не говоря уже о репрессиях и т.д.

О демократии люди не знают даже сейчас. Права свои знали немногие. Жили по старым дедовским законам. В основном кругозор местных жителей был не дальше соседней деревни.

Евреев мы не любили, так как они были конкурентами в промыслах и торговле. Хотя многое в ремесле перенимали именно у них. Сельскохозяйственный инвентарь шел через их руки. Евреи жили в 15 км на север от нашей деревни в местечке Хомск, поэтому они часто разъезжали по деревням, продавали свой товар. Они были заметнее богаче, чем местные жители, хотя значительным богатством они не отличались.

Образ еврея представлялся в основном как хитрого, скупого человека, который всегда хочет обмануть белоруса, хотя было и обратное.

У соседа был друг еврей, его звали Герш. Он скупал в нашей деревне различные продукты, животных и т.д. Хотя больше люди свои продукты сдавали польским властям.

---

¹ Т.е. местными.

Образ украинца был такой же, как и белоруса. Между ними здесь особых различий не было. Украина находилась в 20–30 км на юг и связи с Волынью были тесными.

К цыганам относились враждебно, так как они становились табором возле деревни и ночью воровали лошадей у людей. Обычно все мужчины собирались и шли к ним говорить, чтобы они убирались в другие места. Иногда доходило до драки.

В нашей деревне политикой никто не интересовался и всем было все равно, лишь бы никого не трогали.

Тарасевич Евгения Ильинична, 1924 г. р., д. Выходы Дрогичинского района

Мой отец – Илья Васильевич жил в Калинковичах до 1920 г. Там он работал на железной дороге. В этом году вместе с бригадой, их было трое, приехал на поезде в Брест, а назад поляки уже не отпустили. Он не захотел принять польское подданство, за что его уволили. Но без дела не сидел. Подрабатывал, где мог. Рассказывал, что чаще всего ходил топить баню еврей-хозяину на ул. Маяковского. Еврей выделил ему комнату, где жил отец. Скоро познакомился с нашей матерью. Звали ее Лидия Николаевна. Мать вообще не работала. До 1935 г. жили по разным квартирам. В основном комнаты были. В 1935 г. мы всей семьей переехали в 12-й дом на ул. Белорусской, который построил отец. Нас было трое детей: я и два брата – Юра и Валентин, они были младше меня. Мы жили, конечно, плохо, особенно когда отец строил дом. Мать копала картофель у людей на полях, собирала клубнику, огурцы. Хозяева были в основном евреи. Почти все наши соседи жили одинаково бедно. Некоторые, кто побогаче, держали лошадь. Жили и богатые, у кого было очень много земли. Отец получал засилок¹, пособие такое, в 12 злотых, что не работал. Позже стал подрабатывать на страже² – Южный они строили.

Мебель была у нас простая: кровати, столик. Ну, это ничего. Была знакомая женщина с дочерью, жила в землянке, где сейчас ул. Дубровская. У нас были куры и один поросенок. Топили шишками, раньше ведь все лес был. Сама часто ходила собирать.

Мать часто покупала нам одежду новую перед праздниками, но необходимую. Один раз мне запомнился, как купили мне пальто. Было столько счастья! Часто покупали мыло хозяйственное, соду каустическую, жир, который был белый и серый. Покупали серый, был дешевый. Были еще булочки. Но мы покупали их только на следующий день, если останутся, потому что было дешевле – по 3 гроша. Так и жили за

¹ Засилок – пособие по безработице.

² На страже – сторожем.

приработки родителей. Мать все также ходила на полевые работы. У банков ничего не брали, ведь отдавать не было чем.

За границу никто не ездил – не выпускали. Родных с Калинкович не знали. Моего отца его отец не выкупил назад. Мы им не писали. Что было в других городах, тоже не знали, потому что связи не имели.

[Одежду], конечно, сами старались шить. Чаще перешивала все старое: рубашки, платья. Однажды купил отец босоножки. Для меня была роскошь. Недостаток, конечно, был.

В 1934 г. почти голодали, шла стройка. А так в основном ели клецки из картошки, сало, ведь было свое. Очень любили шпроты. Отец иногда нам покупал по 2–3 штучки. Поляки делали свой стол. Когда у них был праздник, моя соседка ходила к ним помогать, чистила картошку. Я пару раз пошла с ней. Они нам в мешочке дали лакомства: яичко, булки, печенье. Мы отмечали Рождество и Пасху. Отец отмечал Илью, иногда день рождения. Редко приходила к нам мамина сестра. Чаще были сами.

Помню отца, как ходил в дом напротив, там было подпольное радио. Приходил взволнованный. Это было в 1936–1937 гг. Я не слушала – было все равно. Хотела только, чтобы Советы пришли, как и все. А газет не помню.

Мы каждую субботу делали уборку, мама грела воду, и мы мылись. В лавки ходили, больше никуда.

Когда болела, отец водил в «кассу хворых¹» на ул. Ленина. Лечил, наверное, бесплатно.

Знаю, что была гимназия Траугутта² (на Советской, сейчас университет). Никому нельзя было поступать. Поляки поступали. Я училась в польской школе на ул. Граничной, сейчас Карасёва. Ходила пешком. Школа польская, а других и не было. Поляки обзывались на белорусских детей. Меня одна полячка как-то обозвала «кацапкой». Я, конечно, тоже ей ответила. Ну и вызвали ксёндза. Полячке объяснили, что так нельзя говорить, а меня поругали. В классе было 2 еврейки. В субботу они в школу не ходили. Да они и не искали, с кем дружить. По-русски научила читать и писать меня. У нас дома была старая книга с буквами и картинками. По ней русскому и научилась. Запомнила быстро.

В кино ходили со школой, правда, о чем были фильмы, не помню. Мне не нравилось. Мне надо было пешком идти на Московскую. Походила неделю, больше не захотела.

¹ «Касса хворых» – больничная касса. Учреждения медицинского страхования, созданные в 1919 г.

² Государственная гимназия им. Р. Траугутта была открыта в 1919 г. в здании бывшей русской гимназии имени цесаревича Алексея. Действовала до 1939 г.

Поляков знакомых не было. А евреи знакомые были. Отец их часто хвалил. Они хорошие, богатые. Мать рассказывала, что я очень дружила с еврейкой, что после обеда мы с ней засыпали у нее дома, а мать меня приходила и уносила домой. Они хорошо одевались. Мама часто стирала нашу чистую одежду и вывешивала сушить, чтобы видели, что много одежды. Относились они ко всем нормально.

Были ли украинцы рядом, не знаю, а русские были, наши соседи. Разницы в национальности с ними не было. Отличались поляки и евреи, а мы одинаковые.

Редко женились на людях другой национальности. Но мой дядька женился на польке. Помню даже, что на свадьбу ходила. Мне тогда 10 лет было.

Был знакомый немец. Жил там, где сейчас химзавод. Построил там здание. Етз его фамилия, он был собаколов. Семья была немецкая, но писались поляками. Держал у себя 5 человек на работе. Ловил собак, кто-то выкупал своих. Он с них шкуру снимал и собирал на жир, он полезный, а мы тогда еще не знали. Одна девочка со мной в школу ходила и рассказала, что когда заболела, то сын Етза приносил ей этот жир. Дочь ходила в школу со мной. Когда мой брат заболел, то они приносили ей собачий жир. Он тоже нанимал людей на работу. А когда накрывал на стол им, то не было мяса. Он покупал куры и селедку, чтобы не думали, что мясо собачье.

Телецкий Александр Иванович, 1928 г. р, д. Залесье Слонимского района Гродненской области

Я всю свою жизнь прожил в Гродненской области, Слонимском районе деревне Залесье. Родился я в двадцатые годы, когда точно я не знаю. Но приблизительно 1926 г. за две недели до Пасхи.

Мои родители также жили тут. Отец Телецкий Иван Анатольевич 1892 г.р. всю жизнь проработал в своём хозяйстве. Мать Телецкая (Шухно) Мария всю жизнь воспитывала детей, а потом и внуков.

Семья у нас была простая и даже можно сказать что бедная. В доме у нас не было даже полов, обычная глина под ногами. Спали на деревянных лавках, а дети на набитых соломой тюках. Из сельского хозяйства были лишь куры да кормилица корова.

Но были в деревне и богатые, у которых были и коровы и кони и даже своя земля. А земля в те времена, впрочем, как и сейчас, являлось признаком богатства. Рацион питания у нашей семьи был прост. Я даже помню то время, когда я воровал яйца из курятника и тайком их пил. Мясо было роскошью, да и то в большие праздники. Питались тем, что было выращено своими усилиями. Да молоко, мясо, сметана. О сладостях можно было только мечтать. В детстве мы собирали фантики от конфет, которые

выбрасывали поляки, а на фантик можно было с кем-нибудь поменяться на какой-нибудь кулич.

В саду, недалеко от деревни было панское поместье. Иногда удавалось у них подзаработать. Пасли коров или заготовливали топливо на зиму. Я помню только 2-х панов: Ельского и Лантовского.

У них были большие наделы земли. Как-то раз я решил полакомиться малиной из панского сада. Только пару ягод вытащил через щель в заборе, а он тут как тут. Взял да подвесил меня за рубаху на сук. И так я висел до прихода отца. Ох, и влетело мне.

Из одежды у нас тоже ничего особенного не было. А уж если кто женился, то брали боты напрокат.

В Жировичах жило много евреев и к ним относились нормально, ведь у них было много денег. А у кого были деньги - у того было уважение. Именно они и содержали лавки, где мы покупали керосин для лампы. Соль, да сахар за редким исключением.

Иногда ездили в город, а в городе жили лучше. Работа легче, да и люди богаче, они почти все были евреями. Их тут было много – около 80 %.

В нашей деревне жили бабки, которые помогали при любом недуге, больницы были, но кому нужны были обычные бедняки? Их там и не принимали.

Также в нашей деревне была небольшая школа до 4-го класса. Учителями были поляки и относились они к нам хорошо, если мы вели себя хорошо. Но в каждом классе были розги и за провинности нас ими наказывали. Каждое занятие начиналось с молитвы. В классах все дети дружили и между собой общались на белорусском.

Более взрослые и умные люди предполагали о том, что происходят какие – то действия со стороны власти где-то в 1933, а уже ближе к 1939 г. это стало ощущаться более сильно.

Мы с отцом хотели бежать в Польшу, но у нас не было подходящих документов и с этой мечтой пришлось расстаться.

Хоха Нина Владимировна, 1920 г. р., г. Скидель Гродненской области

Поляки старались бедных сделать еще беднее, а богатым они помогали. Ненавидели бедноту и голоду. Называли нас батраками. В школах требовали говорить только по-польски. Православным верующим нельзя было учиться дальше, после школы. Я ходила в школу с 7 лет до 12. В мои 13 лет учитель-поляк подал «на кару» на моих родителей. Это штраф за то, что я не хожу в школу. Два года я училась в 4-м классе. Больше учиться я не могла: надо было ехать в Поречье (ближайший центр), но не было денег, а еще наша семья была православной. В школе заставляли учить польский язык. Все предметы преподавались по-польски.

Но! В польской армии наших белорусов-православных заставляли ходить в церковь, в большую пятницу (пост) не давали мяса им есть. Церкви были, но открыто не ходили. Батюшка собирал детей из семей православных (раз в неделю) у кого-нибудь дома и учил их Закону Божьему, грамоте, как себя вести, про праздники и посты рассказывал.

Информацию, новости мы узнавали один от другого. В деревне у нас было одно радио. По нему при поляках из России передавали все время частушки. И мы все думали, как там живется хорошо, весело, песни поют даже.

Евреи торговали хлебом, разными продуктами. Мы покупали у них.

Демократическим польское государство не было, но в церковь мы могли ходить. Могли праздновать свои праздники. Хотя я знаю, что церкви многие были закрыты, но у нас была церковь. Поляки злились на нас, но мы ходили, хотя некоторые может и боялись.

Местные люди жили с евреями дружно. Люди собирали грибы (сморчки), сушили, а потом сдавали евреям за деньги. Мой отец учился у еврея на кравца (портного). В соседней деревне был еврей сапожник; у кого были деньги, заказывали у него обушок (сапоги), добротный, носили долго. А еще евреи шили крепкие качественные хомуты (для коня), а возы наши мужики учились у них делать. Но еврей был умным и хитрым. Они старались нас, простых, обмануть в свою пользу. Они, конечно, мастера, но с умом и для себя. Я даже ела еврейскую мацу (это на пасху пекли из муки наподобие макарон, такое блюдо). Нас страшили старшие, что жиды (евреи) в эту мацу добавляют человеческую кровь. Но я не видела и не знаю: белые, обыкновенные макароны.

На деревне обычно белорусы-бедняки. Но жили мы дружно, помогали тем, кто голодал. Хотя были и более зажиточные семьи. Они бы вроде и делились, но мы то понимали, что это не от души. А поляки – они были к бедняку равнодушными. Они не помогали и не мешали. В основном жили с поляками дружелюбно, нормально.

Украинцы (хохлы) понаехали к нам после войны, в 1946 г. При поляках про хохлов мы ничего не слышали и не знали, может, скрывали люди свою национальность.

Юдчиц Евдокия Лукинична, 1924 г. р., д. Пешки Берёзовского района

Родилась я в д. Пешки (Берёзовский р-н), где живу и сейчас. Наша семья состояла из шести человек: мать, отец, две сестры и брат. Население нашей местности состояло тогда в основном из белорусов; но было несколько семей поляков и две семьи евреев. Один еврей был кузнецом, а второй магазин имел. Все люди в основном были бондари, делали бочки, чем и славились в округе. У каждого была также и своя земля, только у

кого-то больше, у кого-то меньше. А вообще жили очень дружно. Собирались по вечерам, общались. Но пьянки не было, да и не знали, что это такое.

У кого не было земли или было её мало, те работали на пана. Каждый вечер платил и платил не мало, то есть никто не жаловался. Относился он к нам хорошо. Помню и я как-то ходила, помогала пану бульбу копать. Кто достаточно имел своей земли, тот работал только на ней. Но богатых, зажиточных особо не было, да и бедняков не наблюдалось. Как-то все более-менее равно жили. Было и такое, что старцы побирались, но откуда они шли – не известно. Долго они у нас не задерживались. Были и инвалиды – тоже просили.

Наибольшим уважением пользовались староста, батюшка и помещик. Хорошие были люди, доброжелательные. Были у нас и политиканты. За ними и следила полиция. Чуть что, так сразу забирали.

Меблировка в нашем доме состояла из стола, лавки, запечка, кровати, всё было деревянное. Матрацы и подушки делали сами. Сеяли лён, пряли, ткали.

Два хозяина имели свои ветровые мельницы. Признаком достатка считалась лошадь, ведь без неё было очень трудно.

Был у нас небольшой магазин, торговал в нём еврей. Товары были всякие для хозяйства, то есть всё, практически, что нужно. И еду покупали, но мало, в основном материалы для одежды. Был в деревне портной. Да и люди держали ещё своих овец, была своя шерсть, вырабатывали сами, шили тулупы, ткали свитки и т.д.

На то время крупной покупкой считалась швейная машинка и велосипед. Помню, еврей уговаривал брать в кредит, если денег не было. Но потом началась война и кредит пропал. Так у нас велосипед и остался. Мой отец делал бочки, и мы ездили на базар и продавали их. Если же у кого денег не было, то меняли их на зерно, бульбу и т.д. Услугами банка никогда не пользовались.

Ездили наши люди в то время на заработки в Америку. Ездили в среднем на несколько лет, затем приезжали и покупали землю. Зарабатывали там хорошо. Как-то раз несколько человек, точнее даже восемь, поехали в Америку, чтобы сделать там революцию. Стали там действовать, их вычислили и выслали обратно домой.

В школе была я очень любопытной, задавала много вопросов. К моему отцу пришёл учитель и сказал, что завезёт меня в Варшаву на экскурсию за хорошую учёбу. Завезли меня конём на вокзал, оттуда на поезд. Это же было интересно поезд увидеть. В Варшаве поселили в казарме. Экскурсия эта не стоила мне ничего, только отец обещал сделать учителю бочечку и ещё какую-то мелочь.

В нашей семье носили ботинки, валенки, постолы (лапти); ткали, одежду шил портной. Терпимо было, не совсем чтоб оборванные.

Рацион питания состоял из молока, каши, супа, капусты. Завтракали, обедали и вечеряли. Было и мясо, ведь свиней держали. Лакомством считались сахар и цукерки, но этого было очень мало. По праздникам пекли пироги, делали мясные блюда.

Поляки в основном были в нашей местности середняками. Одевались, питались похоже, как и мы.

Отмечали тогда Рождество, Новый год, собирались, шутили. Особенно интересным был праздник Купала. Дни рождения не отмечали, потому что не знали, кто когда родился. Вечорки были. Собирались соседи, родственники. Отмечали также ещё кресбины, свадьбы.

Книжки и газеты были, но какие – не помню. Газет не выписывали, просто шли до еврея и читали у него. Больше всего интересовала информация об освобождении нас Россией от поляков.

С медициной было потруднее. Был на два села врач с женой. К нему обращались, но он был платный. Если что серьёзное, то приходил на дом. Прививок, санитарных проверок, санитарных инфекций не было. Часто умирали от “смертельного живота” (так называли аппендицит).

Была и школа, одна на две деревни. Состояла из четырёх классов. Обучение было бесплатное. Вот уже в пятый класс можно было пойти только за деньги и в другой деревне. Отношения учителя к ученикам было неплохое, хотя и присутствовали элементы наказания (линейкой по руке, на колени), но было за что. Всё преподавалось на польском языке. Польский помню, могу говорить, но забыла, как писать и читать. При учителе ученики говорили на польском, когда его не было, то на местном.

В суды обращались обычно по земельному вопросу и по краже. Реже – за политику, за что судили, бывало и пожизненно. Даже было и такое, что судили батюшку за то, что назвал полиция хуже собаки.

Бывали у нас и танцы, только клуба у нас не было, поэтому собирались в большой хате. Было весело. Только в 39 году в первый раз увидели фильм при советах. Все были потрясены. Вот телефонам не пользовались. Да никто даже и не знал о нём.

При поляках дорога в учёбу была только для тех, кто имел деньги, то есть не для многих. Можно было работать на пана и получать неплохие деньги тем, кто хотел. А в целом, чтобы достичь чего-то большего в жизни, надо было учиться, а, как я уже говорила, это было немногим под силу.

Знакомых ни поляков, ни евреев у меня не было. Ходили и те и другие в похожей одежде, что и мы. Внешне как-то особо не отличались. Отличие поляков в том, что они были гульцями. А евреи отличались своей

хитростью. Недолюбливали нас поляки, а мы в свою очередь недолюбливали их. До евреев они относились так же, как и к нам. А евреи в общем, были неплохие люди. Просто они относились к другим так, как те относились к ним. Драки или других конфликтов между евреями и местными не припомню. Драки были только на танцах между местными и то за девушку.

Выходили наши девушки замуж и за поляков, но только поляки были в основном бедные. Моя двоюродная сестра вышла замуж за поляка, а ее ж бедный ея был. К таким бракам у нас относились нормально, переходили в католическую веру, венчались в касцёле.

Были цыгане. Ходили к ним в гости, те гадали нам. Мы ко всем относились хорошо, никто нам обиды никакой не сделал.

Политикой я тогда интересовалась, но ни в какую организацию не входила. Да и не было у нас их. Афишки политические приходили с России. Мы прятались, когда читали их, чтоб кто не видел. Опасное это было дело, а так ждали, когда “солнышко с Востока взойдет”.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- д. Абрамово, Каменецкий район – с. 146
- д. Акачи, Слонимский район – 21
- д. Аркадия, Брестский район – с. 54, 56, 57
- г. Барановичи, Брестская область – с. 34. 35
- Белая Вежа, Каменецкий район – с. 63
- д. Белая, Каменецкий район – с. 62, 63
- г. Белосток (Польша) – с. 148
- д. Бельск, Кобринский район – с. 130
- г. Бельск-Подляшски (Польша) – с. 63
- д. Большая Горошковка, Каменецкий район – с. 61, 62. 63, 64
- д. Большие Селищи, Каменецкий район – с. 146
- д. Борки, Дятловский район – с. 109
- г. Брест – с. 29, 40, 41. 46, 55, 57, 83, 87, 94, 96, 12, 124
- д. Буяки, Брестский район – с. 118
- д. Вартыцк, Ивановский район – с. 115
- г. Варшава (Польша) – 23. 42, 57, 65, 67, 69, 87, 89, 90, 134, 142. 143, 155
- д. Велесница, Пинский район – с. 89
- г. Вильня – с. 94, 95, 142, 143
- г. Витебск – с. 43
- д. Витошки, Брестский район – с. 119
- д. Войская, Каменецкий район – с. 70
- г. Волковыск – с. 24, 25, 26, 147
- г. Воложин, Минская область – с. 91, 92
- Волынка (пригород Бреста) – 56, 57, 58, 59
- д. Выходы, Дрогичинский район – с. 148
- г. Высокое – с. 70, 121
- д. Высоцк (Украина) – с. 32
- д. Гершоны, Брестский район – с. 56, 57
- г. Гдыня (Польша) – с. 142, 143
- д. Глинка, Столинский район – с. 30, 31
- д. Горки (Украина) – с. 43
- д. Городная, Столинский район – 31, 74, 75
- д. Гута, Барановичский район – 33
- г. Давыд-Городок, Столинский район – с. 32, 65, 113, 114, 136
- д. Дворец, Барановичский район – с. 108
- д. Дивин, Кобринский район – с. 110, 111, 112, 129, 130
- д. Добучин, Пружанский район – с. 85
- г. Дрогичин – с. 32, 44, 148
- д. Дрочево, Малоритский район – с. 133

- д. Дуброва, Брестский район – с. 90
- д. Еремичи, Кобринский район – с. 101
- г. Жабинка – с. 96, 106. 107
- д. Залесье, Слонимский района – с. 153
- Заможье (хутор), Малоритский район – с. 44
- д. Збируги, Брестский район – с. 119
- г. Зельва, Гродненская область – с. 147
- г. Иваново – с. 44
- г.п. Калинковичи – с. 150, 151
- г. Каменец – с. 63, 70, 76
- д. Каменица-Журавецкая, Брестский район – с. 119
- д. Каменюки, Каменецкий район – с. 63
- г. Кобрин – с. 40, 143. 144
- д. Кодно – с. 41
- д. Козловщина, Дятловский район Гродненская область – с. 21, 22
- д. Кошели – с. 147
- г. Краков (Польша) – с. 142
- д. Лазы, Брестский район – с. 125
- д. Лахва, Лунинецкий район – с. 109
- д. Лесная, Барановичский район – с. 35
- д. Лука, Столинский район – с. 73
- г. Лунинец – 50
- г. Львов (Украина) – с. 142
- г. Малорита – с. 68, 69
- д. Медно, Брестский район – с. 91
- д. Митьки, Брестский район – с. 57
- д. Мовчадь, Барановичский район – с. 108
- г. Москва (Россия) – с. 89
- д. Мотоль, Ивановский район – с. 27, 116, 137 138
- д. Мохро, Ивановский район – с. 43
- д. Новосады, Жабинковский район – с. 95
- д. Нача, Ляховичский район – с. 98
- д. Новая Мышь, Барановичский район – с. 36
- д. Новосады, Жабинковский район – с. 95
- д. Новоселки, Гродненская область – с. 22
- д. Новоселки, Кобринский район – с. 13 0
- д. Одрижин, Ивановский район – с. 43
- д. Олтуш, Малоритский район – с. 69
- г. Ополь (Польша) – с. 83, 116
- д. Орехово, Малоритский район – с. 28
- д. Отчино, Малоритский район – с. 68

- д. Охово, Пинский район – с. 99
- д. Павлово, Слонимский район – с. 21
- д. Пашуни, Каменецкий район – с. 104
- д. Перковичи, Каменецкий район – с. 70
- д. Пешки, Березовский район – с. 154
- г. Петербург (Россия) – с. 79
- г. Пинск – с. 67, 78, 82, 94, 100
- г. Познань (Польша) – с. 87
- д. Поречье, Пинский район – с. 89
- г. Почаев (Украина) – с. 142
- д. Прилуки, Брестский район – с. 121
- д. Приречье, Слонимский район – с. 22
- г. Пружаны – с. 53, 94, 95
- д. Пугачево, Брестский район – с. 46
- д. Пузовичи, Дятловский район – с. 21, 22
- д. Радваничи, Малоритский район – с. 146
- д. Роготно, Дятловский район – с. 109
- д. Рубель, Столинский район – с. 127
- д. Рудка, Пинский район – с. 88
- г.п. Ружаны – с. 147
- г. Самара (Россия) – с. 118
- д. Селище, Пинский район – с. 139
- г. Слоним – с. 21, 22
- г. Столбцы – с. 113
- г. Столин – с. 74, 75, 110, 128
- д. Степанки, Жабинковский район – с. 105
- д. Страдичи, Брестский район – с. 39
- г. Тамбов (Россия) – с. 30
- д. Тевли, Кобринский район – с. 141
- д. Теглевичи, Зельвенский район – с. 147
- д. Тельмы, Брестский район – с. 118
- д. Теребежов, Столинский район – с. 31
- д. Туры, Столинский район – с. с. 135
- д. Тышквичи, Ивановский район – с. 26
- д. Узначи, Барановичский район – с. 60
- д. Утес, Барановичский район – с. 59
- г. Уфа (Россия) – с. 93
- д. Хабовичи, Кобринский район – с. 130
- д. Хомск, Дрогичинский район – с. 149
- д. Хотислав, Малоритский район – с. 68
- д. Цна, Лунинецкий район – с. 48

- д. Черемуха, Дрогичинский район – с. 32
- д. Чернаки, Каменецкий район – с. 103, 104
- г. Шацк – с. 68
- д. Шени, Пружанский район – с. 93, 95
- г.п. Шерешево, Пружанский район – с. 130
- д. Шишово, Каменецкий район – с. 75
- д. Шубичи, Пружанский район – с. 22
- д. Шунды, Гродненская область – с. 22
- д. Яковичи, Пружанский район – с. 52
- д. Яново, Ивановский район – с. 116

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СБОРУ МАТЕРИАЛОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Изучение феномена исторической памяти сопряжено с исследованием восприятия, суждений и оценок представителей различных социальных и возрастных групп. Необходимо учитывать свойства, характерные для устных источников для того, чтобы обеспечить сбор качественного материала. Воспоминания, полученные в ходе интервьюирования, часто открывают нам неизвестные события или неизвестные стороны известных событий, проливают новый свет на неисследованные страницы прошлого, малоизученные сферы жизнедеятельности общества и повседневную жизнь простого человека.

Устные воспоминания – исторические источники, которые появляются в ходе интервьюирования. Интервью – это способ общения между людьми, принадлежащими к различным социальным классам или возрастным группам, которые в иных случаях встречаются лишь изредка. Однако сама природа интервью ломает барьеры между интервьюерами и респондентами, между профессионалами и обычными людьми. Историк берёт интервью, чтобы узнать что-то новое, он слушает людей, которые в силу иного социального происхождения, жизненного опыта, или возраста, знают о чём-то больше, чем исследователь. То обстоятельство, что интервью с одним и тем же лицом может продолжаться до бесконечности, говорит о неисчерпаемости устных источников: невозможно исчерпать полностью память одного информанта, он будет сообщать о всё новых деталях прошлого, погружаясь в воспоминания, заново переживая события своей жизни, пытаясь осмыслить приобретённый опыт, включая в канву повествования всё больше фактов, мыслей и чувств.

Историческая наука, с одной стороны, стремится восстановить факты как можно более подробно, а с другой стороны – сохранить тот образ прошлого, который присутствует в коллективной памяти, при этом удерживается то, что по-прежнему интересует общество, является для него важным и значимым.

Поколение двадцатилетних получает информацию о прошлом из двух разных источников. Что-то им рассказывают представители старшего поколения – прабабушки-прадедушки, бабушки-дедушки и родители (передавая воспоминания старших родственников). Остальное узнаётся из учебников, книг о событиях прошлого, художественных и документальных фильмов, благодаря мемориальным комплексам и воспитательным мероприятиям. Эти два способа трансляции исторической памяти не дополняют друг друга, поскольку у них различные адресные аудитории и разные культурные функции. Первая обращена к слушателю как к члену

малой группы, семейной или соседской. Вторая – к гражданину страны. Но по своему оба способа участвуют в создании правдивой картины прошлого. Воспоминания людей неразрывно связаны с их осмыслением прошлого – как своей собственной индивидуальной биографии, так и истории того общества, в котором прошла их жизнь, истории их страны и всего мира в целом. Эти воспоминания, в сумме образующие коллективную историческую память общества, представляют собой одну из форм исторического сознания, другой ипостасью которого выступает традиционная историческая наука, создаваемая профессиональными историками. Устная история, таким образом, представляет собой ещё и канал живого обмена между этими двумя сферами, способствуя их взаимному обогащению.

Когда исследователи работают с записями устных воспоминаний, которые прошли транскрибирование, следует учитывать, что нельзя проанализировать важные признаки, помогающие установить степень достоверности, полноту и точность источника. Приобретая письменную форму, воспоминания теряют такие особенности речи как интонации повышения и понижения голоса, ритм, паузы – всё это несёт в себе определенный смысл и социальные коннотации, которые не могут быть воспроизведены на письме. Большинство респондентов меняют ритм повествования в течение одного и того же интервью – по мере того, как меняется их отношение к обсуждаемым проблемам. Такую переменную, эмоциональные всплески, особенности мимики и жесты автора воспоминаний можно уловить только на слух и в ходе визуального наблюдения, они не воспроизводятся в письменной передаче.

Первоначальное восприятие и осмысление событий не остается в памяти неизменным – воспоминания человека меняются с течением времени под воздействием как его индивидуального опыта, так и тех изменений, которые происходят в оценках прошлого в обществе в целом. Воспоминания отдельного человека и историческая память всего общества находятся в постоянном взаимодействии. Рассказ о прошлом всегда служит интересам настоящего: воспоминания призваны объяснить и обосновать ту точку зрения, ту жизненную позицию, которую занимает в данный момент рассказчик. Тяжёлые, болезненные, травмирующие воспоминания или память о тех событиях и действиях, нынешняя интерпретация которых далеко не однозначна и потенциально опасна для отдельного человека или всего общества, обычно подавляется, приводя к умолчаниям.

С учетом специфики изучаемого исторического источника и темы исследования был разработан вопросник-путеводитель, включающий 23 основных блоков вопросов, охватывающих период 1921–1939 гг. и затрагивающий основные события и процессы, происходившие на территории западных областей Беларуси. Вопросы направлены на получение

информации, которая поможет охарактеризовать повседневную жизнь, ментальность белорусов, отношение к основным этническим группам, составлявшим в западнобелорусском регионе меньшинство – полякам и евреям, социальные, религиозные и нравственные ориентиры поведения представителей различных этнических групп в определенных социальных условиях, идеологизацию, мифологизацию и фольклоризацию прошлого. Кроме того, для дальнейшего развития темы были разработаны вопросники по периодам 1939–1941, 1941–1945 гг., которые представлены в данном сборнике.

В ходе разработки вопросника были учтены достоинства и недостатки основных школ интервьюирования. Одна из школ основана на объективно-компаративном подходе. Интервьюер полностью контролирует ситуацию во время беседы, ведёт жёстко структурированное интервью, задаёт набор одних и тех же вопросов всем респондентам. Такой подход может иметь разрушительные последствия. Он приводит к «подавлению» многообещающие направления исследования или вынуждает людей следовать по заранее определённому вопросником пути, оставляя важные массивы информации за бортом. Другая крайность – свободно протекающий диалог между интервьюером и респондентом, без заранее установленной схемы, когда интервьюер просто следует за ходом беседы, в какую бы сторону она не развивалась. Такой метод позволяет надеяться на открытие новых аспектов изучаемой научной проблемы, но основной недостаток этой школы – получение нагромождения зачастую запутанных сведений, в которых сложно ориентироваться.

Для получения эффективного результата в нашем случае был разработан вопросник-путеводитель, который основан на сочетании методов формализованного и неформализованного интервью.

Чтобы получить наиболее полную информацию, при составлении вопросника для нашего проекта использовался такой вид исследовательской стратегии, который, с одной стороны, позволяет при использовании определённых вопросов проводить сравнение между ответами разных респондентов, но при этом не навязывать собеседнику чуждые для него понятия и терминологию. С другой стороны, респонденту предоставляется определённая свобода повествования, для того чтобы не упустить возможность подойти к обсуждению каких-то важных проблем, о существовании которых исследователь может заранее и не подозревать. Такой подход делает собираемый материал сопоставимым, позволяет работать с ним как с массовым источником, т.е. применять при его обработке методы количественного анализа. Но при этом не утрачивается уникальность рассказа о жизни и личном опыте каждого респондента.

Вопросы, содержащиеся в разработанном по теме исследования вопроснике, направлены с одной стороны на получение конкретной информации о фактологической стороне исторически значимых событий и явлений, а с другой стороны позволяют получить информацию, отображающую мир мнений, взглядов и оценочных суждений как на уровне индивидуального восприятия исторических реалий, так и на уровне групповых (коллективных) представлений.

Подготовка к проведению сбора материалов устной истории требует осуществления ряда организационных мероприятий. Необходимо подготовить к работе группу волонтеров.

Большое внимание следует уделить подготовке волонтеров к работе по сбору устных воспоминаний. Предварительный инструктаж о правилах поведения, этических нормах и профессиональных навыках в ходе интервью является обязательным условием допуска к такой работе. Участники сбора устных источников должны усвоить следующие нормы работы:

1. Необходимо разъяснить респонденту суть работы по записи воспоминаний, создать благоприятную для общения доверительную атмосферу. Не последнюю роль в этом играет искренний интерес к собеседнику, желание обеспечить респонденту максимальный физический и психологический комфорт. Специалисты в области устной истории призывают всегда ставить интересы респондента на первое место. Распределение ролей во время интервью должно быть неукоснительным: респондент – рассказчик, а интервьюер – слушатель

2. Во время интервью человек не просто вспоминает о прошлом – его рассказ, на самом деле, представляет не монолог, а диалог с интервьюером, который оказывает сильное влияние на содержание интервью. Поэтому необходимо минимизировать влияние интервьюера на респондента. Главное помнить, что цель встречи – это запись воспоминаний, а не «перевоспитание» собеседника. Интервьюер обязан понимать, что работа проводится с *живым* источником. Поэтому следует проявлять уважение к собеседнику при любом повороте беседы и даже в случаях принципиального несогласия с мнением респондента поведение и вопросы интервьюера должны оставаться корректными.

3. Интервьюер придерживается плана (вопросника), но его задача только поощрять собеседника, стимулировать поток воспоминаний респондента, помогать восстанавливать в его памяти события, чувства, мысли. Поэтому кроме заранее подготовленных вопросов, интервьюер должен уметь задавать вопросы по ходу беседы, реагировать на неожиданные повороты во время интервью, импровизировать с целью получения оптимальных результатов.

4. Интервьюер должен грамотно оформить результаты своей работы, сопроводить текст воспоминаний отдельным описанием настроения и поведения респондента во время интервью, высказать своё мнение о степени откровенности собеседника.

На занятиях можно использовать фрагменты видеозаписей интервью, что дает возможность наглядно продемонстрировать как положительный, так и негативный опыт сбора материалов устной истории, разобрать и обсудить практическое применение правил записи интервью. Тренинг позволяет волонтерам попробовать себя в качестве интервьюеров на примерах предложенной учебной темы, получить предварительные навыки и умения проведения качественного интервью.

ВОПРОСНИК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Польский период (1921–1939 гг.)

1. Расскажите о деревне (местечке, городе), где Вы жили // Чем занимались члены Вашей семьи, Ваши соседи, знакомые? С кем дружили и часто общались Ваши родные? Кто в Вашей деревне (местечке, городе) считался состоятельным человеком? Что в Вашей местности считалось признаком достатка и богатства (какие предметы домашнего обихода, мебель, одежда, еда, техника, хозяйство, земля, домашний скот, возможность нанимать прислугу или наемных работников и пр.)? Кого относили к беднякам? Кто пользовался наибольшим авторитетом и уважением? Кого презирали, сторонились или боялись? Объясните, почему.

2. Расскажите о том, как жила Ваша семья // Где, у кого и какие товары Вы приобретали? Что покупали обычно и постоянно? Вспомните, какие крупные покупки до войны сделала Ваша семья? Ездили ли Ваши близкие или знакомые за границу? Если да – с какой целью, как надолго, куда. Знаете ли Вы случаи, когда люди уезжали на заработки в Аргентину, Бразилию, Америку и т.д.? Всегда ли они возвращались? Совершали ли Вы поездки за пределы своей деревни, местечка, города? Куда, с какой целью, как надолго. Чем отличалась жизнь людей в другой местности, где Вам приходилось бывать до войны, от жизни в Вашей местности?

3. Какие магазины, лавки, кафе, пекарни, бани, парикмахерские, фотомастерские, ремесленные мастерские были в вашей местности? Кто был их владельцами?

4. К кому Вы обращались в случае болезни? Как дорого обходилось лечение?

5. Какие школы были в Вашей деревне (местечке, городе)? // Каким было отношение учителей к учащимся? На каком языке велось обучение? Помните ли Вы до сих пор польский язык, в какой степени можете

понимать, говорить, писать? На каком языке общались между собой ученики в школе? Какие были отношения между учениками разных национальностей (поляками, евреями, белорусами, русскими, украинцами), дружили или враждовали? Когда и как Вы научились писать по-русски (по-белорусски, по-украински)?

6. Жили ли в вашей деревне (местечке, городе) поляки? Чем они занимались и чем отличались от белорусов (в одежде, быту, привычках, манере общения, поведении)? Как поляки относились к белорусам, евреям, людям других национальностей? Чем вера поляков отличалась от веры белорусов? Можно ли было менять веру, перейти в католичество? Как относились православные к католическим праздникам? А католики к православным?

7. Жили ли в вашей деревне (местечке, городе) евреи? Чем они занимались и чем отличались от белорусов (в одежде, быту, привычках, манере общения, поведении)? Как евреи относились к белорусам, полякам, людям других национальностей? Чем вера евреев отличалась от веры белорусов? Как она называется (например, еврейская, жидовская)? Можно ли было евреям менять веру? Были еврей-христиане? Какие еврейские праздники Вы помните? Как относились христиане к еврейским праздникам? Как относились евреи к христианским праздникам? Что такое маца, из чего ее делают и как используют? Что рассказывали о том, что евреи добавляли в мацу христианскую кровь (где и как они ее добывали, зачем добавляли)? Почему евреи не едят свинину?

8. Жили ли в вашей деревне (местечке, городе) татары? Чем они занимались и чем отличались от белорусов? Вопросы аналогичные (см. п.7).

9. Жили ли Вашей местности цыгане? Как к ним относились жители вашей деревни (местечка, города)? Какая вера у цыган? Какие праздники? Когда обращались к цыганам за помощью? Как относились к цыганским гаданьям? Что рассказывали о цыганских проклятиях?

10. Как в вашей деревне (местечке, городе) относились к межнациональным бракам (когда, например, белорус женился на еврейке или белоруска вышла замуж за поляка)? Приходилось ли Вам бывать в гостях у поляков, русских, евреев?

11. Поляки, евреи, татары селились отдельно (был особый квартал, улица) или место их проживания не было выделено?

12. Есть ли у «чужих» (евреев, цыган, татар) какие-либо телесные особенности (цвет кожи, волос, веснушки и пр.) и запах, отличающие их?

13. Как жители Вашей деревни (местечка, города) относились к костелу, синагоге, мечети (или молитвенным домам людей другой веры) – старались обходить подальше, «подшучивали» – иногда подбрасывали что-

нибудь внутрь, считали, что там есть нечистая сила? Как относились к кладбищам католиков, евреев, татар?

14. Какие поговорки, стихи, песенки, анекдоты того времени о поляках-католиках, евреях, татарах, цыганах Вы помните?

15. Расскажите о случаях, когда между белорусами, поляками, евреями и представителями других национальных групп были драки, ссоры, др. конфликты? Какими были причины таких столкновений?

16. Имело ли значение для Вас и Ваших близких, какой национальности Ваши знакомые? Объясните почему. Как Вы считаете, какой национальности было лучше жить при Польше? Какой национальности было хуже?

17. По-вашему, были ли у белорусов возможности добиться успехов в работе, учёбе, вообще в жизни «при Польше»? Можете ли Вы привести примеры удачно сложившейся жизни Ваших родных или знакомых? От чего, на Ваш взгляд, зависели неудачи в попытках достичь успехов в карьере или положении?

18. Что Вы до войны знали о репрессиях, коллективизации, голоде 1930-х годов, товарном дефиците и т. д. в БССР, в СССР? Были ли у Вас родственники в БССР, СССР?

19. Какие планы строили Вы лично или в Вашей семье в 1930-е годы: переехать, построить дом, купить землю, поступить учиться, устроиться на работу и пр.

20. Как Вы отнеслись к известию о нападении Германии на Польшу? Какие чувства испытали, когда западные области Беларуси были включены в состав БССР?

21. Что значило для Вас и Вашей семьи установление советской власти?

22. Что из жизни «при Польше» вспоминается как хорошее, светлое? О чем сожалели Вы и Ваши близкие после установления советской власти (что утратили, что потеряли, какие возможности были упущены).

23. Что из жизни «при Польше» вспоминается как плохое. Как изменилась Ваша жизнь, жизнь Ваших близких или знакомых в хорошую сторону после 1939 г.? // Что хорошее и новое появилось в Вашей жизни после прихода советской власти?

Памятка

1. Ф.И.О. проводившего интервью, дата интервью.
2. Ф.И.О., год рождения, национальность, вероисповедание, образование, профессия, современный адрес респондента, его телефон. Указать степень родства (знакомства) респондента по отношению к проводившему интервью.

3. Данные о месте проживания респондента в период 1921–1953 гг.

4. Характеристика респондента. Указать, на какие вопросы респондент отвечать отказался (определить причину), на какие отвечал достоверно и полно. На какие вопросы, по Вашему мнению, отвечал уклончиво, неохотно (объяснить почему).

Инструкция для проведения интервью

1. Необходимо создать доверительную, доброжелательную атмосферу для беседы с респондентом. Обе стороны должны располагать достаточным временем для беседы (2–3 часа). Залог успеха – Ваш интерес к рассказу собеседника. Желательно договориться с респондентом об ещё одной встрече для уточнения некоторых деталей. Плюс такого подхода состоит в том, что Ваш собеседник может вспомнить то, о чём не рассказал во время первой встречи.

2. Желательно избегать присутствия посторонних лиц (соседей, родственников и пр.), поскольку это может оказать неблагоприятное влияние на респондента, снизить его откровенность. Если интервью берётся у двух человек (например, супругов или сестёр), лучше записывать их отдельно, воспользовавшись возможностью уточнить или дополнить ряд вопросов.

3. Надо уметь слушать и слышать собеседника, гибко реагировать на услышанное – задавать уточняющие и направляющие вопросы, просить разъяснить не очень понятые места. Вопросник – не догма! Если по ходу услышанного логично задавать вопросы в другом порядке, чем это представлено в вопроснике, значит так и надо действовать (например, в случае, если респондент, вспоминая о событиях польского периода, «перескочил» на события времён войны).

4. Интервью – это беседа, а не допрос! Нельзя «давить» на респондента, если он уклоняется от ответа на поставленный вопрос. Можно попробовать через некоторое время вернуться в беседе к тому же вопросу, переформулировав его.

5. Нельзя оказывать на респондента влияние, то есть высказывать собственные суждения по поводу услышанного, спорить, эмоционально реагировать на воспоминания. Следует помнить, что даже Ваша мимика может невольно заставить респондента рассказывать то, что Вам нравится, а не то, что было на самом деле. Главная задача – как можно точнее записать воспоминания человека в том виде, в котором он их предлагает, вне зависимости нравится или не нравится Вам лично его рассказ.

6. Если запись воспоминаний осуществляется с помощью аудио- или видеотехники, следует позаботиться, чтобы не создавались шумовые помехи (попросить выключить радио и телевизор, выключить мобильные

телефоны и т.д.). Видеосъёмка должна проводиться с помощью оператора (сложно одновременно снимать человека и задавать ему вопросы).

7. Воспоминания должны быть оформлены в электронном виде и сдаваться как в распечатанном виде, так и на электронном носителе. К интервью прилагается памятка.

8. Необходимо предоставить фотографию респондента (лучше всего современную, можно – фотографию прошлых лет).